

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ДЕКАБРЬ

2011

КИСЛЕВ

5772

N 12 (236)

ЛЕХАИМ 12/236
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненькова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина
Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Павел Шевелев (с. 47)
Александр Горнов (с. 74, 76)
Яна Сметанина (с. 78)
Наталья Успенская (с. 80)
Дмитрий Швионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 20, 42, 44, 59, 62, 82, 96)
Марк Гондельман (с. 5, 64) Marcelo Bendahan (с. 53)

Фото предоставлены агентствами
Chabad Lubavitch (с. 6)
Еврейская община Днепропетровска (с. 9)
Фотобанк (с. 56)
Фото ИТАР-ТАСС (с. 88, 106)
Центр современной культуры «Гараж» (с. 98, 101, 102)
East News (с. 107, 109)

На обложке
Рисунок Павла Шевелева

Подписано в печать 17.11.11.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,
2-й Вышеславцев пер., 5а.
Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

На Востоке говорят: «Не рассказывай мне, как прекрасен цветок, дай его понюхать». Воспользовавшись талмудической фразой, подтвердим: «проверено и испытано», почти невозможно рассказать, а тем более написать о чем-либо таким образом, чтобы услышавший и прочитавший почувствовал то же, что рассказчик. Тех, кому удастся это хоть в малой степени, мы называем талантами, того же, кто заставит нас слиться с излагаемыми событиями, именуем гениями.

Именно поэтому я уверен: чтобы по-настоящему понять прошлое, надо в первую очередь читать хорошие художественные книги. Документы можно подделать и неправильно истолковать, дневники и мемуары чаще всего беспардонно врут, великие же писатели оттого и велики, что пишут правду, не замутненную пропагандистскими или идеологическими клише.

Когда 20 лет назад я, по юношескому безрассудству, взялся издавать журнал, положение с еврейскими знаниями в СССР было совершенно апокалиптическим. Как говаривала одна известная переводчица: «Если вы встретите человека, владеющего четырьмя языками, но не знающего своего родного, можете быть уверены, что это еврей». Эту же парадигму можно было применить и к истории, и к традиции евреев.

Зато с читателями был полный порядок. Интерес ко всему еврейскому, еще совсем недавно полузапретному, был более чем велик. Это подталкивало к действиям — но и развращало. Ведь достаточно было издать что угодно, какого угодно качества «про евреев», и успех был обеспечен. Вот и процветала всякая лабуда. Изготовителей подобной продукции московский писатель Асар Эппель точно назвал «хаванагильщиками еврейской культуры». Видит Б-г, меньше всего мне хотелось заслужить такое звание.

Время шло, менялись и уровень, и, соответственно, требования публики. Менялся и меняется «Лехаим». Празднуя годовщину, мне показалось правильным, вместо того, чтобы принимать комплиментарные поздравления именитых читателей, ближе познакомиться с теми, кто за этими изменениями стоит. Редакторы «Лехаима» — люди очень разные, но в чем-то похожие. Они все занимаются не подценщиной, а любимым делом. Они все талантливы и трудолюбивы. Это они заставляют цветок пахнуть.

Но, как всегда бывает, за кадром остаются главные участники процесса. Их портретов в этом номере вы не найдете, но они в каждой строке журнала. Без энергии и целеустремленности Лены Калло,

преданности и скромности Яши Ратнера, безупречного художественного вкуса Жени Черненьковой журнал был бы совсем другим.

Журналу 20 лет, и уже 5 лет нет с нами замечательной женщины, которую я считаю своим главным учителем в издательском деле — первого ответственного секретаря «Лехаима» Муси Иосифовны Вигдорович. «Лехаим» помнит ее и будет помнить всегда.

За 20 лет изменилось многое. Мы живем в другой стране, нас читают на всех континентах. Некоторые наши авторы и сотрудники с нами даже никогда не встречались. Мы теперь гораздо чаще приходим в ваши дома не в бумажном, а в цифровом виде, благодаря Интернету.

Но суть осталась прежней. «Лехаим» старается сделать все, чтобы как можно больше людей узнало: у этого цветка прекрасный запах. Традиция и история еврейского народа того стоят.

אִתּוֹ אִתּוֹ

ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО?..

Еврейский мир

Лет пять назад Борух Горин, главный редактор журнала «Лехаим», сказал мне: «Если ты такой умный, почему бы тебе не взять на себя редактирование религиозного раздела? Так сказать, в развитие твоих идей». Это неожиданное предложение было сделано в контексте разговора о жизненных приоритетах и о сизифовом труде еврейских культуртрегеров. В нашей среде жалобы на упорно игнорирующих национальные традиции соплеменников давно стали общим местом, и на этом фоне руководители журнала являли редкое исключение. Они не объясняли окружающим, почему не удается добиться желаемых результатов, а делали свое дело, предъявляя все более растущие требования к самим себе.

Самоуверенность редколлегии часто ставила меня в затруднительное положение. Издавать еврейский журнал в стране, где «новая общность советских людей» стала грустной реальностью, либеральный космополитизм — идеологией «продвинутой» интеллигенции, а национальные идеи подменяются ксенофобией, задача непростая. Но эти люди были уверены в успехе. Они рассуждали о том времени, когда «Лехаим» станет привычным ориентиром в мире еврейской литературы и искусства для широких кругов читателей.

Обращенные ко мне слова Горина застали меня врасплох. Его можно было понять: «узок круг этих революционеров». Из всех разделов религиозный был самым проигрышным: если история и литература еще могли заинтересовать, то иудаизм явно не был приоритетной сферой интересов для целевой аудитории журнала — образованных русскоязычных интеллигентов. Впрочем, ко времени моего разговора с главным редактором я изрядно поизносил свое недоверие к перспективам журнала. На моих глазах реализовывались все новые замыслы, появились сотрудники, чьи имена оказали бы честь любому престижному изданию и были знакомы всем образованным людям в России. Я прочитывал журнал «от корки до корки» и с удивлением убеждался в том, что практически не было материалов, которые оставили бы меня равнодушным. Но этот успешный рост делал задачу редактора еще более сложной — найти русскоязычных авторов, пишущих на религиозные темы с учетом заданной планки качества. У меня вовсе не было уверенности в том, что я справлюсь с этой задачей, но сказано в «Пиркей Авот»: «Если не я за себя, то кто за меня...»

С тех пор, огрызаясь и упрашивая, жалуясь и ругаясь, я делаю свое дело. К чести редколлегии надо сказать, что за прошедшие годы я не услышал ни одного доброго слова в свой адрес. С другой стороны, ругают меня часто, так что на недостаток внимания жаловаться не приходится. В моем разделе сложился свой коллектив авторов, общение с ними служит источником постоянного удовольствия и оттачивает чувство юмора. Огромное им всем спасибо! Я узнал много нового, редактируя и переписывая их тексты. Не знаю, как журналу, а мне эта работа явно на пользу!

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ עֲשֵׂה נִסִּים וּמוֹתָוֹת

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ עֲשֵׂה נִסִּים וּמוֹתָוֹת

<...> В связи с предстоящим окончанием вашей учебы я от всей души желаю вам продвигаться от свершения к свершению[1] в учебе и духовном развитии.

Поскольку в субботу, предшествующую этому, в синагогах будут читать раздел Беаалотха[2], я надеюсь, что вы извлечете хороший урок из этого важного и значимого раздела Торы, который начинается заповедью зажигания меноры[3].

Согласно объяснению основателя Хабада, автора Таньи и Шульхан аруха рабби Шнеура-Залмана из Ляд, применительно к нашей повседневной жизни «зажигание меноры» означает наполнение души светом, который символизирует менора, — ибо сказано: «Светильник Г-спода — дух человека»[4], — светом Торы и заповедей: «Ибо заповедь — светильник, и Тора — свет»[5].

Именно в этом и состоит задача еврейского образования (которое называется на иврите словом хинух, означающим не только «образование», но и «обновление, освящение») — «зажечь» души еврейских детей Торой и заповедями, чтобы они могли стать Святилищем для Шхины. При этом зажигать детские души нужно так, чтобы «пламя начало подниматься само по себе», как объяснял Раши[6] в своем комментарии к недельному разделу Беаалотха. Иными словами, в душе ученика следует разжечь пламенное желание изучать Тору, чтобы он смог достичь уровня своего учителя и даже превзойти его.

Менора, стоявшая в Храме, была предназначена светить всему миру. Точно так же предназначение ученика любавичской школы — нести свет Торы и заповедей всем и каждому, «дальнему и ближнему»[7]. Такова почетная обязанность каждого, кому посчастливилось получить воспитание в духе Любавичей: как сказал основатель любавичской ешивы[8], ее ученики должны быть нерот леаир — «яркими светильниками», освещающими мир вокруг себя светом Торы и заповедей, наполненным пылом хасидизма.

<...>

<...> Относительно позиций, на которых должна строиться работа сети школ Хабада, я уже неоднократно писал, что порой меня очень удивляет отношение некоторых учителей к своей работе — особенно ряда преподавателей из числа анаш[9], в том числе Вас лично. Эти педагоги считают себя наемными работниками, работающими на других, и, соответственно, предъявляют претензии, и если их требования остаются без внимания или не исполняются полностью, они решают, что нужно искать другую работу, поскольку какая разница, каким образом зарабатывать на жизнь себе и семье.

Я вынужден сказать, что подобный подход недопустим. Создатель сети наших школ — мой наставник и тесть Ребе, и учебные заведения носят его имя. Поэтому для всех тех, кому посчастливилось участвовать в деятельности этих учреждений, работа эта — врата и канал, через который они получают Б-жественное благословение и жизненную силу, для себя и для своей семьи, как в материальном, так и в духовном смысле.

Однако, как и во всем в этом мире, здесь есть разделение полномочий. Есть те, кому повезло больше других, поскольку их работа связана с основной деятельностью учебного заведения — то есть непосредственно с образованием и воспитанием; есть и другие — всего лишь администраторы, спонсоры и т. д.

В свете перечисленных соображений вызывает искреннее недоумение и удивление, если разумный человек, который удостоился того, что преуспел в этой работе, приходит к директору и говорит: «Послушайте, я делаю вам одолжение тем, что здесь работаю, поэтому если вы выполните мои требования — я остаюсь, а если нет — ищу другую работу». Полагаю, излишне развивать эту тему.

Если бы у учителей из анаш было соответствующее отношение к работе, то его, если приложить определенные усилия, переняли бы и другие учителя, и тогда их работа могла бы быть уподоблена службе преданного слуги, который старается выполнить ее наилучшим образом, даже если его служба — «принятие ярма»[10].

Очевидно, что тот, кто владеет бесценным сокровищем, не станет ставить другим условие: если ты исполнишь мои требования, то я буду им пользоваться, а если нет — я его выброшу и буду ходить по рынкам и улицам ради того, чтобы заработать на пропитание. Как говорилось выше, умному достаточно намека[11].

Несомненно, Вы не только сами поймете сказанное, но и донесете это до учителей, которых Вы знаете или с которыми можете познакомиться.

Разумеется, я не хочу сказать, что требования учителей необоснованны или что члены правления правы во всех отношениях. Я лишь хочу подчеркнуть, что лучшая доля среди всех школьных работников — доля учителей, которые получают большую духовную награду, чем члены правления. А поскольку у еврея материальное бытие является продолжением духовного, как сказано: «Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Г-спода, Б-га вашего, и служить Ему от всего вашего сердца и от всей вашей души, то дам вашей земле дождь в свое время, ранний и поздний; и ты соберешь твой хлеб и твоё вино и твоё масло»[12], — то и в материальном плане они также получают больше, чем члены правления: или немедленно и явно, или с течением времени, так, что «тот, с кем происходит чудо, — не осознает его»[13]. Ибо известно, что <...> заработок в наших поколениях подобен ману в пустыне. Поэтому недопустимо, чтобы они повредили себе, покинув учебное заведение, возглавляемое Ребе, моим наставником и тестем.

<...> Что касается того, каким образом приучить учеников школ к поведению, соответствующему требованиям Шульхан аруха и основанному на трепете перед Небесами, то на этот счет невозможно прописать четкие и однозначные правила, поскольку в каждой школе своя ситуация, зависящая от того, в каком окружении росли ученики. Однако в целом в тех вопросах, где нет кощунственного нарушения заповедей, следует действовать в соответствии с принципом: «...Я изгоню их понемногу»[14]. Разумеется, учителям необходимо обсуждать эти вопросы между собой, как сказано: «Спасение в умножении совета»[15]. <...>

Í áðññá ñ áí áðéññíñá, éáèòà è èáðèòà Óáðéí Áí áðòóñáèà, Éááñ Ááéññáðà, Ááñí èý Éááéí à, Ýèè Ýéññéí à

[1]. *Парафраз Теулим, 84:8.*

[2]. *Бемидбар, 8:1-12:16.*

[3]. *Там же, 8:1-2.*

[4]. *Мишлей, 20:27.*

[5]. *Там же, 6:23.*

[6]. *Раши на Бемидбар, 8:2.*

[7]. *Йешаяу, 57:19.*

[8]. *Рабби Шолом-Дов-Бер, основатель ешивы «Томхей тмимим».*

[9]. *Анаш (аншей шломейну, букв. «люди нашего мира») — «наши люди», устойчивое выражение для обозначения членов группы (общины, течения) внутри иудаизма, к которой принадлежит говорящий или пишущий. То есть в данном случае речь идет о любавичских хасидах, хабадниках.*

[10]. *То есть он исполняет работу, поскольку получил приказ, а не в силу того, что ощущает внутреннюю потребность ее делать.*

[11]. *Мидраш Мишлей, 22.*

[12]. *Дварим, 11:13-14.*

[13]. *Вавилонский Талмуд, Нуда 31а.*

[14]. *Дварим, 7:22.*

[15]. *Вавилонский Талмуд, Йевамот, 121а.*

МОРАЛЬ – НЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА, А ОТ Б-ГА

Берл Лазар

Первая мишна трактата «Пиркей Авот» начинается словами: «Моше получил Тору с Синая и передал ее Йеошуа, Йеошуа — старейшинам, старейшины — пророкам, а пророки передали ее мужам Великого собрания».

Возникает сразу несколько вопросов. Почему сказано: «Моше получил Тору»? Ведь сама Тора говорит, что у Синая стоял весь народ! Почему «получил Тору с Синая» а не «получил Тору от Б-га»? И главное: почему история обретения Торы приводится именно здесь? На первый взгляд ей место в самом начале Талмуда, где мы разбираем законы, касающиеся отношений человека с Б-гом, — а не в «Пиркей Авот», своде морально-этических принципов еврейства.

Но наши мудрецы объясняют, что все логично. Более того — необходимо. Если мы рассматриваем моральные нормы, надо прежде всего договориться о главном: мораль — не от человека, а от Б-га, от Торы! Многие убеждены, что есть некая «человеческая мораль», мораль без религии. Их логика такова: мораль — это правила поведения по отношению к другим людям, значит, сами люди и вырабатывают эти правила. Но наша традиция исходит из противоположного постулата: законы и правила поведения имеют право на существование, только если идут от Б-га. Тора дает нам не только заповеди из сферы отношений человека с Б-гом, но и заповеди морального плана.

«Человеческой морали» быть не может по определению. Ведь во всех действиях человека в обществе замешан личный интерес: человек наделен свободой выбора, поэтому он никогда не станет совершать поступки, в которых прямо или косвенно не заинтересован. Свой интерес для человека всегда и обоснован, и справедлив. Но интерес у каждого свой: если пытаться строить мораль на представлении о том, что «справедливо для меня», придется свой интерес, свою «справедливость» навязывать. А поскольку у других людей другие интересы — придется навязывать силой...

Последние несколько столетий — когда особенно много говорилось о «человеческой морали», морали без Б-га — дали нам, к сожалению, слишком много примеров ее пагубности: колониальные и мировые войны, геноцид, нацизм, терроризм...

Очень дорогую цену платит человечество за попытки выстроить мораль без Б-га. И все эти попытки обречены на неудачу. Именно поэтому «Пиркей Авот» в первой же своей мишне напоминает нам об истории обретения Торы, содержащей в себе кодекс единственно верной морали — той, что идет от Б-га. И эта же мишна показывает, какие качества человек должен развивать, чтобы принять Тору в свою душу. Именно с этим связано упоминание о том, что «Моше получил Тору с Синая».

В мидраше говорится, что, когда Б-г решил дать евреям Тору, к нему явились все горы, и каждая просила, чтобы это судьбоносное событие произошло именно на ней. К удивлению высоких и красивых вершин, Б-г выбрал Синай, низкий и не слишком привлекательный. Сказано в книге Теилим: «Что вы скачете, холмистые горы? Эту гору возжелал Б-г, чтобы обитать на ней»...

Выбор пал на Синай именно потому, что это была вершина скромная и непритязательная. По этой же причине Б-г передал Тору Моше — «самому скромному из людей». Скромность, учит мишна, — это единственное место и единственное состояние для обретения Торы. Только когда человек признает, что не все понимает и нуждается в указаниях своего небесного Отца, он готов принять Тору. Именно поэтому в мишне говорится, что Моше «получил Тору»: это дар от Б-га, его надо принимать в том виде, в каком Всевышний его дал, и соблюдать неукоснительно, не пытаясь «подчистить» в соответствии с сиюминутными интересами.

...Есть история о двух евреях, спорящих в раввинском суде об ответственности за убытки: один жалуется на непоставленный товар, другой ссылается на холод и плохие дороги. Раввин возлагает ответственность на второго, поскольку по законам Торы договор в любом случае надо соблюдать. А тот еврей в крик: «Б-г дал Тору в пустыне, там было жарко! Вот если бы Он дал ее в Сибири — наверняка где-то

оговорил бы, что снег и мороз освобождают от договорных обязательств!» Перед нами классический пример «человеческой морали»: мой личный интерес всегда должен быть оправдан! Кстати, наши мудрецы и этот вопрос разъясняют. Почему, спрашивают они, Б-г даровал Тору в пустыне, а не в Иерусалиме или в каком-нибудь ином крупном городе Древнего мира? Именно потому, что в пустыне ничего нет, человеку в буквальном смысле слова не за что ухватиться, здесь самое правильное место для получения вечного Закона, — Закона, который мы должны соблюдать, где бы мы ни находились и в каких бы условиях ни существовали.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

וַיְהִי בְּיָמֵינוּ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ 11 (235)

וַיְהִי בְּיָמֵינוּ בְּיָמֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ 1990 אֵלֵינוּ

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Перед Песахом в тот год прошла всеобщая перепись населения, в которой, среди прочих вопросов, был вопрос о том, является ли отвечающий верующим. Были среди верующих те, кто опасался написать правду. Мой муж поднялся на биму в синагоге во время субботней молитвы, когда собиралось больше всего людей, и провозгласил, что не дать правдивый ответ на этот вопрос — самое настоящее вероотступничество и ни один еврей не имеет права так делать.

Эта речь оказала огромное влияние на людей. Был в общине один еврей, который работал в государственной организации, чем зарабатывал на жизнь для себя и своей семьи. Его жена ответила за него в переписи, что он неверующий. Он отправился в управление статистики и попросил исправить ошибочную запись, поскольку на самом деле он является верующим. Этот человек был очень рад тому, что сумел решиться на подобный поступок. Позже он пришел поблагодарить раввина, слова которого так на него повлияли.

וַיְהִי בְּיָמֵינוּ בְּיָמֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

На одном из допросов во время следствия (допросы проходили, как правило, в три-четыре часа ночи) моего мужа спросили: как ему удалось в год, когда была сложная ситуация с мукой и другими продуктами, провести работу такого масштаба по выпечке мацы для религиозных нужд? Он ответил, что дал

взятку Калинину, когда встречался с ним в Москве, и за это получил разрешение. Следовательно, да сотрется его имя, лишился дара речи.

Другой вопрос, который ему задали, касался пункта переписи про отношение к вере. Было ясно: все, что муж говорил в синагоге, становилось известно властям, слово в слово. Очевидно, в синагогу был приставлен специальный человек, который следил за тем, как муж себя ведет и какое влияние оказывает на прихожан. Этот человек, как потом выяснилось, находился среди молящихся.

На этот вопрос муж ответил, что советская власть стремится, чтобы все делалось по правде. Евреи же являются — по правде — верующими[1], и только страх того, что это может повредить им с заработком или в других аспектах, заставляет их не давать правдивый ответ и скрывать, что они верующие. Он хотел лишь того, чтобы люди не обманывали переписчиков.

О, с каким умом и хитростью муж уворачивался от следователей! Своими ответами он лишил их возможности развивать обе эти линии вопросов.

11 oâòà 5708 ãäà (22 ýí ààðý)

Í Î Ñ Û È È Ñ Í Ð Î Á Ñ Ó È Ò À Ì È — Í Á Ï Î Ñ Ó Á Á Î Ò À Ì !

Я искала мужа в течение пяти месяцев, пытаюсь выяснить, где он находится и получил ли те вещи, которые я посылала на его имя в Киев и Днепропетровск. На все запросы приходил ответ, что он нигде не числится.

В то время как я искала совета, что мне делать дальше (а особо советоваться было и не с кем, все боялись принять хоть какое-либо участие в судьбе моего мужа), пришла повестка из екатеринославской[2] тюрьмы о том, что Л. З. Шнеерсон[3] находится в камере №... и я могу передать ему продукты и деньги.

Я порадовалась тому, что наконец-то стало ясно: муж жив, кроме того, у меня появилась возможность что-то передать ему. После всех сложностей и бюрократических препон я наконец собрала продуктовую передачу.

Передачи принимали раз в десять дней — все заключенные были разбиты на группы по алфавитному списку их фамилий. Первый раз муж мою посылку получил, о чем мне была выдана квитанция за его подписью. В следующий раз день, когда передачи получала его группа, выпал на субботу. Поэтому я все приготовила еще в пятницу, а в субботу утром взяла с собой русскую девушку, чтобы она несла передачу.

Больше четырех килограммов еды передавать не разрешалось. В этот вес входило все — даже хлеб. И если в нужный день я бы не пришла, мужу пришлось бы ждать следующей передачи — целых десять дней. Часть из тех четырех килограммов, которые я посылала, отбирала охрана, которая словно бы «отделяла десятину» от передачи — и не один раз, а целых два. Принимая во внимание этот факт, а также то, что муж, скорее всего, из тюремной еды ничего не ел, я решила, что в таких обстоятельствах можно передать ему еду в субботу[4].

Прождав с семи утра до семи вечера, когда совсем стемнело, я получила записку, которую комендант прочитал громким голосом в присутствии множества людей, стоявших в очереди (впрочем, они вряд ли поняли смысл прочитанного): «По случаю субботы передачи не принимаю»[5].

Для того, чтобы решиться на такой поступок, нужны были сила духа и Б-гобоязненность моего мужа! Ведь все это происходило после того, как шесть месяцев он провел на черном хлебе и воде, испытывая множество лишений и страданий, а следующую передачу ему пришлось бы ждать еще десять дней!

Ценой больших усилий мне удалось убедить тюремное начальство разрешить послать мужу передачу через три дня, хотя он, похоже, получил большее удовольствие от того, что не нарушил субботу, чем от еды, которую получил раньше времени. С тех пор администрация тюрьмы называла его «тот, который в субботу не принимает передачи»[6].

ΔΑΔΑΟΪ ΙΑ ΑΪΪ ΔΙΝΑ

Днем в субботу, через две недели после того, как мужа перевели обратно в днепропетровскую тюрьму[7], к нам домой пришли трое сотрудников НКВД — провести еще один обыск, более тщательный. Все книги и рукописи[8], которые он берег больше жизни[9], они собирались погрузить в машину и увезти. После моих слезных просьб оставить их в доме они связались по телефону с начальством и в конце концов вернули книги обратно. К сожалению, от рук Гитлера[10] мне их спасти уже не удалось[11].

* * *

После того как моего мужа перед Песахом забрали из дома, на следующее утро его перевезли в Киев, в тюрьму Наркомата внутренних дел, где содержались особо важные заключенные. Один еврей столкнулся с ним на вокзале — двое охранников вели мужа к вагону второго класса. Потрясенный, он хотел подойти поближе, но один из охранников сказал ему: когда коены произносят свое благословение, смотреть на них нельзя. Так и тут, — никто не должен подходить к вагону или произносить хотя бы слово.

При всем желании передать мне такой своеобразный привет от мужа — особенно в те дни, когда я была в неведении, жив ли он, — страх сковал уста. Я узнала об этой встрече на вокзале, лишь когда приехала к мужу в ссылку.

* * *

Во время второго обыска они, вероятно, пытались найти у меня какие-нибудь дополнительные материалы, которые позволили бы обвинить мужа в более серьезных преступлениях. Что именно они искали — не знаю.

После этого обыска меня вызвали в НКВД, где расспрашивали в течение нескольких часов: что говорил мой муж в йом тов, когда обычно у него собирались люди, с кем он поддерживает связь (переписывается) за границей и так далее. И что пишут дети — особенно сын[12] из Америки[13].

В конце концов они стали меня запугивать, а я в ответ перестала реагировать на их вопросы, так что следователи остались ни с чем.

ΑΪΪ, ἀνά αεεεά και υψ Εαε-Εοοίεα ΟΪαδνΪα ά ΑΪαΪ δΪΪ αο δΪαΪεά

5.02.48 ά (25 οΪαοά 5708 αΪα)

Ϊ ΔΕΑΑΟΥ ΕΣ ΟΡ ΔΪΪ Ϊ

Все это время мне ни разу не представилось возможности увидеть мужа лично. Зато приходили приветы в письмах. Одно из них я получила из бухты Нагаева[14], от человека, который в Песах сидел с ним в одной камере в киевской тюрьме. Как позднее рассказал мне муж, это был профессор-нееврей, который в тот момент оказался на грани самоубийства, и муж фактически вытащил его из уже приготовленной петли.

Привет придал мне сил. Сообщив о здоровье мужа, автор письма добавил, что никогда не забудет Л. З.[15], его ясный ум и глубокие познания. Он также в нескольких словах обрисовал их жизнь в камере. Там, кроме моего мужа, находилось еще трое заключенных, и все они сумели остаться в живых лишь благодаря его влиянию и поддержке, позволившим им сохранить человеческий облик, несмотря на все то, через что пришлось пройти. Профессор также поражался силе духа и стойкости моего мужа. Как и всем арестованным, ему должны были сбрить бороду. В тюрьме тогда было немало раввинов и пожилых Б-гобязанных евреев, которые пытались не допустить этого, но у них ничего не вышло — все были обриты. Когда подошла очередь Ш., он с такой силой воскликнул: «Вы не коснетесь моей бороды!» — что тюремщики испугались и оставили его в покое. И действительно, как я заметила впоследствии, он был единственным заключенным с бородой. Естественно, многие религиозные евреи завидовали ему.

В конце августа 1939 года мужа перевезли обратно в Днепропетровск, и у меня, как уже упоминалось, появилась возможность раз в десять дней передавать ему продуктовые посылки. Однако узнать о нем, о его здоровье и положении дел ничего не удавалось. Были знакомые врачи, которые видели его в тюрьме, сотрудники тюремной администрации вообще встречались с ним ежедневно, но мне никто не говорил ни слова. Был, правда, один работник тюрьмы, который регулярно передавал мне приветы от мужа, но, как потом выяснилось, он все это просто выдумывал.

Один привет, однако, я от мужа в самом деле получила. Случилось это субботним днем. Его тогда содержали в нескольких километрах от города[16]. Там его встретил знакомый, кашлем давший понять, что узнал моего мужа. Тот в ответ тоже кашлянул. Этот привет был сразу же мне передан, и с дополнительной информацией: муж выглядит неплохо, держится твердо.

Позже муж рассказал мне: он в то время полагал, что его скоро освободят, и поэтому настроение у него было гораздо лучше, чем раньше. Увы, ситуация вскоре изменилась к худшему.

יְאִמְרָא הַעֲבֵרָא וְאֵלֶּיךָ אֲבֵרָא

יְאִמְרָא הַעֲבֵרָא וְאֵלֶּיךָ אֲבֵרָא

- [1]. См. Талмуд, трактат Шабат, 97б: «Евреи — верующие, дети верующих».
- [2]. Екатеринослав — название Днепропетровска до 1926 года.
- [3]. Лейвик Залманович Шнеерсон — так рабби Леви-Ицхок значился в советских документах.
- [4]. По еврейскому закону угроза жизни отодвигает субботние запреты.
- [5]. Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.
- [6]. Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.
- [7]. См. записки раввина Леви-Ицхока о его заключении и ссылке (напечатаны в предисловии к «Ликутей Леви-Ицхок» на книгу «Танья», на раздел «Берешит» книги «Зоар» и др.). В них р. Леви-Ицхок, в частности, пишет: «Я сидел <...> сначала в Днепропетровске, потом в Киеве, потом опять в Днепропетровске».
- [8]. В рукописном тексте записок ребецн уточнение: «его <р. Леви-Ицхока> рукописи».
- [9]. См. письмо Ребе к р. Исеру Клювганту, датированное началом месяца тамуз 5734 года («Игрот кодеш», часть 29, с. 191): «Моя мать, благословенной памяти, вручила в Москве Вашему брату [Бенциону], да покоится он в мире, двухтомник “Мидраш рабо” большого формата, на полях которого мой отец и наставник, да будет память праведника благословенна, оставил многочисленные примечания. Не могли бы Вы сообщить, какова судьба этих книг? Надеюсь, Вам понятна вся колоссальная

значимость этого вопроса...» См. также беседу 6 тишрея 5750 года [в 25-ю годовщину ухода из жизни ребецн Ханы], разделы 2 и 4 («Торат Менахем — Гитваадуйот» 5750, часть 1, с. 61 и далее, с. 64 и далее).

[10]. По-видимому, имеется в виду тот факт, что рукописи р. Леви-Иццока, оставшиеся в Днепрпетровске, пропали во время немецкой оккупации.

[11]. См. беседу Ребе в субботу главы «Экев», 20 менахем-ава 5750 года («Гитваадуйот» 5750, часть 4, с. 150), сноска 51: «Я хотел бы обратить внимание на один удивительный момент во всей этой истории: бо́льшая часть опубликованных трудов моего отца и наставника печаталась с рукописей, составленных им в ссылке. По воле Всевышнего именно они стали всеобщим достоянием, тогда как другая часть, гораздо более объемная (тысячи страниц!), записанная в то время, когда он был раввином общины в своем городе, пока еще нам не доступна...»

[12]. Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон.

[13]. Здесь ребецн имеет в виду «страны Запада», «свободный мир», поскольку собственно в Америку Ребе попал только в 1941 году.

[14]. Бухта на северном побережье Охотского моря. На одном из ее берегов расположен порт Магадан, служивший во времена сталинских репрессий перевалочным пунктом, через который заключенных отправляли в колымские лагеря.

[15]. Л. З. — «Левика Залмановича»; Ш. — «Шнеерсона». Автор письма не пишет имен полностью, опасаясь перлюстрации письма.

[16]. См. записки, указанные в прим. 7: «В Днепрпетровске я сидел в двух разных тюрьмах — в городе и за городом».

1996

Ááí èàì èí Ááí í èéí á

Í èí í ÷ àí è á Í à ÷ à è í á ¹ 11 (235)

Ááá èé í í ñ á ý á á ó í ý.

Í è ò á ð Á á á á è ü Ñ ò á ð ó è é.

1563 á á

Í ó ç á è Á í è í à í ñ à á á í Á, í è í á á í à

Ðí ò ò á á á á í

II

Ò Í Ò À È È Ò À Ð Í À В À Í Ò È Ó Ò Í Í È В

«Ñ Á Á È Á Á Í Ñ Á Á Á È Í В»

Рабби Шимшон-Рафаэль Гирш (1808–1888), один из лидеров ортодоксального еврейства в эпоху эмансипации и бурного развития реформистского движения, сочетал бескомпромиссные ортодоксальные взгляды с положительным отношением к современной ему западной культуре и политическим либерализмом. Во время бурных событий 1848 года он призывал евреев заключить союз с горожанами и рассматривал борьбу за еврейскую эмансипацию как часть общей борьбы за индивидуальную свободу и права человека[1]. Общество строителей Вавилонской башни является, в глазах рабби Гирша, коллективом, пытающимся полностью раздавить индивида, лишить его всяческих прав.

Уже описываемая в первом стихе истории изначальная, органичная гармония человечества, характеризующаяся «духовным единством в видении явлений и отношений между ними[2], скрывает в себе и разрушительный потенциал. Упоенное своей победой над природой (освоение новой технологии строительства), коллективное самосознание стремится выйти и на историческую арену: «Сделаем себя имя».

За этим кроется желание человеческого коллектива, равно как и стоящего за ним и манипулирующего им тирана, войти в историю на века, создать грозное «напоминание о силе коллектива и его примате по отношению к индивиду». Снятие противоречия общего и частного могло бы произойти лишь благодаря подчинению и индивиду, и коллектива Б-гу. Однако общество строителей башни, отошедшее от Б-га, забыло и о том, что «задача коллектива состоит в поддержке индивида»; единственной ценностью в нем было провозглашено общественное благо, понимаемое в первую очередь как слава, место коллектива в истории; между тем отдельная личность оказалась лишенной всякой ценности. Общая цель подменила собой мораль: хорошим стало все то, что пойдет на пользу обществу. При этом, однако, само по себе построение города и башни играло в действительности второстепенную роль: в первую очередь оно являло собой средство порабощения человека, не позволяющее ему задуматься о своем индивидуальном бытии. Не случайно, по мнению рабби Гирша, строителями была провозглашена заведомо невыполнимая задача: башня, разумеется, никогда не могла достичь небес, но именно недостижимая цель и требовалась для того, чтобы подчинить ее выполнению не только данное, но и все последующие поколения. Рабби Гирш особенно подчеркивает динамику происходящего. Даже если поначалу узы, связывающие людей в коллективе, — это узы мира и братства, как то было среди тех, кто занялся строительством башни, «будущее человечества зависит от положения индивида, от придаваемой ему нравственной ценности, от неколебимости его достоинства. Над этим будущим нависла опасность, в результате планов того поколения и его предводителей».

На помощь индивиду, однако, приходит Небо, а также логика гегелевской диалектики. Торжество коллективного начала и полное отрицание индивида влечет за собой всплеск индивидуального сознания, находящего свое выражение в возникновении множества языков, отражающих игру отдельных личностей-субъектов: «не множество языков породили разногласия, а, напротив, разногласия породили расщепление языка». В сущности, изначальный язык, элементы и структура которого отражали объективное устройство мира, был извращен еще строителями башни, оторвавшими его от его религиозного начала. Образовавшийся «зазор» и дает место для всплеска крайнего субъективизма, являющегося, однако, положительным началом перед лицом угрозы тоталитарного коллективизма: «только такая децентрализация приведет к избавлению человека»^[3]. Так терпит крах тоталитарный план подчинить все поколения бесконечному возведению башни. С преодоления тоталитарной антиутопии начинается человеческая история, представляющая собой борьбу коллективного и частного начал — противоречие, которое будет в конце концов снято в мессианский период, когда язык всех народов снова станет отражать Б-жьё волю^[4]. Рассеяние народов, однако, служит определенной цели: «почва и климат, моря и реки, горы и пустыни, в своем разнообразии на земле, согласно Б-жьему промыслу, должны были оказать глубокое влияние на человека, формируя его тело, мысли, привычки, страсти и язык»^[5]. Так формируются множественные культуры, в рамках каждой из которых человек «должен стать достойным Б-га и самого себя»^[6]. Если, описывая схожие процессы, рабби Абарбанель видел в них знак упадка и оторванности от изначальной гармонии (подчинение каждой «новой» культуры своему «небесному князю» не могло не отделять ее носителей от Б-га), рабби Гирш рассматривает культурное разнообразие как безусловно положительный фактор: обращение к Б-гу возможно в рамках самых разных культур, к нему-то и ведет динамика исторического развития. Между тем переход Писания от рассказа о Вавилонской башне к повествованию об Аврааме (которому во время описываемых событий было 48 лет) указывает на то, что, невзирая на все «башни мнимой славы», которые возводит себе коллектив в своем триумфальном шествии, «орудием в руках Г-спода, служащим достижению Его высшей цели», становится именно одиночка — противник режима, нашедший в себе силы не поддаться всеобщему безумию.

Çāī ēā Āāī ōōā Nīāō īā

Ÿīēēç

Ī ōīāēō āōēōōāēōīōīā Ā. Ēīōāīā, Ā. Ūōēī ē Ā. Āāēūōōāēōā

1930-ā āāū

«ĀŪĒ ĪÀ ĀŅĀĒ ĆĀĪ ĒĀ ĪĀĒĪ BCŪĒ Ē NĒĪĀĀ ĪĀĪĒ»

Наш рассказ об интерпретации библейского повествования о Вавилонской башне как тоталитарной антиутопии был бы неполон, пройди мы мимо комментария к Торе «А-эмек Давар», принадлежащего перу рабби Нафтали-Цви-Йеуды Берлина, именуемого Нецив из Воложина (1816–1893). Современник рабби Гирша, он был одним из предводителей еврейства в царской России и главой знаменитой Воложинской ешивы. К общей задаче — сохранению мира Торы в изменяющихся условиях — рабби Гирш и рабби Берлин шли разными путями. Рабби Гирш не только поощрял изучение западной культуры, но и сам преподавал своим ученикам Шиллера[7]. Нецив, хотя отличался широким кругозором и даже до определенной степени был готов закрыть глаза на увлечение студентов его ешивы светскими предметами (если они не препятствовали изучению Торы)[8], был категорически против введения светских наук в программу ешивы, во главе которой стоял[9]. Тем более примечательным оказывается типологическое сходство их интерпретации истории о Вавилонской башне.

Подобно рабби Гиршу, Нецив видит в рассказе о Вавилонской башне повествование о попытке подавить индивидуальное начало и достичь полного триумфа коллективизма. Однако в истории, рассказанной Нецивом на страницах его комментария к Торе, нет и следа первоначальной, извращенной впоследствии гармонии. Рисуемая им картина тоталитарного общества оказывается особенно мрачной и безотрадней уже потому, что корнем зла является не концепция коллективного блага, подчиняющая себе индивида, и не манипуляции тирана, а само по себе понятие единства. Нецив пишет: «Писание не объясняет, что это были за “слова”[10], ограничиваясь косвенными указаниями, раскрытыми в мидрашах. Но то, что само Писание не объясняет, что же являли собой эти “слова”, означает, что вмешательство Всевышнего было вызвано не самими “словами”, а тем, что они были “одни”». Единство само по себе не может не являться насилем над многообразием отдельных личностей, поскольку «сознания разных людей отличаются»[11]. Потому и поддерживаться это единство на протяжении времени может лишь хорошо известными всем нам из современной истории средствами. Так, упоминание о новом методе производства кирпичей, по мнению Нецива, служит отнюдь не описанию достижений технологического прогресса; читателя попросту отсылают к истории Авраама, который, согласно мидрашу, был брошен Нимродом в огненную печь[12]. Тоталитарное общество, как всегда, крайне функционально: одна и та же печь, поясняет Нецив, предназначалась как для производства кирпичей, так и для расправы с инакомыслящими[13]. Полное единство, подкрепленное угрозой быть брошенным в печь, делает понятным и опасения строителей

Вавилонской башни перед перспективой рассеяния: рассеяние препятствует контролю, и потому граница должна быть на замке: «Следует понять, почему они так опасались того, что люди выедут в другие земли. Ясно, что это относится к тем “словам одним”, которые были им присущи. А поскольку сознания разных людей отличаются, они опасались того, как бы люди не изменили этому, единому мнению и не стали инакомыслящими. Поэтому они следили, чтобы никто из них не выезжал. Что же касается инакомыслящих среди них, их присуждали к сожжению, подобно тому, как поступили с праотцем нашим Авраамом». Проницательный читатель наверняка сможет и сам дорисовать последний штрих: угадать, каково было назначение самой Вавилонской башни. Разумеется, она была ничем иным, как сторожевой вышкой в этом гигантском концлагере: «А башня нужна была для того, чтобы смотреть из нее на расстояния, дабы видны были отсюда все места их обитания, чтобы никто не затерялся в иной земле. Поэтому она должна была вознестись до небес». «И они поставили на этой башне стражей, дабы те следили за намеревавшимися их покинуть и избежать “слов одних”»[14].

Подобно Оруэллу столетие спустя, Нецив не видел выхода из этой ситуации. По крайней мере, выхода в рамках человеческих сил и возможностей. Рабби Абарбанель полагал, что умножение разногласий является естественным следствием развращающего влияния благ цивилизации и технического прогресса. Рабби Гирш видел во всплеске индивидуализма естественное диалектическое следствие давления коллективизма. (Разумеется, в обоих случаях речь идет об установленных Провидением законах.) Между тем тоталитарная антиутопия Нецива замкнута и безнадежна; естественного выхода из нее нет. Единственным спасением может быть чудо: чудом было спасение Авраама из печи, и подобным чудом было Б-жье вмешательство, положившее конец единомыслию строителей вавилонского ГУЛАГа. Именно в данном месте Торы, подчеркивает Нецив, фраза «И сошел Г-сподь» указывает на «частное Провидение», то есть на участие Б-га в истории не только на уровне общих закономерностей, но и на уровне локального вмешательства в судьбы отдельных людей и коллективов. В этом принципиальное отличие антиутопии Вавилонской башни от большинства литературных — отнюдь, однако, не исторических! — тоталитарных антиутопий XX века.

[1]. См.: *Michael L. Miller. Samson Raphael Hirsch and the Revolution of 1848 // A. Kovacs, E. Andor (Eds.). Jewish Studies at the Central European University, 1999–2001. Budapest, 2002. P. 223–238.*

[2]. *Здесь и далее мы ссылаемся на комментарий рабби Гирша к Пятикнижию (Берешит, гл. 10).*

[3]. *Трудно удержаться от сравнения описываемой картины с теми процессами, которым мы стали свидетелями в XX веке, когда на смену модернистскому и в том числе тоталитарному дискурсу пришли концепции постмодернистского субъективизма, в центре которых оказались проблемы перевода и принципиальной возможности понимания разных языков человеческого сознания.*

[4]. *В гегельянской концепции рабби Гирша место государства как триумфа абсолютного духа занимает полное подчинение всех народов воле Б-га, которое произойдет в мессианскую эпоху. Об этой кульминации диалектической спирали см.: Noah H. Rosenbloom. Tradition in an Age of reform: The Religious Philosophy of Samson Raphael Hirsch. The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1976. P. 164–166.*

[5]. *Это соответствует получившей широкое распространение концепции Гердера. См., например, его «Идеи к философии истории человечества» (II, 6–8).*

[6]. *«Письма с севера» (письмо шестое).*

[7]. *«Кто еще в такой степени, как Шиллер, владел искусством прекрасно выразить истины, которые могли спасти мир и людей, кто мог, подобно ему, подобрать слова, которые овладевали бы и душой, и разумом?» См. его речь в честь Шиллера: Marc B. Shapiro. Rabbi Samson Raphael Hirsch and Friedrich von Schiller // The Torah U-Madda Journal. 2008–2009. 15. P. 172–187.*

[8]. *См. об этом в статье: Jacob J. Shachter. Haskalah, Secular Studies and the Close of Yeshiva in Volozhin in 1892 // The Torah U-Madda Journal. 1990. 2. P. 76–133.*

[9]. Требования властей посвящать большую часть времени изучению русского языка и иных светских предметов привели в конце концов к закрытию ешивы.

[10]. Отметим, что слово дварим, переводимое здесь обычно как слова, на иврите имеет более широкое значение и может обозначать также «вещи», «дела».

[11]. Равицкий усматривает в этом рассуждении Нецива указание на его поддержку принципов религиозной терпимости и плюрализма: «Здесь налицо не только негативный аргумент, осуждающий преследования, вызванные нетерпимостью (Джон Локк), но и позитивный аргумент в пользу важности разнообразия мнений самого по себе (Джон Стюарт Милль)». См.: Aviezer Rabitzky. *The Question of Tolerance in The Jewish Religious Tradition // Yakov Elman and Jeffery S. Gurcok (Eds.). Hazon Nahum. New York: Ktab, 1997. P. 364.* Вместе с тем антиутопический характер общества Вавилонской башни ставит под вопрос возможность столь прямого переноса отношения к нему на иные ситуации. См. в этой связи попытку ограничить определение Равицкого в статье: Gil S. Perl. «No Two Minds are Alike»: *Tolerance and Pluralism in the Work of Neziv // The Torah U-Madda Journal. 2004. 12. P. 74–98.*

[12]. См.: Берешит раба, 38:13.

[13]. Этот комментарий основывается на образной системе мидрашей, противопоставляющих характерные для строителей башни заботу о кирпичах и пренебрежение жизнью людей (Пиркей де-рабби Элиэзер, 24), — противоречие, доводимое Нецивом до своего логического конца: место производства кирпичей оказывается местом казни.

[14]. Последняя цитата из комментария Нецива к Шир а-ширим, Шear Исраэль.

נְהִי עֲנוּעֵאב וְאִי וְעֵא

Обратимся к современным источникам. В конце XIX века Ханука стала восприниматься в еврейской среде как «праздник Хасмонеев», «праздник Маккавеев», самый сионистский и патриотический еврейский праздник[4]. Шмуэль Дотан утверждает[5], что человеком, придавшим Хануке национально-сионистский характер, был Менахем Усышкин. В 1892 году он писал Ахад а-Аму: «В этом году жители нашего города <Екатеринослава> отпразднуют Хануку как настоящий национальный праздник: дети будут петь “Эти свечи” и “Сион, Сион”, один из учителей прочитает текст о Хануке, а я покажу фотографии из Страны Израиля и расскажу об изображенном на них»[6]. Этот характер Хануки выражался в походах в Модиин, в речах, статьях и произведениях искусства, собранных в двух больших сборниках «ханукального чтения» — «Книге Хануки»[7] и томе «Ханука» в «Книге праздников»[8]. «Книга праздников» не упоминает возгласа Матитьяу[9], кроме одного полемического места: фотография известной скульптуры Бориса Шаца[10] в «Книге праздников» подписана: «Кто за народ — за мной!», источник этой подписи неизвестен.

«Книга Хануки», включающая статьи, эссе, стихи, пьесы, фотографии, описания Палестины, вышла под влиянием Усышкина. Эта книга много раз упоминает героизм Маккавеев, в основном опираясь на Первую книгу Маккавеев. Но лишь в трех местах в этом сборнике цитируется фраза «Кто за Г-спода — ко мне!». И при этом — достойно внимания — ни одна из этих цитат не содержится в статье или эссе, написанном учеными, учителями или политиками. Все три цитаты включены в художественные произведения. Расскажем о них подробнее.

1. Картина Йеуды Эпштейна «Кто за Г-спода — ко мне!» была выбрана Усышкиным для украшения «Зала Герцля» в здании Еврейского национального фонда в Иерусалиме. Йеуда Эпштейн (1870–1945), еврейский художник, достаточно известный в свое время, творил в Вене. Картину, изображающую восстающих Маккавеев, написал в 1905 году. В «Истории еврейского искусства» Рота эта картина упоминается (и в ивритском издании[11], и в английском[12]) как «Восстание Маккавеев» или «Maccabeens». В брошюре «Орот»[13], изданной в 1942 году, картина репродуцирована с подписью: «“Восстание Маккавеев”, картина, украшающая Зал Герцля в Национальном фонде». Брошюра издана Главным управлением Национального фонда, и ее авторы, без сомнения, знали, как называется картина. Видимо, подпись «Кто за Г-спода — ко мне!» была добавлена к репродукции этой картины лишь при подготовке «Книги Хануки» (вышедшей раньше, чем брошюра «Орот»). Скорее всего, так называли эту картину посетители знаменитого зала — но не автор, не исследователи и не специалисты.

יְהוּדָה אֶפְשְׁטַיִן וְאִי וְעֵא. אִידֵיִן וְעֵא. 1894 אָא

2. В пьесе для театра теней «Чудо Хануки», написанной Имануэлем а-Руси и опубликованной в «Книге Хануки»[14], о начале восстания рассказано так:

*Ī ādēōūyā Āāōē ī īē, āēīāīēā! Īdēōēī āōūy! (Āīnōāāō īīāē ē īīāōīāēō ē
āēāōāāīēēē) Nī āōōū īōāāōāēp! (Āīīāāō īīāē ā īōēīīnūāāī āēāōāā Nūīīāy īāīāāāpō īā
āēāāā ē mēāāō.)*

Ōām īīāē. Nī āōōū īōāāōāēp! (Nīēāāōū āāāāpō.)

*Ī ādēōūyā Āāōē ī īē, ēōī çà Ā-mīāā — ēī īīā! (Āīēōā īāī mēāēāāōīy īāīēīēēī
+āēīāē.)*

Имануэль а-Руси (Новогребельский; 1903–1979) был плодовитым драматургом и песенником, одним из основателей сатирического театра «Метла». Его первая книга вышла в 1929 году, последняя — в 1959-м. Свое сионистское воспитание он получил в ивритской школе в Николаеве, в религиозных школах не учился, репатриировался в 1924 году и работал в разных местах простым рабочим, как и все первопоселенцы. Лишь несколько лет спустя он обосновался в Тель-Авиве и занялся литературной работой[15]. Откуда у него могло быть знание о том, что Матитьяу воскликнул: «Кто за Г-спода — ко мне!»?..

3. В «Книге Хануки» также приведены два первых действия пьесы Отто Людвиг (1813–1865) «Die Makkaba`er»[16] в ивритском переводе И. Ламдана под названием «Начало восстания»[17]. Пьеса написана в 1854 году в стихах, на иврит переведена прозой. Перевод достаточно точен, хотя встречаются сокращения. Но с интересующим нас отрывком драмы произошли подлинно драматические изменения.

Русский перевод оригинала:

*Ēūāā Yōē ēōīēē ōēāīē, m ī-āīīūā ā ēōīāē īōāāōāēy, īīnēōā īī nōōāī ā ē āīçāēāōāēōā
Ōāē īīnōōīāāō Ēūāā nī īōāāōāēyī ē! Ōā, ēōī āōī āpō, ēāēy, īōōōū mēāēāpōōīy ēī ī īā*

Русский перевод ивритского перевода:

*Ēāāāā Ōāē īīnōōīēō Ēāāāā m āmī ē īōāāōāēyī ē mīāā īāōīāā Ēōī çà Ā-mīāā — ēī
ī īā! [18]*

Переводчик был настолько уверен, что в Модиине прозвучал призыв «Кто за Г-спода — ко мне!», что вложил его в уста Йеуды, искажив текст классической немецкой драмы. На чем основана такая уверенность?

Этот призыв фигурирует и в двух других ханукальных пьесах: «Матитьяу и его дети» Якова Ариэля[19] и «В это время» Шмуэля Питлика[20]. Авторы обеих пьес — американские евреи, деятели ивритского образования в США. Значит, непонятно на чем основанная убежденность в принадлежности знаменитого призыва Матитьяу царила и за океаном.

А вот какова ситуация в методических брошюрах к Хануке, издававшихся в середине XX века. Часть из них цитирует Первую книгу Маккавеев[21], другая часть — пересказывает ее содержание. Брошюры первой группы не допускают «Кто за Г-спода» даже в редакционных статьях, брошюры второй группы позволяют себе некоторые вольности. Так, книжка «Свиток Хануки» подробно рассказывает об истории восстания под заголовком «Маккавейская книга повествует» и приводит интересную версию призыва: «Кто за Тору Б-га нашего — ко мне!»[22] Видимо, это оригинальное творчество автора: сочетание фраз «Всякий, кто ревнует о законе» из Первой книги Маккавеев и «Кто за Г-спода» из книги Шмот, уже сидящего в подсознании всех деятелей еврейского образования.

Достоинно внимания то, что молодежная религиозно-сионистская организация «Брит Хашмонаи», основанная в 1934-м и провозглашавшая верность делу борьбы Хасмонеев за еврейскую веру, выбрала своим девизом цитату из книги Мишлей: «С Г-сподом спасение» (Мишлей, 21:31), а не «Кто за Г-спода — ко мне!». В ортодоксальной и религиозно-сионистской литературе первой половины XX века псевдохасмонеийский призыв также не встречается[23]. Но уже в 1955 году брошюра «Листы к Хануке», подготовленная человеком, носящим звание раввина, и выпущенная Министерством Израиля по делам религий, сообщает: «Матитьяу провозгласил: “Кто за Г-спода — ко мне!” — и призвал воевать с врагами и истреблять их, ибо с Г-сподом спасение»[24]. Таким образом, к середине XX века миф проник даже в религиозные круги, известные своим почтительным отношением к классическим текстам.

Флюссер комментирует это выражение в кратких словах: «См. Первую книгу Маккавеев, 2:27, после инцидента в Модиине. Выражение взято из стиха Шмот, 32:26, на котором основывается и автор Первой книги Маккавеев»[48]. Но, как мы видели, прямой связи между призывами в Первой книге Маккавеев и Шмот нет. Автор же «Йосифона» часто дополняет описание событий красочными подробностями, сочиненными им самим.

Поиск в базе данных Академии языка иврит показывает, что во всей ивритской литературе от завершения Танаха до Средневековья — а эта база включает и рукописи Кумрана, и Каирскую генизу, и эпиграфику, и коллекции средневековых рукописей — выражение «Кто за Г-спода — ко мне!» встречается только в «Йосифоне».

Однако Нью-Йоркская рукопись первого извода «Йосифона», достоверность которой Флюссер хвалит[49], приводит призыв Матитьяу в существенно отличающемся виде: «Кто из вас мой народ, кто за Г-спода!»[50] — без слов «ко мне». Близок к этой версии также второй извод: «Кто из вас за Г-спода!»[51]

Если следовать варианту второго извода, то призыв Матитьяу вовсе не отсылает нас к Моше и книге Шмот. Он близок к другим эпизодам из Танаха, например к воинственному возгласу бойцов Гидона: «За Г-спода и за Гидона!» (Шофтим, 7:18). Можно предположить, что первым вложил в уста Матитьяу слова Моше «Кто за Г-спода — ко мне!» один из переписчиков первого извода «Йосифона». Из него они попали в третий, самый распространенный извод текста.

Мы могли бы считать, что решили поставленную проблему, если бы не две детали. Во-первых, фраза «Кто за Г-спода — ко мне!» приведена в «Йосифоне» до инцидента в Модиине, в описании столкновений с сирийским полководцем Филиппом. Согласно «Йосифону», восстание началось не с жертвоприношения в Модиине, а с противодействия жестокому угнетению Филиппа: «Сбросим ярмо македонян с народа иудейского!»[52] Инцидент у жертвенника описывается дальше[53] и поводом для восстания не является, в этом инциденте Матитьяу ничего не восклицает. А во-вторых, призыв «Кто за Г-спода — ко мне!» приписывается в «Йосифоне» не Матитьяу, а его сыну Йеуде (хотя и по инициативе Матитьяу).

הספד על הרב

על הרב משה יהושע (אש) בן אהרן בן אהרן בן אהרן
 בעל בית המדרש הגדול

הוא נולד בשנת ה'תקנ"ה (1777) בארץ ישראל, בירושלים, בבית המדרש הגדול, שבו למד אצל אביו, הרב אהרן בן אהרן, ובית המדרש הגדול, שבו למד אצל אביו, הרב אהרן בן אהרן. הוא נפטר בשנת ה'תקצ"ח (1801) בגיל 24. הוא היה מהחשובים מהחשובים בראשי ה"תורה" בארץ ישראל, וכתב את ספרו "מגן אבות" (1801), שבו דן על חשיבות התורה והלכה. הוא גם כתב את ספרו "מגן אבות" (1801), שבו דן על חשיבות התורה והלכה. הוא גם כתב את ספרו "מגן אבות" (1801), שבו דן על חשיבות התורה והלכה.

הוא נפטר בשנת ה'תקצ"ח (1801) בגיל 24. הוא היה מהחשובים מהחשובים בראשי ה"תורה" בארץ ישראל, וכתב את ספרו "מגן אבות" (1801), שבו דן על חשיבות התורה והלכה.

Νόθαί εἶα ἐς «Ἐπιείρῃ».

Αὐτὸ ἀλλὰ,

1771 ἄ.

Ἐὰν εἶα, Ἀδελφεαὶ ἰσθὲν ἀεὶ αὐτὸ ἐπὶ ἐπιείρῃ ἀεὶ εἶα

ΕΪ ΕΘΕΑΘΕΑ ΒΑΑΘΑ

Как же и когда этот призыв переключался в сцену у жертвенника и был вложен в уста Матильды? Мы вынуждены предположить, что эту метаморфозу осуществил Зеэв Явец, чуть «исправивший» исторический факт, совместивший «Йосифон» с Первой книгой Маккавеев и создавший новую легенду.

Но не слишком ли это смелое предположение? Можно ли подозревать одного из столпов еврейской историографии в искажении фактов? Вот как описывает исторический метод Явца исследователь Реувен Михаэль: «Главы четвертого и пятого томов его книги, касающиеся времен Второго храма, не добавляют никаких новых фактов к тем, что привел Грец в своей “Истории евреев”. Оригинальность Явца выражается в его желании и здесь, как и в других местах, опереть историческое описание на традиционные еврейские источники»[54]. Подобное мнение высказал и Ицхак-Айзик Галеви, автор монументального свода «Первые поколения»: «Все его слова основаны на Греце, Вайсе и Гейгере, отличается лишь стиль»[55]. Порою Явец добавлял к рассказу, основанному на признанных в науке исторических источниках, сведения из еврейских классических текстов. Свою задачу он определил так: «Описать следующий <после библейского> этап истории нашего народа на основании внутренних источников, <...> сделать их базой исторического описания, а слова нееврейских писателей, как древних, так и новых, будут при этом лишь дополнением»[56]. Михаэль в своем исследовании намекает на то, что Явец был способен «поправлять» не совсем удобные исторические факты, чтобы они лучше согласовывались с традицией. Так, Явец хвалит средневекового историографа Азарью Де Росси и видит себя его продолжателем. Между тем историки знают, что Де Росси критически относился к своим источникам, сравнивал их и исправлял некоторые даты в хронологии, которые казались ему ошибкой[57].

Наш анализ приводит к следующему выводу. Зеэв Явец в описании начала маккавейского восстания слил две традиции — героический поступок Матильды у жертвенника из Первой книги Маккавеев

и призыв «Кто за Г-спода — ко мне!» из «Йосифона» — под влиянием библейской истории о борьбе Моше с поклонением золотому тельцу. Его творение стало общим достоянием, видимо, посредством его читателей из религиозно-сионистского движения «Мизрахи»: «Аудиторию Явца составляли главным образом сионисты. Его книги были популярны прежде всего в “Мизрахи”, ведь Явец был среди его основателей и был первым редактором его печатного органа»[58].

Итак, Матитьяу, восклицающий у жертвенника: «Кто за Г-спода — ко мне!», — это не более чем миф, один из многих, существующих в сознании современного еврея. Но это важный, конституирующий миф. Он связывает праздник Ханука, не упоминающийся в Библии, с дорогим для сионистов Танахом. Он укореняет новую сионистскую традицию в «золотом веке» народа Израиля в Стране Израиля. Он представляет Матитьяу Хасмонея продолжателем Моше-рабейну, главой своего поколения. Наконец, он дает религиозному сионизму новый лозунг для борьбы, национальный и религиозный одновременно, лозунг бойцов-Маккавеев и ревнителей Исхода: «Кто за Г-спода — ко мне!»

[1]. *Издан в Варшаве в 1853 году, по Лондонской рукописи.*

[2]. *Елинек А. Бейт а-мидраш. Ч. 6. Иерусалим, 1967. С. 1–3.*

[3]. *Елинек А. Бейт а-мидраш. Ч. 1. Иерусалим, 1967. С. 132–136.*

[4]. *Дон-Яхья Э. Традиционный праздник и национальный миф: праздник Хануки и маккавейский миф в сионизме, еврейском ишуве и Государстве Израиль // Бейн масорет ле-хидуш. 1995. С. 581–610 [иврит].*

[5]. *Дотан Ш. От праздника Хануки к празднику Хасмонеев: развитие национально-сионистского праздника // МехкереЙ хаг. 10. 1999. С. 29–53.*

[6]. *Гольдштейн Й. Усышкин: биография. Т. 1. Иерусалим, 1999. С. 74.*

[7]. *Гарари Х. (ред.) Сефер а-ханука. Тель-Авив, 1934 [иврит].*

[8]. *Левинский Й.-Т. Сефер а-моадим. Т. 2. Иерусалим, 1954 [иврит].*

[9]. *О характере Хануки в «Книге праздников» см.: Башкин О. Праздник Хануки в сионистском дискурсе на материале «Книге праздников» // Зманим 61. 1998. С. 38–50 [иврит].*

[10]. http://jafi.jewish-life.de/zionismus/people/images/Schatz_Statue.jpg.

[11]. *Рот С., Наркис Б. (ред). Еврейское искусство. Иерусалим, 1996 (испр. изд.). С. 166 [иврит].*

[12]. *Roth Cecil. Jewish Art: An Illustrated History / Revised ed. by B. Narkis, London, 1971. P. 222.*

[13]. *Орот, материалы к Хануке. Главное управление Национального фонда. Иерусалим, 1942. С. 4 [иврит].*

[14]. *Книга Хануки. С. 397–416.*

[15]. *Тидгар Д. Энциклопедия первопоселенцев и строителей еврейского ишува. Т. 3. 1958. Кол. 1227–1228.*

[16]. *Ludwig, Otto, Die Makkabäer, см.: <http://gutenberg.spiegel.de/ludwig/makkab/makkab.htm>.*

[17]. *Книга Хануки. С. 191–201.*

[18]. *Там же. С. 201.*

[19]. *Ариэль Я. Семь пьес для Хануки. Лос-Анджелес: Керен а-Цви, 1951. С. 25 [иврит].*

- [20]. «At this Season» by Samuel Pitlik, transl. from the Hebrew by Emily Solis-Cohen, Jr. // *Hanukkah, the Feast of Light*. Emily Solis-Cohen (ed.). Philadelphia, 1937. P. 226.
- [21]. Ханука: сборник к празднику огней и Маккавеев. Йедиот ахаронот, б. з. Printed in Palestine [иврит]; Вот Ханука. Издательство организации «Бней-Акива». Иерусалим, 1936 [иврит].
- [22]. Свиток Хануки. Серия «Шай» (маленькая народная библиотека). Иерусалим, 1946. С. 8 [иврит].
- [23]. Дон-Яхья. С. 592, 594.
- [24]. Листы к Хануке, источники, законы и обычаи / Под ред. р. Мордехая а-Когена. Издательство отдела инструктажа и религиозного образа жизни Министерства по делам религий. Иерусалим, кisleв 5716 [1955]. С. 4 [иврит].
- [25]. Зерубавель, «Изкор» [«Некоторые идеи»]. А-ахдут, 11–12. 12 тевета 5672 (1911) [иврит]. (По вышеуказанной статье Дон-Яхьи.)
- [26]. Dubnow S. Die ju“dische Geschichte: ein geschichtsphilosophischer Versuch / Autorisierte U“bersetzung aus dem Russischen von J. F. Berlin: S. Calvary, 1898.
- [27]. Dubnow S. Weltgeschichte des ju“dischen Volkes: von seinen Uranfa“ngen bis zur Gegenwart. Berlin: Ju“discher Verlag, [1925–1929].
- [28]. Шульман К. История вечного народа: люди и времена. Вильна, 1868 [иврит].
- [29]. Graetz H. Geschichte der Juden. Leipzig, 1853–1876.
- [30]. Кассель Д. История народа Йешуруна. Вильна, 1886. С. 45 [иврит].
- [31]. Явец З. История народа сынов Израиля. Ч. 4. Варшава, 1892. С. 82 [иврит].
- [32]. Dinur B.-Z. «Yawitz, Ze’ev» // *Encyclopedia Judaica*. 1972. V. 9. P. 1304; Gartner L.P. «Historiography» // *Encyclopedia Judaica*. 1972. V. 8. P. 562.
- [33]. Гальперин И. Последовательность поколений. Варшава, 1882. С. 195 [иврит].
- [34]. Вайс А. Поколения и вожди их. Ч. 1. Берлин, 1881. С. 108 [иврит].
- [35]. Ганз Д. Поросль Давида (Цемах Давид). Варшава, 1878. С. 28 [иврит].
- [36]. Закут А. Книга родословий (Сефер юхасин). Варшава, 1871. С. 16 [иврит].
- [37]. А-Меири М. Порядок традиции (Седер а-кабала). Иерусалим—Кливленд, 1992. С. 65 [иврит].
- [38]. Лампронти И. Страх Ицхака (Пахад Ицхак). Венеция, 1798. Ч. 3. С. 436-44а [иврит].
- [39]. Медини Х. Х. Приятное поле (Сде хемед). Бней-Брак, 1979 [иврит].
- [40]. Натан бен Йехиэль. Арух. Иерусалим, 1967 [иврит].
- [41]. Галеви И. А. Первые поколения. Франкфурт-на-Майне, 1897 [иврит].

- [42]. *Йосифон / Под ред. Давида Флюссера. Т. 2. Иерусалим: Мосад Бялик, 1981. С. 46 [иврит].*
- [43]. *Там же. С. 25.*
- [44]. *Кагана А. Еврейская историческая литература. Ч. 1. Варшава, 1922. С. 143 [иврит].*
- [45]. *Йосифон. Т. 1. С. 76.*
- [46]. *Йосифон, оригинальный извод. Фотокопия Иерусалимской рукописи. Изд. Д. Флюссер. Иерусалим: Центр Залмана Шазара, 1979. С. 80.*
- [47]. *Йосифон. Варшава, 1890. С. 45 [иврит].*
- [48]. *Йосифон. Т. 1. С. 76. Прим. 8.*
- [49]. *Йосифон. Т. 2. С. 19.*
- [50]. *Там же. С. 277.*
- [51]. *Кагана. Т. 1. С. 148.*
- [52]. *Йосифон. Т. 1. С. 77.*
- [53]. *Там же. С. 77–78.*
- [54]. *Михаэль Р. Еврейское историописание с Ренессанса до Нового времени. Иерусалим, 1993. С. 441 [иврит].*
- [55]. *Письмо И. А. Галеви к Ш.-З. Котику от 1908 года, приведено в кн.: Рейхель А. (ред.) Письма Ицхака-Айзика Галеви. Иерусалим–Тель-Авив, 1972. С. 137–138 [иврит].*
- [56]. *Явец. Т. 14. С. 191–192.*
- [57]. *Михаэль. С. 463–464.*
- [58]. *Там же. С. 465.*

УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА

Аאעוֹר אַ צאָהלעוֹר

Французский историк Бернар Гене в своем opus magnum «История и историческая культура средневекового Запада» делает следующую ремарку: «Каждый медиевист знает сегодня, что Средневековья никогда не существовало и тем более никогда не было духа Средневековья».

Профессор иудаики Аркадий Ковельман в одной из своих колонок, опубликованных на этих страницах, показывает такой фокус с разоблачением: «Один из моих друзей, человек умный и ученый, спросил меня, начитавшись моих эссе: “А где же твоя концепция еврейской культуры?” “Читай дальше”, — ответил я со страхом. Если он будет читать дальше и дойдет до конца, его ожидает разочарование, а меня — разоблачение. Ведь нет никакой концепции, и культуры еврейской тоже нет».

Однако сомнения в целостности — и даже в существовании — предмета исследования отнюдь не мешают исследованию. Религиоведение процветает, а ведь многие религиоведы полагают, что дисциплины такой нет и право на существование имеют лишь теология и история религий. Психологи не устают спорить: наука психология или лженаука (или, скажем, искусство). Да и сама история, *magistra*, так сказать, *vita*, только выиграла от того, что осознала, где-то столетие назад, невозможность объективной реконструкции прошлого, описания событий такими, «как они произошли на самом деле», и стала честно и увлеченно изучать отголоски да отражения.

Да, единой и неделимой иудаики не существует: есть библеистика, а есть исследования Холокоста, и это две вещи несовместные. Но дискретность «науки о еврействе» и самой еврейской культуры если для кого и проблема, то не для нашего раздела, чьему тематическому разнообразию она лишь способствует. В отборе (или, демократичнее сказать, подборе) материалов мы — без излишнего фанатизма — руководствуемся принципом борьбы: с традиционным религиозноцентричным и виктимным («слезным») нарративом, представляющим еврейскую историю как совокупность законотворческой деятельности мудрецов и гонений извне, а также с западноцентризмом, создающим иллюзию того, будто все значимые диаспоральные события происходили в Европе, если очень попросите — в Восточной. Говоря примерами, мы напоминаем, что мудрецы Талмуда думали не только о Б-ге, но и о сексе (и для них эти понятия не были антагонистичны), а евреи обитали не только в Бучаче и Берлине, но и в Бухаре и Багдаде, а также в стихах Маршака, хоть и зашифрованные, и Хармса, хоть он и не еврей. И неизвестно еще, кто важнее в еврейской культуре: Мандельштам или тетя Песя из Черновцов, — по крайней мере, неизвестно нам, исповедующим

субкультурный релятивизм. Просто культурный релятивизм нам недоступен: мы-то должны знать, что еврейская культура — самая-самая. Хотя ее и нет.

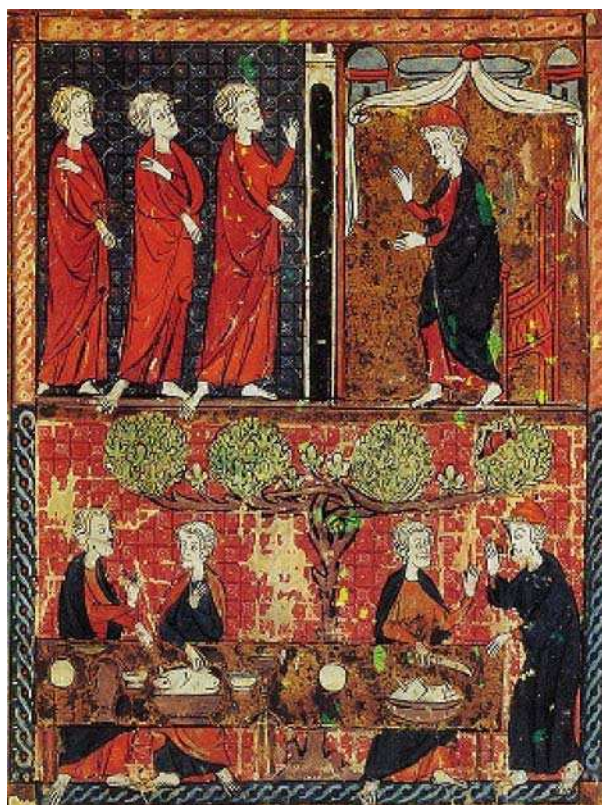
ИУДЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ

ЮРИЙ ТАБАК

... Вероятно, евреи (как и впоследствии – ученые) усматривали в евангельском рассказе влияние языческих мифов, где обычными сюжетами были связи богов с земными женщинами, от которых рождались боги, герои и философы.

Соблазн отнести рассказ о непорочном зачатии к чисто эллинскому наследию велик. Действительно, в еврейском мире тоже были распространены представления о совокуплениях ангелов с земными женщинами, которые засвидетельствованы, например, в книгах Еноха (6-7) и Юбилеев (5:1), созданных в III–II веках до н.э. О том же пишет и Иосиф Флавий (Иудейские древности 1:3). Но в целом эти представления видятся заимствованными извне и чуждыми мейнстриму еврейской мысли.

При этом Евангелие от Матфея несет на себе сильный отпечаток идеологии ранних допавловских иудеохристианских общин, которые еще не маргинализировались в еврейском социуме – это случилось значительно позже. Первоначально оно было, вероятнее всего, написано на иврите или арамейском и предназначалось для евреев диаспоры. Было бы странно, если бы оно транслировало чуждые еврейскому миру сюжеты греко-римской мифологии. Кроме того, как не раз указывали исследователи, евангельские описания чудесного рождения Иисуса заметно отличаются от языческих мифов, а также от вышеупомянутых апокрифов и псевдоэпиграфов межзаветного периода. В последних речь идет о непосредственном соитии, когда божество или его дух (или же ангел) проникает в женское лоно и зачинает младенца. Описания таких зачатий полны разными чудесными подробностями, носят подчеркнуто антропоморфный характер. В Евангелиях же зачатие Иисуса Марией описывается очень сдержанно: «имеет во чреве от Духа Святого» (Мф 1:18), «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк. 1:35). Всякое мужское начало здесь отсутствует (заметим, что «духу» в иврите соответствует существительное женского рода (*ruah*), а в греческом – среднего (*пневма*)), как и элементы сексуального контакта. Вследствие этого некоторые исследователи отрицают какие-либо параллели между евангельскими и эллинскими повествованиями: «Пропасть между языческими промискуитетными мифами и строгим монотеизмом девственного рождения Иисуса слишком велика, чтобы даже исследовать подобные параллели»².

Авраам встречает и принимает в своем шатре трех ангелов. Из северофранцузского еврейского манускрипта кон. XIII века. Британская библиотека. Лондон. Мы предлагаем исследовать другую возможность, а именно, что идея непорочного зачатия имела истоки в недрах древней религии Израиля, еще не разделенной на наследующие ей конкурирующие течения, и дала всходы в межзаветную эпоху. До своего же предельного выражения, зафиксированного в евангельском нарративе, она была доведена уже на этапе самостоятельно формирующегося раннехристианского богословия.

В религии Израиля издревле бытовала идея отцовства Б-га – не только в отношении избранного народа, но и в отношении Царя-Мессии. Так, Давид возвещает слова Б-жьи, обращенные к нему, его помазаннику: «Я ныне зачал тебя» (*Ани а-йом йелидтиха*) (Теилим, 2:7). Хотя речь здесь, вероятно, идет не о прямом рождении Царя-Машиаха от Б-га, а о поставлении на Царство, на служение, но глагол *йалад* (зачинать, порождать) вполне мог буквально прочитываться некоторыми экзегетами.

Появление на свет ключевых персонажей Танаха нередко сопровождается необычными деталями. Так, рождение Ицхака уникально возрастом его родителей: Аврааму было 100 лет, а Саре, о которой прямо говорится, что у нее закончился детородный период («прекратилось у Сары обычное у женщин», Берешит, 18:11), – 90.

Библейские описания достаточно сдержанны и далеки от чудесных деталей новозаветного нарратива. Однако уже в период составления рассказов о рождении Иисуса, эти описания были расцвечены Устной Торой. Появление чудесных аспектов вполне оправдывалось талмудической концепцией о том, что в рождении человека участвуют три партнера: отец, мать и Всевышний³. Мудрецы полагали, что родители формируют только телесные черты ребенка: «Отец дает семя белого вещества, из которого образуются кости ребенка, сухожилия, ногти, мозг и белок глаза, мать же дает семя красного вещества, из которого образуется его кожа, плоть, волосы, кровь и глазной зрачок». А вот «Всевышний, да благословен Он, дает ему дух и дыхание, красоту черт,

зрение, способность слышать и способность говорить, ходить, понимать и различать» (Нида 31а). Иначе говоря, именно Всевышний отвечает за духовную, личностную составляющую человека. Естественно предположить, что чем более великая судьба уготована человеку, тем заметнее в его рождении и событиях последующей жизни должна проявляться роль Всевышнего. Соответственно, наиболее зримыми чудесами должно было сопровождаться рождение самого великого из людей – Машиаха-избавителя. Учение о Машиахе начало формироваться в эпоху Второго храма, хотя предпосылки к нему существовали еще в библейский период⁴.

Ярким примером такого зримого чуда, намеченного в Танахе и развитого в раввинистической литературе, является рассказ о рождении Ицхака. Уже само по себе чудесное рождение Ицхака от престарелых родителей дополняется в мидрашах многочисленными подробностями. Рассказывается, что у его матери Сары вообще отсутствовала матка, и Всевышний специально сформировал ее для рождения Ицхака (Берешит раба 53:5). Согласно другому рассказу, у обоих родителей, Авраама и Сары, были недоразвиты репродуктивные органы (Иевамот 64а), и Всевышний сформировал их до необходимого состояния.

Обратим также внимание на существенные раввинистические параллели евангельским мотивам:

1. Во всем цикле зачатия-рождения Ицхака, как и Иисуса, активно участвует небесное воинство. Марии весть о рождении Иисуса сообщает ангел Габриэль, Саре радостную весть тоже приносят ангелы (Берешит 18:10), или архангел Михаэль (Бава Меция 87а).
2. Подчеркивается аспект «чистоты» Сары – в том смысле, на котором настаивает христианская мариологическая традиция. В поздних мидрашах говорится, что Всевышний «испытывал и очищал Сару [не давая ей детей] двадцать пять лет – с момента, когда она пришла на землю Израиля» (Псикта рабати 43:18). Автор мидраша Седер Элияу идет еще дальше, намекая на возвращение Сары в состояние невинности: «Волосы Сары почернели, юность возвратилась к ней, и она стала как девочка (курсив мой – Ю.Т.)»⁵.

3. Рождение Иисуса ознаменовалось явлениями космического порядка (звезда указывала путь волхвам), а в процессе своего служения он совершал многочисленные чудеса исцеления. Рождение Ицхака тоже сопровождалось чудесами: женщины исцелялись от бесплодия, слепые прозревали, глухие начинали слышать, а к безумным возвращался рассудок (Берешит раба 53:8).

Авраам и три ангела. Гравюра из Библии Гюстава Доре

Аналогичные чудеса, согласно агаде, сопровождали период от зачатия до рождения других библейских героев. Ривка до рождения сыновей, как и Сара, была бесплодной (Берешит 25:21), а Талмуд называет бесплодным и Ицхака (Йевамот 64а). У Ривки, как и у Сары, изначально не было матки, которую сформировал Господь (Берешит раба 63:5). Таргум разъясняет, что изначально Рахель зачала Дину, а Лия – Йосефа, но Господь поменял местами эмбрионов, чтобы Рахель родила мальчика (Таргум Ионатан на Берешит 30:21). Еще перед рождением Моше его сестра Мириам пророчествовала, что их матери предназначено зачать ребенка, который станет избавителем Израиля; когда родился Моше, дом наполнился сиянием, подтвердив пророчество (ВТ, Мегила 14а). На фоне этих чудес события, связанные с зачатием и рождением Иисуса, ничем особо не выделяются – за исключением единственного и главного. В отличие от евангельского повествования во всех описанных случаях само зачатие происходило естественным образом – с участием земного отца и матери. Но в Торе есть два стиха, которые – предположительно – комментировались мудрецами в подобном же духе.

Один эпизод связан с дочерьми Лота: «Итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего семя» (Берешит 19:32). Стих интерпретируется в Берешит раба следующим образом: «Сказал рабби Танхума от имени рабби Шмуэля: написано не “восставим от отца нашего сына”, а “восставим от отца нашего семя”, то есть семя приходит из другого источника. И кто это? Это царь Мессия» (Берешит раба 51:8).

В другом повествуется о рождении Сета, сына Евы: «И познал Адам еще жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сет, потому что [говорила она], Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин» (Берешит 4:25) Мидраш дословно повторяет то же объяснение, что и в предыдущем случае: «Рабби Танхума сказал от имени рабби Шмуэля: Ева намекает, что семя произойдет от иного источника. И кто это? Это царь Мессия» (Берешит раба 23:5).

Согласно позднейшим разъяснениям этих комментариев из Берешит раба (комментарий Сончино), под «иным источником» мудрецы имеют в виду происхождение царя Мессии не от евреев, а, в частности, от моавитянки Рут (комментарий Сончино на Берешит Раба 51:8). Но это объяснение не кажется слишком правдоподобным, поскольку речь идет о семени, а значит, о происхождении по отцовской линии. То есть здесь подразумевается некий таинственный отец царя-мессии. Может ли сам факт неназывания его имени намекать на внеземную фигуру?

Очень интересное предположение в этой связи сделал известный ученый Д. Даубе⁶. Вкратце его рассуждения можно изложить следующим образом. В пасхальной агаде приводится мидраш на Дварим 26:7 («И услышал Господь вопль наш и увидел бедствие наше, труды наши и угнетение наше»): «Увидел бедствие наше», то есть разлуку супругов, как сказано: «И увидел Б-г сынов Израиля, и узнал (*ва-йеда*) Б-г» (Шмот 2:25). Под «бедствием» мидраш понимает отсутствие сексуальных контактов между евреями и их женами в период, когда притеснения евреев фараоном достигли апогея. Но почему мидраш подкрепляет это объяснение неуместной, казалось бы, цитатой из Шмот? Объяснить это можно единственным образом: автор мидраша прочитывает слово *ва-йеда* в Шмот 2:25 в сексуальном смысле – как «познал» (вступил в непосредственный сексуальный контакт). То есть Господь, видя, что еврейские мужчины не познают женщин и не рожают детей, сам познал еврейских женщин – или только Йохевед, мать Моше⁷.

Симеон Соломон. Мать Моисея. 1860 год. Коллекция Сэмюэла и Мэри Бэнкрофт; из наследия Роберта Льюиса Айзаксона

Предложенное Д. Даубе прочтение мидраша (зачатие Моше через прямое вмешательство Б-га) особенно важно для нас, если учитывать, какое значение имела фигура Моше на рубеже эр, в том числе при формировании мессианского образа Иисуса. Моше Рабейну, вождь еврейского народа, избавитель евреев из рабства, передавший им Тору, очевидно, рассматривался как прообраз Машиаха. Ему приписывались сверхъестественные способности, и впоследствии эти мотивы получили развернутое воплощение в раннехристианской христологии⁸.

Картина, рисуемая раввинистическими мидрашами, типологически близка новозаветной:

- в обоих случаях речь идет о рождении мессианской фигуры;
- Амрам и Йохевед разлучились – Иосиф и Мария не вступают в интимные отношения;
- в обоих случаях ангелы возвещают о будущей беременности
- рождение происходит при непосредственном вмешательстве Б-га;
- к Йохевед вернулось ее девичество (девственность?) – Мария сохранила девственность.

Намеки на зачатие при участии Б-га встречаются и в неравинистических источниках. Так, современник Иисуса, еврейский философ Филон Александрийский пишет в трактате «О херувимах» (44): «Кто сеет в них [женщинах] прекрасное, если не Отец сущего, невозникший и все порождающий Бог? Итак, сеет Он, а Его собственное порождение, которое Он засеял, дается в дар <...> ее, прежде бывшую женщиной, Он снова делает девственницей»⁹. Приводя в пример Сару (а также жен других патриархов), Филон, конечно же, прочитывает текст Берешит аллегорически. Но не находился ли Филон под влиянием мидрашистских толкований? По крайней мере, этим вопросом задается выдающийся немецкий библеист Мартин Дибелиус¹⁰.

Очень любопытная фраза приводится в одном из кумранских документов – Уставе общины (1QSa 2.11–12): «...мужей выдающихся, созданных на собрание совета общины, когда Бог зачнет (*ве-йолид*) Мессию с ними». Этот текст вызвал оживленную дискуссию. По иронии судьбы, манускрипт испорчен как раз на словах *ве-йолид*. Но большинство текстологов прочитывают это место именно так¹¹. Кроме того, напрашивается связь этого стиха со стихом из уже упомянутого мессианского псалма: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне зачал Тебя» (*ани а-йом йелидтиха*).

И наконец, обратимся к библейскому стиху, содержание которого в огромной степени повлияло на формирование представлений о девственном зачатии Иисуса и на протяжении многих веков вызывало полемику между иудеями и христианами.

Речь идет о Йешаяу 7:14: «Итак Сам Господь даст вам знамение: Дева (*алма*) во чреве примет и родит Сына» (так в синодальном переводе). Еврейский перевод предлагает иное прочтение: «Вот, эта молодая женщина забеременеет и родит сына». Суть споров – в переводе единственного слова: алма¹². Христиане переводят его как «дева», «девственница» (*партенос* в Септуагинте, *virgo* в Вульгате), и утверждают, что тем самым у Йешаяу содержится пророчество о будущем рождении Мессии от девы, то есть о непорочном зачатии. Иудеи же доказывают, что алма

на библейском иврите означает «молодая женщина», и таким образом ни о каком непорочном зачатии речи не идет. Машиах будет рожден естественным образом. Если бы речь у Йешаяу шла о девственнице, говорят они, то было бы употреблено более подходящее для этого ивритское слова *бетула*.

Однако все не так просто. Во-первых, основываясь на возможной этимологии слова алма как восходящего к глаголу *алам* (скрывать, прятать) или к арамейскому *элем* (быть сильным, зрелым) и анализируя различные словоформы в Танахе, исследователи пришли к выводу, что слово алма может характеризовать зрелую молодую женщину, не имевшую сексуальных контактов, и тогда перевод «дева» будет вполне оправдан¹². Во-вторых, слово бетула хотя и означает в Танахе чаще всего «девственницу», но отнюдь не всегда. Например, в Йозель 1:8 говорится: «Рыдай, как молодая женщина (*бетула*) <...> о муже юности своей!»; речь, по всей видимости, идет о вдове, а значит, не о девственнице. Возражения того рода, что речь идет о помолвленной, но не успевшей выйти замуж девушке (например, когда жених умирает до свадьбы), неубедительны: слово *бааль*, употребленное в этом стихе, в Танахе всегда относится к женатому мужчине (Берешит 20:3, Шмот 21:3, 22, Дварим 24:1-4 и др.), то есть речь явно идет о замужней женщине. И неслучайно Септуагинта также переводит *бетула* не как *партенос* («девственница»), а как *нюмфос* («молодая женщина»).

Раши в своем комментарии на Йешаяу 7:14 употребляет традиционное *алма*, однако упоминает следующее толкование: «Некоторые объясняют, что это знамение: она была молодой женщиной, неспособной родить». Вряд ли, конечно, из не совсем ясного высказывания Раши следует делать однозначный вывод (как его поспешно делают христианские полемисты), что Йешаяу имеет в виду именно непорочное зачатие: речь может идти о чудесных явлениях, подобных тем, которые сопровождали рождение Ицхака и Моше. Тем не менее, намек Раши на непорочное зачатие тоже исключать нельзя.

Подведем итоги: целый ряд еврейских источников дохристианского и раннехристианского периода свидетельствует, что к периоду создания и редактирования евангельских текстов (кон. I – II век н.э.) имела место тенденция связывать рождение библейских героев с чудесными, сверхъестественными событиями. В некоторых текстах можно увидеть повествование о «рождении свыше», то есть непосредственно от Б-жественного вмешательства. Все это позволяет с известной долей уверенности предположить, что раннехристианская идея непорочного зачатия созревала в рамках дораввинистического иудаизма и не является исключительно плодом эллинистического влияния.

1. Впрочем, до сих пор продолжают споры о том, имеют ли эти рассказы отношение к евангельскому сюжету. См. Schafer P. *Jesus in Talmud*. Princeton University Press, 2007. P. 16f.

2. Moody D. *Virgin Birth* // *The Interpreter's Dictionary of the Bible* / Ed. George Buttrick. New York, 1962. Vol. 4. P. 791.

3. Подробнее об этом см.: Кипервассер Р. «Три соучастника в человеке»: метаморфоза одной талмудической идеи // *Лехаим*. № 3. 2010

4. О различных аспектах развития мессианской идеи, начиная с библейского иудаизма, см., например, в сб.: *The Messiah. Developments in Earliest Judaism and Christianity. The First Princeton Symposium on Judaism and Christian Origins* / Ed. James H. Charlesworth. Minneapolis, 1992.

5. Цит. по: *Encyclopedia of Biblical Personalities*. Jerusalem, 1994. P. 524.

6. Daybe D. *The New Testament and Rabbinic Judaism*. London, 1956. Pp. 5-9.

7. Тот факт, что история рождения и чудесного спасения Моше (Шмот 2:1-9) предшествует Шмот 2:25, по мнению Даубе, никоим образом не отменяет его предположения, поскольку мудрецы опирались на принцип *эйн мукдам у-меухар ба-Тора* («В Торе нет раннего и позднего» т.е. хронологии), поэтому в своих интерпретациях они могли достаточно свободно перегруппировывать

тексты.

8. См. об образе Моше: Lierman J. The New Testament Moses. Christian Perceptions of Moses and Israel in the Setting of Jewish Religion. Tübingen, 2004.

Филон Александрийский. О Херувимах (перевод и комментарий Е.Д.Матусовой) // Толкования Ветхого Завета. М., 2000.

10. Dibelius M. Botschaft und Geschichte. Vol. 1. Tübingen, 1953. S. 29-34.

11. См. Sutcliffe E.F. The Rule of the Congregation (1QSa II, 11–12): Text and Meaning // Revue de Qumrân. 1960. No. 2. P. 541–547; Michel O., Betz O., Nocheinmal: "Von Gott gezeugt" // NTS. Vol. 9. 1962–1963. P. 129–130.

12. См. статью "alma" в: BDB-GESENIUS Hebrew-Aramaic and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1906. P. 761.

13. Niessen R. The Virginity of the alma in Isaiah 7:14 // Bibliotheca Sacra : A quarterly published by Dallas Theological Seminary. Vol. 137 (546). 1980. P. 138.

РАББИ МОШЕ БЕН МАЙМОН ИБН-АБДАЛЛА АЛЬ-КОРДОВИ

Меир Левинов

Окончание. Начало в № 9–11 (233–235)

***Dai aai . «I èoia Oida», eèto n m aadeai eai .
Dei i emi ec m adai ey Oai oei aai i a***

Ataeai neay aeaei oaea, I èto oai

I AAE O EI NEAB I DA E O E EA

После гибели брата, когда семья попала в бедственное положение, Рамбам в поисках источника пропитания взялся за медицинскую практику. В Египте врачебное дело было поставлено неплохо. Уже в начале XI века султан создал специальную комиссию, в обязанности которой входила проверка знаний людей, подвизавшихся на ниве врачевания, с тем чтобы «изгнать мошенников». Так что врачи были в некотором роде «дипломированными». Однако и там лечение происходило так, как описал сам Рамбам:

A Aaei oay aeaei, o i I au- I I a aaei, eae nnae ci aoe, oae e a nnaa i dno uo epaae, o i I e I aei ada- I a aua o I aoeai o a I o I a-aea aeaei e ai e I o a I au- I I aeui na o I ayo I o ada- a e ada- q e I I a a I a I a I a aeui I a I i e u p a o a a y o I e ada- ae, I de- ai I aei I a ci aao I nnaa o a I a I e e adaa a. Aeui I e ae I a I a I u a a o ada- ae, a a i o y, o i I I i I e a a a o n y o I e u e I I a y o I a. Aeui I e e e o I o, e o I I

называется перекрестным: сестра Рамбама вышла замуж за Узиэля Абу-Альмуалима. Сын сестры — его звали Абу Ар-Рида — долгое время ассистировал Рамбаму в медицинской практике. Он переписывал его медицинские трактаты, а потом, уже после смерти учителя, стал врачом при султани Анатоллии.

В 1186 году, когда рабби Моше было уже сорок восемь лет, у него родился сын Авраам. Любовь Рамбама к сыну отражена в посланиях, в которых он признается, что у него есть только две радости в жизни: отвлеченные исследования и сын Авраам[8]. Он дал своему сыну образование, сравнимое с собственным. Позже рабби Авраам в своих трудах приведет несколько услышанных от отца комментариев к Писанию, которых нет в его книгах. Уже при жизни отца даже за глаза юного Авраама называли не иначе как «рабби». Сын этот впоследствии займет место отца во главе еврейской общины Египта, этот же пост будет поколением за поколением занимать и его потомки. Рабби Авраам, сын Рамбама, тоже был известным философом и врачом и оставил нам несколько собственных трудов.

«I ÎDÁ I ÁÁOÏÈI»

Около десяти лет после смерти брата рабби Моше, по всей видимости, занимался исключительно медициной и исполнением обязанностей руководителя общины, в частности разбором сложных с точки зрения закона ситуаций. В этот период он не написал ни одного большого труда. После рождения сына и получения должности при дворе, к которой прилагалось очень приличное жалованье, его финансовое положение улучшилось и появилось время для литературной деятельности. Именно тогда он приступил к составлению трактатов по медицине. Тогда же Рамбам взялся за написание труда, который впоследствии принес ему мировую славу, — «Море невухим» («Путеводитель растерянных»). Надо сказать, что Рамбам несколько раз начинал писать серьезный философский труд, стремясь в терминах философии изложить религиозное мировоззрение. Он упоминает в своих произведениях, что готовится к написанию «Книги пророчества» и «Книги сравнения», но эти планы так и не были реализованы. И наконец, когда жизнь обернулась к рабби Моше светлой стороной, он начинает работу.

«Путеводитель растерянных» был написан по-арабски и поначалу распространялся тайно, хотя бы потому, что в ряде глав Рамбам подвергает острой критике официально поддерживаемую властями Египта теологию. Трактат, в отличие от всех других произведений рабби Моше бен Маймона, написан сложно. В нем автор строго следит за принятой в ученом мире того времени терминологией. Уникальность «Море невухим» состоит в исходной позиции автора. И до него еврейские мыслители обращались к одной из ключевых проблем: в каких отношениях находятся философия и Откровение. Рамбам дает собственный уникальный ответ на этот вопрос: Тора — это философия, изложенная не научным языком, а языком поэтическим, образным, метафорическим, чтобы философские идеи стали доступными простым людям. Рамбам считает: из-за того, что философы иных народов не опирались на пророческую традицию, в их учение не могли не закрасться ошибки. Поэтому к любому вопросу следует подходить с двух сторон: во-первых, установить, каков еврейский взгляд на данный вопрос, во-вторых, установить, что по этому поводу думают философы. Затем следует проверить, насколько эти взгляды внутренне непротиворечивы, а далее — насколько они соответствуют реальности. И только на основании такого всестороннего исследования можно определить, что подразумевает Тора по тому или иному вопросу.

Метод этот даже для читателя с академической философской подготовкой представляется крайне сложным. Недаром споры вокруг того, что имеет в виду автор «Море невухим», продолжают по сию пору, причем мнения высказываются диаметрально противоположные. Иногда кажется, что авторы двух работ, посвященных одному фрагменту, читали две разные книги. При этом вся книга оставляет впечатление изысканного единства и монолитности во всех частях.

ÑÒÀÐÏ ÑÒÛ

В 1193 году Салах ад-Дин умер, и в империи началась борьба за престол. На некоторое время Рамбам отдалается от двора. Позже, уже в 1197 году, он возвращается на место придворного врача, опять получает титул раиса и, теперь уже официально, возглавляет еврейскую общину. Эта должность оставалась за семьей Маймонов еще два с половиной века.

Все эти обязанности, как придворного врача, так и главы общины, — тяжелое бремя для Рамбама. Да и здоровье уже не то. В одном из писем он утверждает, что на общение с евреями, на преподавание и проповеди у него остается только суббота. Имя его гремит по всему еврейскому миру, и к нему обращаются с вопросами и запросами из самых далеких стран. Времени на все не хватает. Так, в трудах и заботах, пролетел остаток жизни.

В это время в спор вмешалась внешняя сила. Важно помнить, что Лионель, Монпелье — это города на юге Франции, против которого в 1209–1229 годах был предпринят Крестовый поход для подавления альбигойской ереси. По мнению католической церкви, причина ереси коренилась именно в аллегоризации Писания[13], которая основывалась на философии Аристотеля. В 1231 году, то есть ровно за год до начала описываемых событий, Папа Римский Григорий IX запретил изучение Аристотеля, повторив указы своих предшественников от 1210 и 1215 годов[14]. Для борьбы с остатками ереси на юге Франции была создана инквизиция, дела которой в 1232 году Папа передал монашескому ордену доминиканцев.

Спор вокруг книг Рамбама, права на изучение Аристотеля и аллегористического понимания Писания совпал с важными событиями в истории католической церкви. Доминиканцы Монпелье решили, что борьба с Аристотелем не должна ограничиваться христианами, евреи в этом отношении также должны входить в их юрисдикцию. После короткого расследования в Монпелье «Море невухим» был сожжен. К концу XIII века страсти несколько поутихли, в основном потому, что еврейские общины Испании и Прованса постепенно усвоили философский стиль обсуждения, научились совмещать его с Торой и Талмудом, в конце концов усвоили техническую разницу между метафорой и аллегорией. Последних крайних маймонистов заставили в 1305 году принять постановление, вошедшее в историю как «Барселонский херем», к которому присоединились практически все общины Европы. Этим постановлением изучение светских наук, за исключением медицины, полностью запретили лицам, не достигшим двадцати пяти лет. С этого момента книги Рамбама стали достоянием всей еврейской общины.

Надо сказать, что в традиционных ешивах Море невухим не учат, да и сам Рамбам в своем предисловии запретил проводить уроки по этой книге, считая, что она предназначена только для индивидуального изучения. Все же один экземпляр «Путеводителя растерянных» обязательно стоит в каждой ешиве — на самой дальней полке, чтобы не взяли случайно, а только если кто-то действительно заблудится между двух миров.

[1]. Из трактата «Астма».

[2]. «Здоровый образ жизни», 2:4.

[3]. В «Медицинских афоризмах Моше», написанных около 1191 года, он в одном месте говорит: «...за мою двадцатилетнюю медицинскую практику в Египте», а в другом: «...за мою десятилетнюю медицинскую практику в Египте»; получается, что он приступил к занятиям медициной между 1171 и 1181 годами.

[4]. Подразумевается Нижний Египет (Фостат).

[5]. Около двух километров. В действительности расстояние от Каира до Фостата составляет около трех километров.

[6]. Два часа после захода солнца.

[7]. Мишне Тора, Законы о браке, 15:3.

[8]. См. «Фрагмент послания рабби Йосефу о сыне рабби Аврааме».

[9]. По другой версии, Рамбам был похоронен в Египте.

[10]. Эту полемику обычно описывают, основываясь на версии Г. Греца, еврейского историка XIX века, который, в свою очередь, опирается на книгу «Минхат кнаут» («Дар ревности»), составленную апологетами Маймонида. Со времен Греца прошло более века, обнаружены новые документы, и в тенденциозную картину, представленную в «Даре ревности», следует внести множество поправок.

[11]. Словом херем здесь обозначается не «отлучение», а «общинное постановление, нарушитель которого будет отлучен». Этим словом обозначали почти всякое серьезное постановление общины, в том числе, например, налоговое. Иными словами, херем, о котором идет речь, — это

постановление, запрещающее такой подход к Писанию и грозящее отлучением всякому, кто нарушит запрет.

[12]. Первая книга «Мишне Тора».

[13]. Разумеется, в основном Нового Завета.

[14]. Следует оговориться, что запрет был объявлен временным — до «прохождения текстами цензуры». В придачу к этому он запретил мирянам читать Библию.

другая реакция на нацистскую угрозу — рост популярности сионизма: к 1933 году Сионистская федерация Германии была второй по численности еврейской организацией страны, после ЦФ. Впервые с начала еврейской колонизации Эрец-Исраэль началась заметная алия из Германии.

Наряду с попыткой евреев-центристов противостоять нацизму и приспособливаться к новым условиям и подъёмом сионистского движения, имела место и эмиграция евреев-левых: в 1933 году из страны выехало 37 тыс. евреев, большинство из них — коммунисты, социал-демократы и другие левые. Все перечисленные группы — и левые, и либералы из «Центральферайна», и сионисты — несмотря на свой немецкий патриотизм оценивали нацистский режим безусловно отрицательно. Но далеко не все германские евреи принадлежали к левому или либеральному лагерям — среди них были люди разных убеждений, в частности правые, антикоммунисты и т. п. Многие из них принимали принципы и цели национал-социализма (за вычетом нацистского антисемитизма) и хотели принять участие в «национальном обновлении Германии», в ее «национал-социалистической революции». В Германии появилось несколько еврейских организаций (представляющих, безусловно, меньшинство еврейского населения страны), готовых не просто к диалогу с нацистским режимом, но и к сотрудничеству с ним. Забегая вперед, отметим: ни диалог с режимом, ни сотрудничество с ним у еврейских правых радикалов не получились: все они не сумели постичь природу нацистского расового антисемитизма, исключавшего какой-либо диалог с евреями.

Воздержимся от огульного осмеяния этих правых евреев. Евреи Германии были патриотами; даже либералы-центральферайновцы выступали против антигерманской кампании в мировой печати в 1933 году и призывали евреев голосовать за нацистские предложения на плебисцитах 1933–1935 годов. Для многих евреев быть хорошими немцами означало не только восторгаться Гете и честно служить в немецкой армии, но и быть вместе с народом в поворотный момент истории своей страны. Если немецкий народ, в их представлении, поддерживал Гитлера, то должны были поддержать и они. Чего стоит патриотизм, если он не выдерживает первого серьезного послевоенного испытания?

Кроме того, во всем мире нарастало общее ощущение кризиса либерального государства, убеждение в том, что демократии и парламентаризму так или иначе пришел конец. Немецкие еврейские интеллектуалы в начале 1930-х годов предсказывали наступление тоталитаризма и неизбежное устранение евреев из немецкого общества, находящегося под влиянием «национального романтизма», то есть нацизма.

И самое главное — никто не мог предугадать, чем обернется нацистский режим. Аушвица и Бабьего Яра не предвидел никто. Нацизм представлялся многим интеллектуальной игрой или политическим экспериментом наподобие устроенного Муссолини в Италии.

Ни одна из правых еврейских организаций нацистской эры не заработала такого количества насмешек и такой нелестной славы «еврейских нацистов», как Союз национально-немецких евреев (Фербанд националь-дойчер юден). В начале 1930-х годов о членах «Фербанда» рассказывали, будто они участвуют в нацистских шествиях, неся плакаты «Долой нас!» и «Мы — наше несчастье» (по аналогии с лозунгом Трейчке «Евреи — наше несчастье»). Дурная слава «Фербанда» вполне заслуженная, однако он был более серьезным явлением, чем можно заключить на основании анекдотов о нем.

Союз национально-немецких евреев был самой ранней из правых еврейских организаций, настроенных на диалог с нацистами, — он был создан еще в 1921 году. Основателем организации был д-р Макс Науман, юрист по образованию и капитан по воинскому званию, участник мировой войны, кавалер трех воинских наград, в том числе двух Железных крестов. Науман был воспитан в семье, придерживавшейся правоконсервативных взглядов, состоял в умеренно-правой Немецкой народной партии (ДФП) и был ярким антикоммунистом.

Еще в 1920 году Науман опубликовал статью «О национально-немецких евреях», где отверг постулат сионизма о том, что все евреи связаны узами истории и религии и составляют единый народ. В Германии есть национально-немецкие евреи, преданные немецкому отечеству, и есть сионисты, преданные еврейской нации; большинство же немецких евреев, те, которые состоят в либеральном «Центральферайне», — это «промежуточники», не решающиеся избавиться от пережитков еврейского «племенного чувства». Коренные немецкие евреи, утверждал Науман, расово близки немцам-арийцам и могут войти в немецкую «народную общность». Не могут же в нее войти только три группы: «ост-юден», евреи-иммигранты из стран Восточной Европы, составлявшие 1/5 всех немецких евреев, «полуазиаты», «жалкие существа недочеловеческого уровня»; сионисты — они сами отказались от членства в немецкой нации; и евреи-левые, от коммунистов до художников-авангардистов, ибо приверженность левым идеологиям — не немецкая черта.

Статья Наумана вызвала резко враждебную реакцию в еврейской печати, но уже в 1921 году Союз национально-немецких евреев был создан и скоро стал заметной еврейской организацией. Хотя за все время существования «Фербанда» в нем никогда не было больше 3500 членов, многие симпатизировали Союзу и посещали его собрания и митинги.

Отношение Наумана и его организации к религии не было последовательным. С одной стороны, Союз национально-немецких евреев не принимал крещеных евреев и безбожников, чтобы не прослыть организацией выкрестов. С другой стороны, Науман заявлял, что Б-г Израиля не существует для национально-немецкого еврея, который должен верить в «немецкого бога». Упрощенно говоря, «национально-немецких» евреев можно охарактеризовать как ультрареформистов в религии — они не праздновали многих праздников и обсуждали необходимость соблюдения субботы. Учитывая рост вандализма против синагог и других еврейских религиозных учреждений, ЦФ расценивал разрыв «Фербанда» с религиозной общиной как трусость.

«x'ëáí ú ááðáëíëíé í íëíááëííé íðááí èçáòëë «Öááðóáí óáí èýéí»

Перед Союзом национально-немецких евреев стоял сложный вопрос, на какую немецкую правую партию ориентироваться. Национал-социалисты были последовательными расистами и отрицали, что существуют какие-то «национально-немецкие» евреи; для них не было разницы между берлинским евреем-интеллектуалом, предки которого жили в Германии с раннего Средневековья, и польским лавочником, въехавшим в Германию год назад и не умевшим говорить по-немецки. Следующая по степени «правизны» Немецко-национальная народная партия (ДНФП) фон Папена тоже была антисемитской. Реальным союзником выглядела солидная, близкая к власти Немецкая народная партия (ДФП). «Фербанд», однако, был политически правее ДФП; кроме того, к концу 1920-х годов ДФП также начала заражаться антисемитизмом и охладела к «национально-немецким евреям».

В начале 1930-х годов к власти уверенным шагом начали продвигаться национал-социалисты, и Науман попытался переориентироваться на них. В августе 1932 года, в преддверии выборов в рейхстаг, он заявил, что партия Адольфа Гитлера — единственная политическая организация, способная возродить немецкую нацию, и призвал евреев голосовать за наци, игнорируя «досадные побочные эффекты» нацистского антисемитизма. Он считал, что антисемитизм — это средство, которым Гитлер пользуется для мобилизации масс, и лишь только национальная революция закончится, у нацистов не будет причин исключать национально-немецких евреев из своего движения. Но на выборах марта 1933-го разочаровавшийся в нацистах Науман предложил евреям голосовать за консервативную ДНФП и другие правые группы.

Никогда не критикуя режим, наумановцы критиковали евреев за недостаточную немецкость, например, «слишком еврейский уклон» «Культурбунда» — Союза культуры немецких евреев, пытавшегося дать какую-то работу сотням музыкантов, актеров и художников, уволенных нацистами. Яростно критиковал «Фербанд» антинемецкую пропагандистскую кампанию за границей. На митингах «Фербанда» реяли черно-бело-красные имперские флаги, собравшиеся пели «Дойчланд юбер аллес», а также исполнялись произведения Вагнера. Однако члены «Фербанда» воздерживались от изображения свастики, пения нацистского гимна «Хорст Вессель» и нацистского приветствия — руки, выброшенной вперед. Вместо портретов Гитлера в помещениях организации висел портрет фельдмаршала Гинденбурга.

Письма и телеграммы Наумана нацистским вождям начались, как только Гитлер был назначен канцлером. Однако апогея его писательская активность достигла в марте 1935 года, когда, в нарушение Версальского договора, был издан Закон об организации обороны, предусматривавший в скором будущем введение всеобщей воинской повинности. В какой мере к службе в армии будут привлечены «неарийцы», еще было неясно, в этом вопросе генералы расходились с фюрером. Но уже 20 марта Науман направил письмо к Гитлеру, где он поздравлял правительство с принятым решением и выражал тревогу по поводу того, что планируется «исключить всех неарийцев из участия в воинской обязанности». Науман уверял Гитлера, что все как один национально-немецкие евреи готовы выполнять свой воинский долг; он призвал различать национально-немецких евреев и иностранных. Попутно он предложил себя в качестве эксперта, способного в дальнейшем отличить надежных национально-немецких евреев от ненадежных иностранных. Поручкой этому — много поколений предков Наумана, живших в Германии, и их безупречная служба в армии. Гитлер не ответил Науману — он никогда не отвечал евреям.

Кампанию за привлечение евреев к воинской повинности «Фербанд» вел параллельно с Союзом евреев-фронтовиков. Вопреки тому, что утверждали историки ГДР и даже некоторые еврейские авторы, Союз евреев-фронтовиков не был пронацистской организацией. «Рейхсбунд» был одним из многих германских ветеранских союзов, возникших в стране по окончании мировой войны. Это была большая и солидная организация: в начале 1933 года в «Рейхсбунде» состояло 30 тыс. человек. Как и все воинские союзы, «Рейхсбунд» тяготел к право-консервативному краю немецкого политического спектра — но в нем состояли и коммунисты, и социал-демократы, и даже некоторые сионисты. Руководство «Рейхсбунда» наивно полагало, что, поскольку в Германии пришли к власти ветераны войны, режим будет более благосклонен к евреям-ветеранам. Союз считал отстранение немецких евреев от воинской службы оскорбительным. 4 апреля 1933 года председатель Союза Лео Лёвенштейн послал письмо Гитлеру, в котором он предложил, что «Рейхсбунд» возьмет на себя допризывную подготовку еврейской молодежи; Гитлер не ответил. Спустя месяц Лёвенштейн послал Гитлеру подробный меморандум на ту же тему; Гитлер опять не ответил.

Если программа наумановского «Фербанда» предусматривала для евреев постепенный отход от еврейской идентичности, то есть ассимиляцию, то «Немецкий авангард» (Дойче фортрупп, ДФ), другая еврейская группа, готовая к сотрудничеству с режимом, выступал за сохранение еврейской идентичности. «Немецкий авангард» (название было позаимствовано у существовавшей до войны немецкой правой молодежной организации) был создан в феврале 1933 года. Основателем был молодой религиозный мистик и крайний консерватор Ганс-Йоахим Шёпс. Организация была маленькой: в 1934-м ее численность достигла 1300 и дальше не росла.

Шёпс осуждал сионизм, ибо тот, как и антисемитизм, ошибочно представляет себе народ Израиля как народ «в мирском и политическом смысле», тогда как это народ духовности, созданный Синайским откровением. Синай не только дал евреям истину, но и придал святость еврейской крови (мы бы сегодня сказали — еврейской генетике). Именно святость его крови позволяет Израилю и далее принимать и понимать Откровение. Синайское откровение сделало евреев особой расой, и Шёпс был вполне согласен с немецкими расистами в том, что те возражали против браков между евреями и немцами.

Для Шёпса иудаизм являл собой не конкретный набор заповедей (он их не исполнял), а воплощение порядка и закона и, таким образом, был сродни пруссачеству. Шёпс поражался «сходству» прусской и еврейской истории. «И у евреев, и у пруссаков повиновение в крови. И те и другие могут существовать лишь постольку, поскольку они подчиняются законам». Консерватизм одинаково присутствует и в прусской идеологии, и в еврейской религии. Шёпс перечислял, что евреи дали Пруссии, и верил в симбиоз прусского и еврейского.

Традиции пруссачества, по мнению Шёпса, воплотил и распространил на всю Германию национал-социализм. Поэтому национальное обновление Германии невозможно без участия евреев; это должны понять как евреи, так и нацисты. Но евреи примут участие в нацистской революции как совершенно обособленная, даже геттоизованная группа.

Политически Шёпс был консерватором, монархистом, противником демократии и сторонником авторитарного государства, ненавистником индустриального буржуазного общества с его рационализмом и классовой войной, а также большевизма. Как и Науман, Шёпс считал, что «ост-юден» и еврейские левые не имеют ничего общего с Германией. Задачей «Немецкого авангарда», по его мнению, была трансформация еврейской общины в консервативном направлении.

С апреля 1933 года Шёпс делал неоднократные попытки встретиться с Гитлером и членами его кабинета и убедить их, что «Авангард» готов «служить Германии при любых обстоятельствах», но в аудиенциях ему было отказано.

Летом 1934 года умер президент Германии Гинденбург, поддерживавший все ветеранские и патриотические организации страны, и отношение нацистов к еврейским немецко-патриотическим организациям резко изменилось к худшему. Шёпса начали систематически вызывать в гестапо на допросы; членов ДФ склоняли к эмиграции.

ДФ оживился в марте 1935 года, когда режим принял решение возродить в стране всеобщую воинскую повинность. Известие о том, что эта повинность не будет распространяться на евреев, повергло Шёпса в шок. Служба в армии была для ассимиляционистских еврейских организаций последней возможностью убедить нацистов в патриотизме евреев: евреи готовы защищать свое немецкое отечество несмотря на все ограничения, наложенные на них. И вот нацисты их этой возможности лишали! ДФ присоединился к протесту Союза евреев-фронтовиков. Все протесты, однако, оказались тщетными.

После того как 14 ноября 1935 года вступил в силу нюрнбергский Закон об имперском гражданстве, все еврейские организации, настаивавшие на принадлежности евреев к немецкой «народной общности» и агитировавшие против эмиграции евреев, попали в число противодействующих этому закону. 20 ноября приказом гестапо был распущен Союз национально-немецких евреев, сам Макс Науман был арестован и помещен на две недели в «Колумбия хаус», тюрьму гестапо. Часть членов «Фербанда» вошла в Союз евреев-фронтовиков. В мае 1939 года Науман умер от рака.

В декабре был распущен «Немецкий авангард». Члены организации решили перевести ее на нелегальное положение и продолжали тайно встречаться в Берлине, в результате чего в начале 1936 года Шёпс и его товарищи были арестованы и обвинены в государственной измене. Шёпс пробыл в гестапо сутки — стоя лицом к стене с поднятыми руками, после чего его неожиданно отпустили. После Хрустальной ночи, в декабре 1938-го, Шёпс бежал в Швецию. Его товарищи были не столь счастливы: многие были отправлены в Бухенвальд и другие лагеря и погибли. В 1946 году Шёпс, один из немногих евреев, вернулся в Германию и занял место преподавателя в Университете Эрлангена. Он раскаивался в том, что выступал против еврейской эмиграции.

Еще до принятия Нюрнбергских законов, в 1934 году, нацисты распустили Шварцес фенляйн.

Еврейская молодежная организация «Шварцес фенляйн» («Черный отряд») была создана в мае 1932 года молодыми ребятами, которых не принимали в гитлерюгенд и другие «арийские» полувоеенные организации из-за еврейского происхождения. Члены ШФ сохранили некоторую атрибутику и терминологию этих организаций, например само слово «фенляйн» — так назывались подразделения гитлерюгенда. «Бундесфюрером» ШФ стал Гюнтер Баллин, племянник знаменитого гамбургского пароходного магната Альберта Баллина.

В ШФ процветал культ войны и смерти в бою. Члены движения носили голубые шорты, темно-синие рубашки и армейские ремни с надписью «Готт мит унс» на пряжке, а до 1933 года — также и ножи. Подавая себя как немецко-еврейскую молодежь нового типа, «аристократическую по выправке и по убеждениям», черноотрядники надеялись, что им позволят служить в возрождавшейся немецкой армии. Они посылали петиции в рейхсканцелярию, устраивали демонстрации — все было, разумеется, напрасно. Тщетные попытки ШФ сблизиться с нацистами привели только к его изоляции от остальных еврейских групп. Справедливости ради отметим, что, в отличие от Союза национально-немецких евреев и «Немецкого авангарда», «Шварцес фенляйн» не разделял нацистского расизма. Рядовые члены ШФ были подростками, которые не понимали целей режима. Их увлекла внешняя сторона — песни, костры и прочая имитация армейской жизни в лагерях и походах. Возвращаясь в школу после лета, проведенного в лагере ШФ, подростки-евреи с удовлетворением обнаруживали, что они не менее крепки, отважны и спортивны, чем их «арийские» соученики, которые провели лето в лагерях гитлерюгенда.

Часть лидеров ШФ быстро поняла, что ШФ раздражает нацистов более, чем любая другая еврейская организация. Нацисты насаждали образ еврея как существа не способного к военному делу, слабого, трусливого и непатриотичного; а ШФ стремился доказать, что немецкие евреи ни в чем не уступают немцам, и тем подрывал нацистскую доктрину об арийском расовом превосходстве. В 1933 году в организации начался раскол. В конце 1934 года наци распустили ШФ.

Часть членов ШФ перешла в другие молодежные движения, в том числе и к сионистам, и затем выехала в Страну Израиля. Немногие остались в Германии — из-за того, что их родители не сумели эмигрировать, — и погибли. Те, кто смог эмигрировать, реализовали свою мечту о воинском подвиге и приняли участие в войне — только не на стороне Германии, а в армиях Великобритании и США.

Попытка правого меньшинства еврейской общины принять участие в «национал-социалистической революции» провалилась, и, к счастью, на ранней стадии. Иначе и не могло быть. Гитлер был последовательным и негибким расистом, для него все евреи были одинаковы и не делились на «подходящих» и «неподходящих». Попытаемся оценить это явление.

Сами по себе попытки еврейских организаций начать диалог с нацистами в первые два-три года диктатуры неудивительны. Договориться с новым режимом на первых порах пытались многие, в том числе и сионисты, и даже религиозная «Агудат Исраэль». Не должно удивлять и то, что в еврейской среде нашлось немало людей, разделявших праворадикальные и даже нацистские принципы. Еврейский народ (как и любой народ) никогда не отличался «единомыслием», в нем были люди разных убеждений. Представление о том, что все евреи придерживаются левых или либеральных воззрений, немного отдаст антисемитским мифом начала XX века о том, что все евреи — коммунисты.

Уместно упрекнуть Наумана, Шёпса и их единомышленников, а также и руководство Союза евреев-фронтовиков в политической слепоте. Они не сумели оценить всей последовательности и принципиальности нацистского антисемитизма. Они полагали, что евреи сами виноваты в том, что правый лагерь к ним относится плохо, и верили, что если евреев перевоспитать, то новый режим примет их. Впрочем, многие нацисты действительно считали, что следует сделать исключение для евреев — ветеранов войны. Еще в марте 1933 года, когда Союз евреев-фронтовиков организовал свой траурный митинг, приглашение принять в нем участие принял не только ветеранский союз «Стальной шлем» (Штальхельм), в рядах которого было немало нацистов, но и СА, «карманная армия» нацистской партии. Вскоре, однако, Гитлер и его присные приструнили вольнодумствующих нацистов, и уже в 1935 году подобные вещи были невозможны.

Самое неприглядное в программе правых еврейских организаций — это их идея понравиться нацистам за счет большинства евреев. Ни «Фербанд», ни ДФ не собиралась защищать евреев Германии в целом — они защищали только своих собственных членов, еврейскую «элиту». Тем же грешил и Союз евреев-фронтовиков. Его председатель Лео Лёвенштейн в своих письмах к членам правительства требовал уважения только к евреям-ветеранам и евреям призывного возраста — с остальными нацисты вольны поступать по своему разумению.

Подобная позиция вызвала немало протестов. Реформистский раввин, а в прошлом австрийский офицер Игнац Майбаум, член Союза евреев-фронтовиков, писал, что это — разновидность предательства, которая, к сожалению, не нова в еврейской истории: «В те годы, когда евреи подвергались гонениям, всегда находились индивидуумы, которые порывали с общиной и нахваливали себя перед гонителями: “мы совершенно не такие, как все другие евреи”».

Попытка ультраправых пристроиться в кильватере национал-социалистической революции не удалась — равно как и не удалась попытка «Центральферайна» найти для евреев какую-то форму сносного существования в расистском государстве. После 1935 года основной реакцией евреев на ужесточавшуюся политику режима стала эмиграция. Включились в эмиграционный поток и евреи — немецкие националисты; те, кто не сумел этого сделать, погибли от рук того самого режима, с которым когда-то пытались солидаризоваться.

«ЗА РОДИНУ, ПРОТИВ СТАЛИНА И ЖИДОБОЛЬШЕВИЗМА!»

ААЕЕТ А САЕАТ ЕТА

Владимир Дмитриевич Соколов родился в 1913 году. Окончил школу-девятилетку в Орле, пытался поступить в Московский и Ленинградский университеты, но не был принят из-за «социальной чуждости»: его дед был ректором Духовной семинарии и редактором большой газеты. Тогда он проработал два года рабочим на заводе, а в 1932 году, указав в графе социальное происхождение «рабочий», поступил в Орловский педагогический институт. Стал школьным учителем литературы. Согласно его собственному рассказу, в 1937 году «бежал из-под ареста», ушел в подполье, жил под фальшивыми именами, часто менял место жительства. Перед войной и первые 14 месяцев войны он жил и работал под Воронежем. В августе 1942 вернулся в оккупированный Орел.

Владимир Самарин. Портрет из газеты «Новое русское слово», Нью-Йорк. 3 апреля 1970 года.

Орел был захвачен 3 октября 1941 года 4-й дивизией 2-й танковой армии Гудериана. В течение двух лет немцы контролировали Орловскую область с миллионным русским населением. В целях сохранения лояльности населения в условиях активизации партизанского движения, а также в целях рекрутирования коллаборантов чрезвычайно важной считалась пропагандистская деятельность, которую в Орле осуществляла 693-я рота пропаганды, подчинявшаяся и использовавшая методы и материалы Отдела военной пропаганды Вермахта и Министерства просвещения и пропаганды. Простая, но эффективная, по мысли Геббельса, нацистская пропаганда строилась вокруг центрального концепта врага-еврея: под видом коммунистов евреи правили и правят Советским Союзом («жидобольшевизм»), из-за евреев затягивается война и откладывается победа Германии и восстановление нормальной жизни в «освобожденной России», еврейская плутократия контролирует политику Америки и Великобритании и т.п.². Основными каналами пропаганды были курсы лекций (для учителей, городских чиновников, деревенских старост) и пресса.

Главным оружием в арсенале 693-й роты пропаганды стала газета «Речь». В начале 1942 года «Речь» была малотиражным информационным листком, печатавшим почти исключительно переводы немецких армейских коммюнике; и тем не менее она пользовалась спросом у людей, изголодавшихся по чтению и по новостям. С весны 1942-го газету стали совершенствовать; были наняты русские корреспонденты, налажена сеть распространения в орловской области. К концу лета в одном Орле уже было 6 тысяч подписчиков, а из деревень доходили слухи, что крестьяне обменивают на газеты хлеб и картофель; к концу года тираж достигал 100 тысяч экземпляров.

Дабы эффективнее воздействовать на читателя, нацистским пропагандистам нужны были русские авторы, выразители местной юдофобии и антикоммунизма, способные совместить лозунги Министерства пропаганды с риторикой черносотенных листов и памятью о еврейских погромах начала века. Русские сотрудники газеты получали определенные привилегии: они освобождались от трудовой повинности и могли не опасаться депортации в Рейх; им полагался улучшенный продовольственный паек, при необходимости – квартира и даже садовый участок. Владимир Соколов, очевидно, сам предложил свои услуги – как антикоммуниста, интеллектуала и литератора – и стал – под псевдонимом Владимир Самарин³ – автором, а затем и заместителем главного редактора «Речи»; главным («ответственным») редактором был Михаил Оксан (Ильинич), инженер одесского происхождения, высоко ценимый нацистами за свою активную антисемитскую позицию и к лету 1943 года награжденный уже девятью немецкими орденами⁴.

Самарин регулярно писал в газету статьи, в том числе передовицы, подписываясь как полным псевдонимом (Вл. Самарин), так и инициалами «в.с.». Его тексты – содержательно и интонационно – похожи как капли воды и разрабатывают несколько тем: зверства большевистского режима, его ответственность за войну и грядущее поражение в ней; дефекты режима капиталистического; еврейская мировая закулиса и скорая ее гибель; возрождение русского народа, государства и православия. Например:

...Еврейскую опасность не могли не видеть, ее видели. Великий провидец Достоевский как-то сказал: «Близится час еврейского царства. Наступает торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажды правды, чувства христианские и даже сознание гордости народов».

Попытки бороться с еврейским засильем в разных странах не привели к желательным результатам, и только в Германии, где национал-социализм открыл народу глаза, указав ему на страшную опасность, грозящую самому существованию народа, власть еврейства рухнула. Ответом на это была война, спровоцированная мировым еврейством. Против Германии выступили Англия и СССР, а потом США, страны, в которых власть безраздельно принадлежит еврейству.

Еврейский марксизм и еврейский капитализм оказались братьями по крови и плоти.

Перед глазами изумленного мира Черчилль – олицетворение капитализма, и Сталин – олицетворение марксизма, протянули друг другу руку. <...> Теперешняя мировая война, спровоцированная жидями, объединившими темные силы мира для борьбы с Германией и ее союзниками, будет последней войной из всех, какие вели жиды против народов земли; она будет последней потому, что в ней падет и будет совершенно уничтожена власть жидов на всем земном шаре⁵.

Помимо Достоевского Самарин ссылается и на другую юдофобскую классику:

Протоколы сионских мудрецов

<...> Мысль о мировом владычестве, о завоевании мирового господства возникла у евреев очень давно, и к осуществлению этой мысли евреи шли, неуклонно и планомерно захватывая сначала экономическую, а затем и политическую власть. Опубликование «Протоколов сионских мудрецов» с неоспоримой ясностью подтверждает факт, что евреи имели свои тайные организации и что они, действительно, готовили захват власти во всем мире. <...> «Мы заинтересованы в вырождении гоев», — читаем в протоколе № 3. И, действительно, евреи сделали очень многое, что пошатнуло нравственные устои народов в разных странах. Евреи завели отвратительную, грязную литературу, они всеми мерами поощряли развитие проституции, они делали все, что в какой-либо мере содействовало нравственному падению, духовному обнищанию, физическому разложению народов. <...> Джугашвили-Сталин, с точки зрения еврейства, вполне подходящий человек. И он на престоле, на жидовском престоле, воздвигнутом жидами и их слугами на костях миллионов русских людей. <...> Как известно, массовое истребление людей в Советском союзе проводилось на основании определенных законов, изданных жидо-большевистскими правителями с определенной целью преследования и истребления лучшей части народа, которая не могла быть довольна тем, что происходит в стране <...> Какой бы области жизни ни коснулись мы в СССР, всюду видна рука жидов. Экономика, политика, литература – все это в их руках, все служило им, все было подчинено одной цели: укреплению власти жидов⁶.

В других своих статьях Самарин иллюстрирует тезис вездесущности «руки жидов», например:

Наш язык

<...> При советской власти язык тоже пополнялся новыми словами, но эти слова не обогащали язык, а только засоряли его немилосердно, превращая «великий и могучий русский язык», как о нем выразился Тургенев, в какую-то советскую тарабарщину, какой-то жаргон, грязный и пошлый, абсурдный и смешной.

Чего стоили, например, так называемые сокращения, заменившие собою многие исконные русские, привычные слова! <...> Как часто можно было встретить на улицах советских городов людей, ищущих какой-нибудь «Главлитбурбор». <...>

Народ с присущим ему юмором сам расшифровывал каббалистические знаки жидовской терминологии.

*Что такое СССР? Смерть Сталина спасет Россию.
ВКП(б)? Второе крепостное право большевиков.
ОГПУ? Организация государственных политических убийц⁷.*

«Ваша сказка “Конституция” не пойдет. Читатель не настолько глуп, как вы думаете. Говорят, ваш отец был сапожником. Почему бы и вам не заняться этой благородной профессией? И вам бы лучше, и другим спокойнее. Подумайте об этом, пока не поздно». «Жало» – сатирическое приложение к газете «Речь». № 7. 28 февраля 1943 года Самарину хорошо удавалась русификация геббельсовской антисемитской, антисоветской и антиамериканской пропаганды⁸, и, судя по отчетам 693-й роты пропаганды, его высоко ценили; весной 1943-го он был награжден двумя орденами. В 1942 году Самарина отправили в пропагандистский тур в Германию, по возвращении из которого он должен был восхвалять условия жизни в Третьем Рейхе, гуманизм и справедливость законов, социальный порядок и волю к победе.

В июле 1943 года началось контрнаступление Красной Армии на орловском участке фронта, Гитлер с запозданием согласился на эвакуацию Орла, и в начале августа советские войска вошли в город. Редакция «Речи» переместилась в Брянск, а затем в Бобруйск. Осенью 1944-го, вместе с отступающей немецкой армией, Самарин отправился в Германию и до конца войны продолжал свою пронацистскую журналистскую деятельность, печатаясь в берлинских пропагандистских русскоязычных газетах «Воля народа» и «Заря».

После окончания войны и оккупации Германии войсками союзников Самарину удалось избежать насильственной репатриации в СССР. В мае 1951 года в Венторфе он подал ходатайство на получение американской иммиграционной визы (согласно Закону о перемещенных лицах 1948 года, разрешившему внеочередной въезд в страну ди-пи и беженцев кроме сотрудничавших с нацистами). Визу он получил в тот же день (что говорит о не слишком тщательной проверке) и был допущен в США в июне, подписав аффидевит, где в том числе говорилось, что он «никогда не участвовал ни в каком движении, враждебном Соединенным Штатам Америки» и «никогда не поддерживал <...> преследование по расовому, религиозному или национальному признаку».

Как в Германии, так и в Америке Самарин активно участвовал в деятельности эмигрантских организаций, быстро сделал карьеру в Национально-трудовом союзе, став в 1947 году председателем его гамбургского отделения, а в 1951-м — нью-йоркского⁹, сотрудничал в эмигрантских изданиях, переписывался с ключевыми фигурами русской эмиграции: Георгием Адамовичем, Марком Алдановым, Гайто Газдановым, Борисом Зайцевым, Александром Керенским, Юлием Марголиным и др. Со временем ему удалось устроиться на работу в Йельский университет в качестве преподавателя русского языка, затем и литературы.

В 1960-70-е годы в Вашингтоне и Нью-Йорке вышло пять сборников малой прозы В.Д. Самарина: «Песчаная отмель» (1964), «Тени на стене» (1967), «Цвет времени» (1969), «Далекая звезда» (1972), «Теплый мрамор» (1976).

Хронотопы самаринских рассказов в основном автобиографичны: довоенная жизнь в Советском Союзе, оккупация, лиминальное пребывание в Германии, эмиграция в Америку, иммигрантская жизнь, путешествия в Европу. В повествовании о военных и послевоенных годах присутствует апологетика коллаборантства и осуждение партизанской деятельности. «Хорошие» коллаборационисты – старосты, старшины, начальники полиции – заботятся о вверенных им людях, восстанавливают разоренные большевистским режимом деревни, хозяйство, разрушенные в войну заводы, стремятся «свалить усатого», а потом и немцев прогнать, то есть выступают настоящими российскими патриотами, а отнюдь не продажными изменниками. Партизаны, напротив, занимаются исключительно истреблением – случайным или намеренным – невинных людей: семей коллаборационистов или просто мирного населения оккупированных территорий¹⁰. В ряду нескольких однотипных инвектив против партизан и апологий коллаборантов в прозе Самарина самая, пожалуй, выразительная – рассказ «Топор в руке»:

Волостной старшины Андрей Галкин рубил новую избу. <...> Волостным старшиной Андрей Галкин стал, как говорят, самотеком. Немцы еще не пришли, а власти сбежали, и новой властью в селе стал колхозный счетовод Галкин, уговоривший мужиков колхоза не растаскивать, чтобы урожай вместе собрать и поделить. Так и сделали. В волости и действительно порядок был. Немцы в стороне держались и свои не бесчинствовали. Вернулись две семьи раскулаченных, им всем селом дома срубили. К Рождеству церковь отремонтировали и открыли. Галкин на клиросе пел, и когда в церковь входил, народ чинно расступался, дорожку давал волостному старшине. Приближалась зима, и с ней пришла беда. Ночью в селе разбросали листовки со смертным приговором Андрею Галкину, пособнику немецких оккупантов. Полиции прозевали, но собаки всю ночь выли: чужих чуяли. Узнал Галкин: сброшен в районе отряд парашютистов, чтобы привести в исполнение приказ из Москвы, из партизанского штаба. Приказал и он полиции быть готовой, а жену с детьми в отцу отправил, от лесов подальше. <...> Дом отца горел, а в нем все побитые. <...> Уходили парашютисты, отстреливались, а полиция одного и перехватили. <...> Страшно закричал парашютист. Не помнил Галкин, как топор в руке очутился. <...> Гакнул, как по сырому бревну, и вывернуло его тут же наизнанку. <...> И не могу больше жить он: то дети звали по ночам, то кричал парашютист перед страшной своей смертью. <...> Подошли на заре к волости партизаны. <...> Партизаны залегли, окопались. А он приказал своим с места не трогаться, один во весь рост через поле пошел. Там растерялись сначала, а потом – из автоматов. Так погиб мой друг Андрей Галкин¹¹.

В отличие от газетных публикаций Самарина военного времени в его прозе тема «жидобольшевизма» никак не раскрывается, и ненависть к коммунистическому режиму остается чиста от антисемитских коннотаций. За исключением одного крохотного эпизода, где символом большевизма представлен Л.Д. Троцкий, в крайне одиозном облике которого подчеркнуты еврейские черты. Персонаж вспоминает события, последовавшие за октябрём 1917 года: «...ледяной прокуренный зал, и щуплый человек на трибуне со старомодным пенсне на хищном носу, выкрикивающий, выплевывающий ненависть ко всему живому и живущему...»¹².

Самаринский лирический герой в свой эмигрантский период спокоен, доволен собой и жизнью. Его внутренняя безмятежность, равно как и внешнее благополучие и безнаказанность могут показаться удивительными. Безнаказанность автора объясняется несколькими причинами. Во-первых, проникновением и благополучным проживанием в США нацистские преступники и коллаборационисты обязаны халатности и некомпетентности миграционных служб. В соответствии с законами о перемещенных лицах и о защите беженцев, в США въехало около 550 тысяч человек, из

которых, по разным подсчетам, от одной до десяти тысяч прежде сотрудничали с нацистами¹³. Во-вторых, как показывает изучение дела Самарина в архиве ФБР¹⁴, он получил определенную протекцию за определенные услуги: «ФБР использовало Самарина для слежки за потенциальными коммунистами и советскими агентами в Соединенных Штатах»¹⁵, а точнее, для проверки лояльности русских эмигрантских организаций (прежде всего, НТС) и выявления возможного советского влияния на эмигрантские организации. Из дела Самарина не явствует, насколько эффективным агентом он оказался. Так или иначе, разоблачительный скандал, положивший конец его карьере, разразился лишь в 1976 году, спустя без малого двадцать лет после натурализации Самарина в Америке.

Статья Аркадия Сахнина из «*Советиш геймланд*» была оперативно переведена на английский и опубликована в *Morgen Freiheit* в мае 1976 года. В мае же эта информация была доведена до сведения заведующего кафедрой славянских языков и литературы Йельского университета. Коллеги по кафедре написали Самарину возмущенное открытое письмо¹⁶, и летом 1976 тот был вынужден подать в отставку. Некоторые студенты и экс-студенты выражали свою поддержку Самарину, иные полагали, что Самарина нужно было оставить как хорошего преподавателя русского языка и литературы, а политике и идеологии в университетских стенах не место.

В начале 1982 года, через шесть лет после громкого увольнения из Йеля, начался процесс по лишению Самарина американского гражданства в связи с тем, что американскую визу и гражданство (в 1951 и 1957 годах) он получил на ложных основаниях, скрыв информацию о своей нацистской деятельности и фальсифицировав свое прошлое (под присягой утверждал, что работал в нацистской газете корректором). В 1985 году он проиграл суд и в 1986-м был лишен гражданства. Суд апелляционной инстанции поддержал решение о денатурализации, а Верховный суд отказал Самарину в просьбе рассмотреть это дело.

Решение апелляционного суда, опубликованное в Федеральном сборнике судебных решений¹⁷, содержит информацию о линии защиты Самарина. В ответ на обвинение в публикации вопиюще антисемитских статей и статей, осуждающих действия США и Великобритании и призывающих содействовать их военному поражению, а также в пособничестве выявлению и преследованию орловских евреев-коммунистов, Самарин утверждал, что не был «добровольным пособником» нацистов и «не способствовал преследованию по расовому <...> признаку». Он признал свое авторство названных обвинением статей, но настаивал на том, что его текст был во многом переписан (в частности, «евреи» заменены на «жиды», вставлены конкретные фамилии, которых он сам не называл, и добавлены целые абзацы). Основным аргумент Самарина состоял в том, что он, убежденный антикоммунист, не придерживался при этом ни профашистских, ни антисемитских взглядов, но был вынужден печатать подобные материалы под давлением немецкой цензуры, в противном случае «его бы расстреляли или отправили в концентрационный лагерь».

В частной переписке, в заявлениях «не для печати» Самарин представляет себя жертвой еврейско-коммунистического заговора, намекая, что его враги господствуют в США. Он полагал, что ему угрожают еврейские террористы из Лиги защиты евреев, и возмущался «союзниками КГБ», сфабриковавшими его дело, и американскими судами:

Крупные европейские юристы считают суды здешние – бандитскими, мало чем отличающимися от советских судов эпохи Сталинского террора. Там был Сталинский террор, здесь террор – бесовский. Ни президент страны, ни, тем более, органы защиты страны, то есть ФБР (Эф-Би-Ай) не имеют к этому террору ровно никакого отношения. Кто хозяйничает в великой стране (до поры, до времени!) Вы хорошо знаете¹⁸

Русские эмигрантские издания поддерживали Самарина: публиковали письма читателей в его защиту, обличали «плодотворное сотрудничество Комитета государственной безопасности СССР и отдела спецрасследований министерства юстиции США», возмущались «позорным

преследованием 74-летнего больного человека за мысли, высказанные им 45 лет тому назад за тысячи километров от США»¹⁹; газета «Русская жизнь» даже создала «Фонд защиты В.Д. Самарина».

В 1988 году начались слушания по вопросу о депортации, на которые Самарин не являлся; выяснилось, что он уехал в Монреаль и попросил у канадского правительства статус беженца. Канадская еврейская общественность выступила против удовлетворения ходатайства Самарина и предоставления убежища нацистскому преступнику. Дело так и не было решено, когда, в 1995 году, Самарин умер.

1. *Советиш геймланд*. 1976. № 4. С. 143–149.

2. *Однако, как показывают отчеты пропагандистов, русская публика не особенно заинтересовалась нацистской трактовкой еврейского вопроса, и привить ей антисемитизм в желательной степени не удавалось*. См.: Herzstein R.E. *Anti-Jewish Propaganda in the Orel Region of Great Russia, 1942-1943: The German Army and Its Russian Collaborators* // *Simon Wiesenthal Center Annual*. Vol. 6.

3. *Возможно, этот псевдоним был выбран в честь известного славянофила, философа и публициста Ю.Ф. Самарина (1819–1876)*. См. Herzstein R.E. *Op. cit.*

4. См. о нем: Werth A. *Russia at War, 1941-1945*. New York, 1965. Ch. 9; Ковалев Б.Н. *Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы*. Великий Новгород, 2009. С. 173, 203, 227, 278, 329.

5. *Речь*. № 4(187). 10 января 1943 г.

6. *Речь*. № 70(253). 20 июня 1943 г.

7. *Речь*. № 25(208). 28 февраля 1943 г.

8. *Подробнее о влиянии Геббельса на публикации в «Речи», вплоть до текстуальных совпадений, см. в Herzstein R.E. Op. cit.*

9. См. критическую оценку его деятельности в НТС в воспоминаниях Б. Прянишникова «Новопоколенцы» (Силвер Спринг, 1986).

10. См., например: *Тени на стене*. С. 45-50; *Цвет времени*. С. 34-37; 38-40; *Теплый мрамор*. Нью-Йорк, 1976. С. 11-12.

11. *Тени на стене*. С. 28-30.

12. *Песчаная отмель*. С. 36.

13. См. Lippman M. *The Pursuit of Nazi War Criminals in the United States and in other Anglo-American Legal Systems* // *California Western International Law Journal*. Vol. 29, No. 1. 1998.

14. *The National Archives, Record Group 65, 100-100-409764, box 039-040*.

15. Goda N.J.W. *Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew* // Breitman R. et al. *US Intelligence and the Nazis*. Cambridge UP, 2005. P. 245.

16. См.: Harris J. *Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty* // *Yale Daily News*. 20 September 1976.

17. *United States of America, Appellee, v. Vladimir Sokolov, a/k/a Vladimir Dmetrivich Sokolov, Vladimir Sokolov-Samarin, Vladimir Samarin, Appellant*. No. 524, Docket 86-6157. *United States Court of Appeals, Second Circuit*. Argued Dec. 12, 1986. Decided March 24, 1987 // *The Federal Reporter*. 2d edition. *Decisions of the Federal Courts of Appeals*. Vol. 814: March-April 1987. F.2d 864.

18. *Письмо к Т.О. Ранним от 5 марта 1987 г. Yale University Library. Manuscripts and Archives. Vladimir Sokolov-Samarin Materials Concerning His Resignation from Yale University*. RU 851. Box 1. Folder 1.

19. *Болотников Б. Решение по делу В. Самарина* // *Посев*. № 8. 1987. С. 61-62.

В романах Шахара все жены, мамы и бабушки постоянно напоминают мужчинам, что те все равно ни к чему, кроме «иерусалимской придури», не пригодны. Придурь эта — вечные разговоры о Библии, о Талмуде, о еврейском народе — обо всей этой мужской «чепухе», которой нам сейчас предстоит заняться. Этому приятному занятию можно предаваться и в Москве, например, поговорить о ваших книгах и книгах вообще.

АЕЕАЕУ ААЕЕЕЕ Кстати, о пустых занятиях. Мой дядя, знаменитый талмудист, профессор Шауль Либерман, был образцовым митнагедом. Как-то я, еще ребенком, присутствовал при его разговоре с моим отцом. Речь шла о молитве, и дядя Шауль, человек очень набожный, сказал: «За то время, которое у меня уходит на вечернюю молитву, я мог бы изучить еще пол-листа Талмуда. Разве у меня есть что сказать Всевышнему? У меня? Нечего мне Ему сказать. Я просто отлыниваю от работы над Талмудом». Отец спросил его: «А зачем ты тогда вообще молишься?» Он ответил: «Есть выбор?»

ІВ Поводом к нашей встрече стало русское издание вашей биографии Йеуды Галеви. Для вас это, собственно, вторая публикация по-русски. Ваша первая книга, «Письма американскому еврейскому другу», была переведена весьма оперативно, лет тридцать назад она широко ходила в самиздате и произвела немалое впечатление на отказников и участников движения еврейского возрождения.

АА Очень рад это слышать. Я никогда не встречал таких людей. Те, кто читал книгу по-английски, рассказывали, как она повлияла на них 20–30 лет тому назад. Но ни с кем из России я никогда не говорил.

ІВ Я довольно хорошо ее помню. В ту эпоху вести еврейскую жизнь в России было чудовищно трудно. Любое еврейское дело требовало больших усилий и было довольно опасным. Вы убедительно доказывали, почему евреи Советского Союза должны репатриироваться в Израиль. Почему нет другого пути. Оставалось совершенно непонятным, зачем репатрируются американцы — при всем богатстве и разнообразии еврейской жизни в Америке.

АА Да, я не говорю, что нельзя быть евреем, вести еврейскую жизнь, оставаясь в США, во Франции или в любом другом месте. Но полнота еврейской жизни возможна только в еврейском государстве, в Земле Израиля, и такой полноты и цельности нет больше нигде в мире. Еврейское будущее — по крайней мере, то будущее, которое мне интересно, — может реализоваться только в Израиле. Но это будущее в опасности. И пока оно под угрозой, каждый уважающий себя еврей, каждый уважающий свое еврейство еврей должен приехать и постараться стать частью этого опыта. Понимаете, если Страна Израиля завтра исчезнет — что вполне может случиться, — то еще пару тысяч лет будут евреи, встречающие субботу так же, как и их предки тысячу лет назад, — но мне это не интересно. Я не против, наоборот, я бы хотел, чтобы и в Израиле евреи ходили в синагогу. Но продолжать ту еврейскую жизнь, которая сложилась за последние пару тысяч лет, без чего-то нового, мне не интересно. А единственный опыт, который для меня важен, — это реализация еврейской жизни в еврейском государстве.

ІВ В вашей книге о Йеуде Галеви вы описываете человека блестящего, гениального, но совершенно одинокого. Он удаляется в пустынное место, в Землю Израиля, где никто и ничто на него не влияет, только для того, чтобы вознести славу Всевышнему. Он поступает как романтический герой, и в этом вы видите высшую ценность.

АА Йеуда Галеви показал, что у религиозного еврея в диаспоре нет самостоятельной ценности, там не создать полноценной жизни. «Сейчас евреев в Земле Израиля нет, но там должны быть евреи» — такова, во многом, позиция Йеуды Галеви. Я уверен, что для отъезда в Землю Израиля у него было много причин, но одна из них — быть первым, быть образцом для народа Израиля. Если бы он попытался организовать еще 20–30 репатриантов, то, возможно, остался бы в Испании до конца своих дней. Он садится на корабль, чтобы отплыть в Землю Израиля, — и никто его не сопровождает. Это поразительно. Великий поэт, один из самых любимых и уважаемых людей в народе Израиля — и никто не готов сопровождать его до врат Земли Израиля.

ІВ Чем вы это объясняете?

АА Прежде всего страхом. Страхом перед крестоносцами, которые за 40 лет до того сожгли живьем в главной синагоге всех евреев Иерусалима, страхом перед экономическими трудностями, но не только. При первом же взгляде на карту еврейского рассеяния за 2000 лет возникает вопрос: почему евреи селились абсолютно везде, кроме Земли Израиля? Я думаю, что дело здесь в особой разновидности страха — не страха перед иноверцами или чего-то в этом роде, а страха перед самой Землей Израиля.

ИВ Возможно, именно об этом написано в книге «Зоар». Согласно Торе, Моше, перед тем как приступить к завоеванию Святой земли, отправил туда разведчиков от всех двенадцати колен, которые по возвращении оклеветали Землю, сказав: «Земля, которую обошли мы, чтобы обозреть ее, — это земля, поедающая своих жителей». В результате весь народ был приговорен к сорокалетним странствиям по пустыне. Так вот, согласно «Зоару», разведчики сказали полную правду: в Земле Израиля, «центральной точке мироздания», царит глубокая тьма, это самое страшное место в мире, над которым не властен ни один ангел. Евреи «поколения пустыни» не верили в свою избранность, в то, что народ Израиля, которого ведет не ангел, а сам Святой, благословен Он, сможет овладеть этим местом, и за то были наказаны.

АА Это интересно. Но я думаю, есть еще одно объяснение: евреи боялись того, что Святая земля окажется просто еще одной страной: горы, поля, дома — все то же, что и в прочих странах. Они считали, что Земля Израиля должна остаться мечтой.

ИВ Вернемся к Йеуде Галеви. В связи с выходом вашей книги по-русски уместно задать вопрос о близости образа Йеуды Галеви русской литературе. Многие русские поэты, философы, литераторы, подобно описанному вами Галеви, порывали со своим окружением, налаженным бытом, привычной повседневностью, чтобы обрести нечто принципиально новое, и в результате оказывались в полном одиночестве. Такой стереотип бытует в русской культуре и сегодня.

АА Можно воспринимать его как «русский» культурный тип, но меня интересует, как он привлечет русских читателей, особенно русских евреев. Мне гораздо легче говорить с русскими евреями, хотя бы и через переводчика, чем с евреями американскими. Я чувствую свою связь с ними больше, чем с американскими евреями. Это трудно объяснить. Может быть, тоже романтизм, я не знаю точно. Какая-то открытость. В США люди так стремятся оградить себя, свое жизненное пространство, свое место, свою позицию, что к ним трудно приблизиться. Они всякий раз выстраивают какую-то стену. Беседуя с русскими евреями, я не чувствую этой стены совсем. Ее нет. Люди здесь не опасаются прямо переходить к делу. Беседы с ними более душевны, содержательны, интересны.

ИВ А каково, на ваш взгляд, место Йеуды Галеви в сионистской и постсионистской идеологиях, в современном Израиле?

АА Я знаю, что в еврейском религиозном мире, в ешивах, «Кузари» — очень почитаемая книга. Но не поэзия Галеви. Хотя многие религиозные евреи знают и «Сиониды», и «Сердце мое на Востоке», но они были потрясены, узнав, что рабби Йеуда Галеви был способен писать эротические стихи. Они не знают, как примириться с таким Йеудой Галеви. Но это тот же самый Галеви, это один и тот же человек.

МЯ Но ведь и сам Йеуда Галеви относился к этой части своего творчества не вполне однозначно. В «Кузари» он, устами своего героя-мудреца, говорит: «Тому, кто ищет чистоту души <...> вредны дружба с женщинами, общество низких людей и занятие поэзией страсти и любовными песнями».

АА К счастью для религиозных общин, большая часть поэзии Йеуды Галеви погибла, и религиозный мир не должен решать, как с ней примириться.

ИВ Сейчас в еврейском религиозном мире идет большая дискуссия о Йеуде Галеви, связанная со службой в Храме. В «Кузари» он несколько раз ясно дает понять, что жертвоприношения в Храме нужны не Б-гу, а людям — это действия одновременно физические и духовные, которые могут стать и целиком духовными, если отпадет потребность в их физической оболочке.

АА По-моему, Йеуда Галеви говорит другое. Иначе и к Земле Израиля можно относиться так, как к ней относятся хасиды. Для них Земля Израиля — это исключительно духовный термин, а заповеди, мол, можно исполнять в любом месте. Если вы так думаете про Йеуду Галеви, то вы ошибаетесь.

ИВ Помните историю о путешествии в Землю Израиля рабби Нахмана из Брацлава? Сойдя с корабля, он прошел четыре шага и сказал: «Достаточно. Я получил все, в чем нуждался. Можно возвращаться». То есть он считал, что все, что требуется от человека, — пройти четыре шага по Земле Израиля. Кто сделал их, достиг цели. Рабби Нахман — очень глубокий мистик. Он относится к Земле Израиля не только как к реальной стране, одной из многих...

АА Верно. Истинный смысл его слов: нам не нужна Земля Израиля.

ІВ Ни в коем случае. Он все время подчеркивает, что невозможно достичь той ступени, которой он достиг, не приехав в Землю Израиля физически. Но тот, кто решил переехать туда навсегда, никогда не может вернуться, ведь возвращение в изгнание чревато потерей всего, что он обрел на духовном пути. А тот, кто прошел путь в Землю Израиля и вошел в Землю Израиля, тот может проходить его снова и снова и тосковать по Земле Израиля, где бы он ни находился.

АА Все это очень интересно и лишь подтверждает мои слова. Это ложь, одна из тех, которыми тешит себя религиозный мир. Много фальшивого в этой тоске по Земле Израиля. Если ты и правда тоскуешь по какому-то месту — не по чувству, связанному с ним, а по самому месту, — то невозможно ограничиться четырьмя шагами. А если тебя интересует не место, а твоя реакция на него, то это пренебрежение ценностью самого места.

ІВ Подчеркнутая ценность куртуазной любви у средневековых рыцарей тоже, в конечном счете, фальшива?

АА Это фальшь, как у Данте, которого интересовала не Беатриче, а его собственное чувство к ней. Если тебя интересует не Земля Израиля, а любовь к Земле Израиля, то ты, конечно, никогда в Землю Израиля не поедешь, жить в ней не будешь и еврейского государства не создашь.

ІВ Однако в Новое время первыми переселялись в Землю Израиля именно глубоко религиозные люди — сефардские каббалисты, хасиды, ученики Виленского гаона...

АА Мы возвращаемся к предыдущей части беседы — о Государстве Израиль как о высшей, Божественной проверке нашей способности быть честными с собой. Можем ли мы освободиться от всей той фальши, которой жили в изгнании? Если народ живет в Стране Израиля по тому же еврейскому обычаю, что и в диаспоре, — это хорошо и вместе с тем ужасно. Религиозные евреи считают, что правда открывается только в жизни согласно еврейской традиции и боятся возможного поражения, неспособности ответить на вызов еврейского государства. Ибо изначально понимают, насколько это сложно.

ІВ Перед светскими израильтянами тоже стоит этот вызов.

АА Знаете ли, для меня то, что происходит в сфере религиозно-светских отношений, очень интересно и очень грустно. Я утверждаю, что есть в Израиле религиозный прессинг, а светский мир гораздо более свободен, более открыт. Есть один важный момент в отношениях религиозных и светских. Когда-то религиозные думали, что они могут повлиять на светский мир, приблизить его к вере, и они чувствовали за него ответственность. Сегодня отношение религиозных к светским гораздо проще. Презрение, сплошной негатив: «Эти люди безнадежны. Мы никогда не приблизим их к вере, они потеряны. Мы за них не отвечаем и они нас не интересуют».

ІВ Религиозный мир не един; те, кто не был заинтересован в диалоге со светскими 50 лет назад, не интересуются им и сегодня, а те, кто раньше был готов к диалогу, продолжают его и по сей день. Интересно другое: большая часть израильского общества в обыденном смысле не религиозна. Но раньше светские израильтяне относились к еврейскому наследию, традициям, в лучшем случае безразлично, а нередко и с нескрываемой ненавистью. О диалоге речи просто не шло. С наступлением эпохи постсионизма все изменилось. Израильтяне на глазах становятся все в большей степени евреями. Возникает такое явление, как «светская ешива», и не одна, а множество, в моду входит еврейское искусство, еврейская музыка. В образовании признанный и модный бренд — бейт мидраш («дом учения»): бейт мидраши по кулинарии, бейт мидраши по танцам и даже бейт мидраши по Талмуду, в которых учатся люди, весьма далекие от иудаизма.

АА Да, такое явление есть. На том спасибо, хотя этого очень мало. Я бы хотел, чтобы это развивалось. Я еще в «Письмах американскому другу» писал о возможности появления светской культуры, основанной на религиозных источниках.

ІВ Я надеюсь, это явление будет развиваться как в Израиле, так и в странах диаспоры и, несомненно, поможет разрешить те противоречия, которые еще недавно казались неразрешимыми. Надеюсь, ваша книга «Йеуда Галеви» тоже внесет свой вклад в этот процесс.

АА Даже если это будет совсем небольшой вклад, я буду очень рад.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

СО СВОИМ ТАБАЧКОМ И ЧИХОМ

Ἀθατῆε Ἰ αἰ ἀτῆ

После 1990-х ни на одной работе более двух лет я не задерживался. Преодолеть рубеж не то чтобы не удавалось — не хотелось из-за чувства самосохранения. Не то с «Лехаимом». Пятый сезон уже в журнале, а назвать свою редакторскую и журналистскую деятельность «трудовой» могу с известной долей натяжки: без преувеличения, журнал стал частью моей творческой жизни.

В этом журнале, отнесемся ко мне благосклонно с первых дней, я осуществил многое из того, о чем мог лишь мечтать, чего бы не воплотил в своей прозе. У «художки» мера ответственности, вернее,

безответственности иная, другие устав и параллель, даже универсальность и то иного порядка. И дело тут не только в этнической и религиозной составляющей. «Лехаим» — живой организм, со своим табачком, чихом и возгласом: «Здравствуй!» Так что нет ничего удивительного, что он подвержен переменам разного свойства.

На моей памяти «Лехаим» трижды значительно менял облик, и трижды в переменах этих я принимал непосредственное участие. Обстоятельство сие порою дает повод для грусти. Но то грусть особая. Грусть по тому, что было не проявлено и вот стало добычей «дальнего читателя», стало не только моей «возможностью пробуждения», но и его.

По мне, лучший годовой корпус журналов — с 2008 по 2009 год. Пылкий, с заметным креном в эссеистику и с тем особым викторианским снобизмом, который сам почитаю и который, случается, необходим на сломе исторических эпох не только журналам, но и людям. Не исключаю, что кому-то из коллег и непредвзятых читателей глянется «Лехаим» образца последнего полугодия или же истоки «Лехаима», с той заветной местечковостью, которая есть одна из метафизических черт/вариаций восточно-европейского еврейства.

Именно в «Лехаиме» я понял, что значит слово «проект» для творческого человека. Как вовлекаются в рубрики люди, и ориентированные на русско-еврейскую культуру, и, напротив, полагающие ее «просто русской, и все», как меняется на ходу мой «Перекресток» и как взрослею вместе с ним я, исправляя дефекты личности.

Задуманная когда-то рубрика «4x4» позволила мне напрямую общаться с интереснейшими людьми, выдающимися современниками (многих, увы, уже нет с нами), задавать вопросы, из-за которых качает не только русское еврейство. При незначительном допуске все они сливаются в один магистральный: «Что же есть такое на самом деле русско-еврейская культура и как соотносится с мировой?»

Ответ нахожу ежемесячно на 112 полосах «Лехаима».

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

НОВЫЕ ИЗРАИЛЬТЯНЕ ИЛИ БЫВШИЕ СОВЕТСКИЕ?

Моше Кенигштейн

Новость об освобождении похищенного пять лет назад террористами израильского капрала Гилада Шалита в обмен на 1027 палестинских заключенных (см. материал Анны Исаковой в этом номере «Лехаима») расколола израильское общество на «русский» Израиль и «израильский» Израиль. Если в «большом» Израиле решение правительства об обмене поддерживают — со всеми оговорками — до 80%, то на «русской улице» большинство высказывается резко против. Прокомментировать этот феномен мы попросили израильского социолога Моше Кенигштейна, давно занимающегося анализом менталитета и настроений русскоязычных израильтян.

Разумеется, реальность намного сложнее, чем стереотипное мнение о «русских» израильтянах. Как и любая общественная группа, русскоязычная община внутренне дифференцирована по самым разным показателям. С другой стороны, очевидно, что этой группе присуща особая позиция по многим вопросам израильской жизни. Так, если подавляющее большинство нерусскоязычных израильтян, при всем осознании травматичности сделки по Шалиту, все же ее в целом поддержали и такое отношение, в общем-то, стало предметом общественного консенсуса, то на «русской улице» около двух третей высказываются против,

воспринимая этот обмен как капитуляцию правительства, армии, спецслужб, признак психологической и моральной слабости израильского общества.

Причин тому несколько. Во-первых, израильтяне уже переживали подобные обмены — вспомним хотя бы так называемую «делку Джибриля» 1985 года. Для тех же, кто приехал в Израиль относительно недавно, сделка по Шалиту непривычна и неприемлема.

Во-вторых, в Израиле в течение всех пяти лет, пока Шалит находился в плену, шла беспрецедентная кампания за его освобождение: выступления политических лидеров, публикации СМИ, демонстрации, палаточные городки, письма, телефонные звонки. Более того, она выплеснулась и за пределы Израиля — в том числе потому, что Шалит имеет наряду с израильским французское гражданство. И эта кампания оказывала сильнейшее влияние как на общественное мнение, так и на правительство и кнессет. Кроме того, эмоциональной поддержкой пользовались родители Шалита, которые самоотверженно боролись за возвращение сына. Массовое сочувствие вызывал и образ самого капрала, больше похожего на интеллигентного мальчика, чем на мужественного бойца.

И все это в намного большей степени влияло на ивритоязычную публику, чем на русскоязычную. Большинство «русских» ориентируется на русскоязычные СМИ. А они занимали иную позицию, как и влиятельные на «русской улице» лидеры общественного мнения, в частности Авигдор Либерман, партию которого поддерживают около 50% русскоязычных избирателей.

Да, Либерман голосовал против этой сделки, да, в русскоязычных СМИ практически не было ажиотажной кампании с требованием освободить Шалита любым способом. Но это, конечно, не значит, что «русские» были против возвращения солдата из плена. Скорее для них оказалось более значимо ощущение колоссального провала армии, разведки, ненормальности ситуации, когда силовые структуры расписываются в своей беспомощности, а освобождением солдата занимаются общественные организации и родители, сидящие в палатке у резиденции премьера.

На самом деле это фрагмент продолжительного процесса снижения общественного доверия к руководству страны. Израильская политика после ухода Рабина и Шарона вообще переживает катастрофическую деградацию элит и дефицит лидерства. При этом механизмы обновления элит работают плохо, социальные и политические лифты забиты тромбами. Почему провалилась левая часть израильского политического спектра? Это ведь во многом не идеологическая, а, так сказать, «персональная» история, там просто не за кого голосовать. Как только в «Аводе» возникла мало-мальски яркая фигура — бывшая журналистка Шели Яхимович, возглавившая в этом году партию, — у левых вновь появилась электоральная перспектива. Справа, по крайней мере, есть такой яркий политик, как Либерман...

Почему «русские» израильтяне реагируют на эту ситуацию по-иному, нежели остальная страна? Дело в том, что, с одной стороны, они часть израильского общества, причем часть, довольно прочно в него интегрированная. Основная масса русскоязычных репатриантов приехала сюда в начале или в середине 1990-х годов, — разумеется, за 15–20 лет они выросли в новую жизнь. Есть группа людей, живущих достаточно изолированно, не знающих языка, не особенно следящих за общественной жизнью, но их не так много. Так что, когда ивритоязычные СМИ объясняют особость позиции «русских» их изолированностью, отсутствием достаточной информации о происходящем, говорят о «русском гетто», — это журналистский шаблон, имеющий мало общего с действительностью.

С другой стороны, «русские» слабо участвуют в деятельности общественных организаций. По данным исследований, в акциях политических партий и общественных организаций принимают участие — не просто поддерживают, а реально принимают участие — менее 5% взрослых русскоязычных израильтян. С одной стороны, это, наверное, плохо, так как свидетельствует о неразвитости гражданского сознания и пр. Но можно сделать и другой вывод: благодаря этой невовлеченности «русским» удается сохранять большую независимость, на их мнение меньше влияют разного рода медийные кампании. И это скорее положительный фактор, потому что ивритоязычные СМИ нередко используют недостоверную и несбалансированную информацию, прибегают к сомнительным методам давления на общественное мнение.

Во всей этой истории есть еще один момент, о котором нельзя не упомянуть. После освобождения Шалита в русскоязычных блогах, на форумах стали появляться высказывания откровенно негуманные. Авторы недоумевают, почему из человека, который без сопротивления попал в плен, делают героя, утверждают, что он был обязан погибнуть, но не сдаваться, что родители не имели права требовать его освобождения, зная, какую цену придется заплатить государству, и т. д. Подобные персонажи, как любые радикалы, на виду, но ведь известно, что блогосфера и вообще Интернет очень неточно отражают

картину общества в целом. Большинство «нормальных» людей комментарии на форумах не пишут: 90% посетителей тех или иных сайтов просто читают вывешенные там новости и статьи, 8–9% комментируют, и лишь 1% создает контент. Форумные комментаторы — это, как правило, люди с дефицитом общения в реальной жизни. И это вовсе не специфика русскоязычного Интернета: почитайте, что на израильских форумах пишут о «русских», — это точно такая же клиника.

Вопрос, который в связи со всем этим довольно активно дебатруется, состоит в том, привезен ли этот «антигуманизм» из Советского Союза или возник уже на израильской почве? Кто эти люди в первую очередь: бывшие советские граждане или все-таки новые израильтяне? Для меня ответ однозначен: практически все оценки и мнения русскоязычных израильтян сформировались уже на новой родине. «Русские, импортировавшие в Израиль советское тоталитарное наследие» — это журналистский стереотип, далекий от реальности. Ни в одной крупной группе эмигрантов ценности в законсервированном виде десятилетиями не сохраняются.

Традиционно в русско-еврейской среде высшей ценностью считалось образование. Многие и эмигрировали для того, чтобы дать детям хорошее образование. Но в Израиле образование с первого места на ценностной шкале быстро переключалось в середину, если не в конец списка. Не более половины детей из семей русскоязычных израильтян оканчивают среднюю школу и получают аттестат зрелости.

В чем причина? Около 60% репатриантов из СССР приехали с должностей, требующих высшего образования. Социально-профессиональная структура еврейского населения Советского Союза представляла собой перевернутую пирамиду. В отличие от других национальных групп менее 20% советских евреев можно было отнести к «пролетариям», тогда как большинство работало в науке, культуре, образовании. Но в Израиле пирамида перевернулась с острия на основание — более половины «русских» израильтян заняты на рабочих местах, не требующих высшего образования. Разумеется, после такого тектонического слома взгляды и ценности этой группы не остались неизменными. Все перевернулось с ног на голову — или, скорее, с головы на ноги.

ΠΙΣΜΟ ΡΙΜΣΚΟΜΥ ΔΡΥΓΥ

Àðeàí Èaðeá

Àíðíáé Οί ááðóí!

Β óεαííí ðáá, ÷óí ðύ ίαéííáó ðáσεéííý ίíééíóóύ γóíò áíóííúé áóðκεéííééé áíðíá, á éíóíðíí í ÷áéííáéíí é ðáçáíáðeááóύ ίééóí ίá ííεçáíééò, áíéé áíí áíðeíééé ðóíýò í áíύóá ááóóííò ááðí. Οάíðáí, ÷óí ðeí íéíá ίááí é ðeí íééé ίáðíá áéááí ðáíðíí íéáκεóóííý ίá ðáíáí çáíðíáí, ίáíðóíáí éé é ίéíáíéýó, á ίáééóáí ðeýóíáý éðeóééá, éíóíðíé ðύ ðááéýðíí ίíò÷áíóύ ίá:áíðeááá Ááðeáíéíé, ðóáíáð áύá ááíííύááí áé.

Í ðeááó éé ý ίááííðeóύ ðááý á ðeí á? Ού áύá íí ðáσεéááóύ! Áá ó í áíý íáðáóá çáí éðááó á ίðáááéóóáí éé γóíáí ίðáçáí ééá, á ίíííééáσεééííý áí í ίá ίò ááéá ááíí áðáíííúé κεóóí áééííò ίíáçκεéáááð çáðááðeóóύ áééóíóíí, ÷óíáύ çáíá:áðeáóύ ίáσε ááííáύ é áíáááeóóύ é ðáíáé áéáééíáðáðeé áύá ίáíó ÷óááíí ðé éíeáá Í ίá, áé Á-áá, áííááíí, ÷óí ý ίá íááéáé γóíáí á Í ééáíá ðáííéαçíááóóύ ðύ ðáé κεáýííí, íááóéí é çáíeí áðáéííí, éáé ίéθáóύ é, ίí-í ίáí ó ίáð ίééáéíé ίðe:éíú, ίí éíóíðíé ðóíééí áύ ίðeáçáóύ κεðíéíé ίáéééá á áíçí ίáéíííðe áíéýáóóύ ðáíé éíóíðeé. Í ίá κεá ííe:áíí ðí:áóííý ίðááðeóóύ ίá ðíð ááéééáóíúé, ίí áíí κεá óí ðáé, éíóíðíé ðύ áύíéαçáé ί ίá áí áðáí ý ίáσεé ίííéááí áé ίðíáééé. Í áíéóóááσεéíí ίíeó éíðíðeé, ðύ ίýáéí ίíáεóðeé ίáíý çá ίðíðóíðáéá á ίeó ée:ίíé ίáðáðeçééé. Β áçýé ίáóçý ÷óíáύ ίíðáçí úííeóóύ é óáááééííý á ðíí, ÷óí óí ðáé ðáíé ííááðeáííí íí ðáááéééá Í ú θeé ίí íéíύááé Νáí-Áááééá ίí ίáí ðááéáí éþ é Áóíí í.

* * *

В мельчайших подробностях помню я тот день, когда осознал, для чего мне взрослеть. Это была предвещающая воскресную праздность суббота, сразу после уроков, я учился тогда в первом классе. Зимнее солнце не грело, но очень весело светило, я шагал домой в компании одноклассников, и все они наперебой рассказывали истории. Я удивлялся и досадовал, как много всего произошло у этих мальчиков, таких же маленьких, как я, прошедших тот же, в общем, что и я, путь от детского сада до школы. Сколько ни пытался, я не сумел отыскать в своем коротеньком прошлом какой-либо внятной истории, заслуживающей публичного изложения. Разумеется, с высоты сегодняшнего возраста я готов извлечь из своего раннего детства хороший такой сборник рассказов, а может, и целый роман, но тогда я этого не умел. Зато я уже умел врать. Придуманные мною на ходу приключения оказались конкурентоспособными, и я сохранил лицо, а про себя ужасно захотел поскорее стать взрослым, чтобы у меня было что рассказать. Сегодня я, пожалуй, осмелюсь предположить, что желание человека увидеть в своей жизни сюжет носит фундаментальный характер. В пользу этой теории, помимо других аргументов, настойчиво говорит мой личный опыт: не много я встречал обывателей, которые, узнав о характере моих занятий, не загорелись бы энтузиазмом изложить мне свою судьбу, дабы я сделал из нее бестселлер.

Мои детство-отрочество-юность пришлись на удивительное время, которое наш принц подпольного рока назвал эпохой Зазеркалья. Это было время без новостей. Криминальная хроника отсутствовала как жанр, конфликты вспыхивали исключительно за рубежом, и только в советском космосе происходила какая-то движуха. Было бы общим местом описывать сейчас ужасы и косяки советского прошлого, но, когда в 1984 году я читал по-английски запрещенную книгу с одноименным названием, мне было жутко, потому что придуманная в ней антиутопия реально бесилась за окном. Самым гнетущим было то, что империя казалась вечной, в ней ничего не менялось, и не было никакой надежды, что изменится. Но моему поколению сказочно повезло: мы были еще молоды, когда под скромным названием «перестройка» грянула революция. История перестала стоять на месте. Она завертелась и стала видимой. И я хорошо помню, как ощутил себя к ней причастным. Это было уже в Иерусалиме, я наблюдал по телевизору крушение Берлинской стены. Вместе с ней рушилась стена моей личной темницы. Не все стены, заметим, только одна. Оставшиеся три пусть будут символизировать смысл жизни.

Не пугайся, дорогой друг, у меня нет ни малейшего желания пускаться в описания терзаний и догадок ни юной моей души, ни зрелой. Но это ни в коей мере не означает, что я готов от них отречься. Как сказал Даниил Данин, «вернейший способ не мучиться идейными катастрофами – закрывать на них глаза. Раз уж они всего лишь идейные (дома не рушатся, и гром не гремит), можно долго делать вид, что решительно ничего не произошло. И не происходит».

Итак, я не стану утомлять тебя историей моей Kampf der Ideen, но хочу порассуждать об эволюции, потому что в моей личной метафизике она – один из аргументов в формуле смысла жизни. Ученые-эволюционисты любят повторять, что главная проблема эволюции заключается в том, что каждый считает себя в ней специалистом. Никому не придет в голову оспаривать достижения современной физики, однако любой невежда имеет что сказать про дарвинизм. Потому что ведь это просто и общеизвестно:

выживает сильнейший! Даже если бы эта формулировка была верна, она оставляла бы чрезвычайно много места для выяснения вопроса о том, что означает сильнейший. Но она не верна, как и ее чуть более корректная вариация: выживает тот, кто лучше приспосабливается. Принято также считать, что ничего принципиально нового с тех пор, как Дарвин опубликовал в 1859 году свой трактат о происхождении видов, не произошло, а дарвинизм с тех пор счастливо получает все новые доказательства своей истинности. Это тоже неправда.

В 1978 году английский натурфилософ Ричард Докинз опубликовал книгу под названием «Эгоистичный ген». В ней были высказаны две революционные идеи. Одна – главная, которую Докинз будет развивать все последующие годы. Другая – побочная, изложенная в одной короткой главе, но имеющая все предпосылки стать наукой будущего.

Главная идея заключается в том, что вектором эволюции является не выживание индивидуума или вида, а выживание (то есть размножение и передача потомкам) гена. Мы, люди, как и весь остальной живой мир, представляем собой не более чем машины, которые гены используют для борьбы за выживание, и в слепом отборе («слепой часовщик» — назовет Докинз эволюцию в другой своей книге) побеждают те гены, которые строят себе самые эффективные машины.

Чтобы оценить, насколько нетривиально работает теория эволюции, достаточно прочитать одно лишь предисловие к «Эгоистичному гену». Автор сообщает, что его труд целиком посвящен исследованию вопроса об эволюционных причинах альтруизма.

Я потратил на изучение эволюции порядком времени, и если есть вещи, о которых я жалею, то одна из них — что не заинтересовался ею раньше. Она заслужила фигурировать в формуле смысла жизни хотя бы потому, что является единственным рациональным объяснением, как из первичного бульона получился венец творения. Ее философское величие открывается в полной мере, когда понимаешь, что оказался здесь и сейчас таким, какой ты есть, в силу слепого случая, приведшего к однозначной необходимости. Таинственный слоган рабби Гилеля «все предрешено и право дано» теперь охотно демонстрирует свою машинерию. Альтернативным объяснением выступает внешняя воля какого угодно Демиурга, и критерий, по которому я выбираю эволюцию, чрезвычайно прост: она может объяснить, откуда у нас в сознании появился Демиург, в то время как ни одна теория Демиурга не может объяснить, откуда у нас появилось сознание. Тут-то и начался разлад с природой, о котором говорит Мандельштам:

È ìò íàñí ðèðíàà ì òñòóí èèà —

Òàè, èàè àúúòí ì ù àé íáí óæí ù.

È ì ðíàí èñ ù é ì ì çáí í à æíæ èèà

Ñéíáí í óí àáñ, á òàí í úá í íæí ù.

È ì íáñáí í ú é ì ìñò í íà çàúúèà,

Í ì çààèà ì ì óñò è ò ù àéý ò áñ

Ó èí ñ çèáí áý ì íáèà,

È ðáñ í á áú óáí ù, æá è è è ì áñ...

До сих пор эволюция не знала, что она делает, — она просто играла по правилам с предоставленным материалом. Разные получались цветочки и зверушки, но некому было заценить всю эту благодать, пока в результате непостижимо долгих для нашего разума игр не появился зритель, который также неминуемо стал художником. Зачем кроманьонскому человеку нужно было рисовать животных на стенах своей пещеры? Эволюционный ответ однозначен: чтобы повысить шансы своих генов на выживание. Как там было на самом деле, мы точно не знаем. Может, рисунки помогали охотиться. Главное, что искусство вовсе не надстройка над материальным базисом. Оно — не менее важное, чем еда и одежда, условие выживания.

Кроме рисунков, людям для выживания понадобились истории. И тогда произошел еще один эволюционный скачок: возник сюжет. Вначале люди не умели создавать сюжеты, как не умел этого делать я, когда был маленьким. Но потом они научились, как научился я, когда подросток. Закон Гесса о том, что развитие индивидуума повторяет развитие вида, такое сравнение одобряет.

На этом месте, дорогой Умберто, я мог бы подвести итог, сказав, что моя личная метафизика довольствуется научной картиной мира и сюжетами, которые способны производить мои фенотипические мозги. Однако в этом была бы изрядная толика лукавства, потому что вопросы о существовании Демиурга и наличии свободы воли волнуют меня не по-детски. Будем называть вещи своими именами – поговорим о Б-ге.

Для моего папы Б-г был чрезвычайно привлекательной идеей. Но, будучи честным человеком, он никогда этой гипотезой не злоупотреблял. Однако в тогдашней антиутопии быть атеистом означало лить воду на чертовое колесо власти. Так что с Б-гом я прошел через тоталитарный период, после чего мы оставались вместе еще долгие годы, за которые и Он, и я сильно изменились.

Я был бы готов сегодня объявить себя атеистом, если бы не одно соображение, которое, если оно и не является очередной попыткой доказательства существования Б-га, то для меня, во всяком случае, оставляет вопрос о таком существовании открытым. Это соображение касается современного представления о Вселенной. Я еще могу вообразить, что до Большого взрыва ничего не было, хотя это «ничего» вызывает серьезное беспокойство. Но мне совершенно непонятно, откуда взялись физические законы. После того как они взялись, все отлично сходится, но что же, черт возьми, было до этого?! Ответом может служить все то же пустое «ничего». Но природа пустоты не терпит. Восполнить этот пробел может только фантазия, а в ней, как говорится, и Б-гу найдется место.

Перейдем теперь к проклятому вопросу о свободе воли. Действительно, хотелось бы знать, подчиняемся мы судьбе или свободны в своих действиях? У меня есть сильное подозрение, что ответить на этот вопрос мешает изначальная некорректность формулировки. Результаты работы эволюции воспринимаются нами как итог заранее существующего плана, но это неверный взгляд. На самом деле к наблюдаемым результатам привел случай вкупе с закономерностью, выраженной в правилах игры. Эволюция действует неосознанно, но приходит к тому единственному результату, который требовался здесь и сейчас. Природа несколько раз по новой «изобретала» глаз. Не правда ли, похоже, что она «следует» принципу рабби Гилеля, согласно которому все предопределено и право дано?

Закавыченные слова в предыдущем абзаце предупреждают о несовершенстве моих построений. Но построения и не могут быть точнее, покуда не нашло ответа возмущенное восклицание Эйнштейна: «Я не верю, что Г-сподь Б-г играет в кости!»

Любой человек, игравший в азартно-интеллектуальные игры, такие, как нарды, например, знает, что хорошая стратегия побеждает даже в поле случайных исходов. Опустив некоторые промежуточные рассуждения, позволительно сказать следующее: последовательное применение правильной стратегии дает возможность добиться на длинном отрезке времени выигрыша по очкам, притом что существует реальная

вероятность вылететь из игры раньше, чем существенно длинный отрезок будет пройден. Некоторые непредвиденные события жизни, смерть, например, способны свести на нет всю нашу стратегию. Если бы я не был конечным невращающимся, то действовал бы, как в песне поется: «Надо только выучиться ждать, / Надо быть спокойным и упрямым, / Чтоб порой от жизни получать / Радости скудные телеграммы». Гибкий смех мешает быть последовательным, но и без него никак нельзя.

Выигрышем в нашей жизненной игре следует считать выживание собственных генов. Это несколько отличается от выживания индивидуума, и отсюда, собственно, выводится склонность к альтруизму. Звучит цинично, но мать, жертвующая собой ради способного к репродукции ребенка, выигрывает. Но если ребенок к размножению не способен, то с точки зрения эволюции абсолютно все равно, кто из них двоих останется жить. Материнский инстинкт толкает жертвовать собой ради любого ребенка, потому что это — наилучшая стратегия для выживания генов. В животном мире холодный расчет, кого из родственников следует спасти ценой собственной жизни, соблюдается довольно строго. У вида *Homo Sapiens*, существующего, кроме как в биологическом, еще и в пространстве культурных воздействий, поведение обуславливается более изощренными механизмами.

В книге «Эгоистичный ген» Ричард Докинз вводит понятие мема. Мем — единица культурной информации. Это может быть анекдот, шлагер, крылатая фраза, правило буравчика, шестая заповедь. Мемов роднит с генами способность редуцироваться и передаваться потомкам. Некоторые мемы столь же древние, что и род человеческий. Идея Б-га, например.

Докинз посвятил мемам одну коротенькую главу, но хочется думать, что меметика станет когда-нибудь реальной дисциплиной. Пока не стала из-за очевидных трудностей. Во-первых, неохотно поддается определению само основное понятие — «мем». Если взять популярную песенку, то что следует считать мемом: весь текст вместе с мелодией? только припев? только первый куплет? Ну и так далее. Во-вторых, мемы размножаются совершенно по иным законам, чем гены. В-третьих, неясно, как отследить закономерности проявления мемов в фенотипах, то есть в людях. Ген зеленоглазости понятию как проявляется, а как проявляется мем «Мастера и Маргариты» или взятый из этого мема подмем «никого не трогаю, примус починяю»?

Воспарит ли теория мемов или так и останется красивой заявкой, бесспорно одно: культурное бессмертие значительно долговечнее генетического. Через двадцать поколений потомок Гомера уже ничем не напоминал его генетически, а «Одиссея», с незначительными мутациями, жива по сей день.

Многие люди, весьма далекие от науки, но не чуждые идеи бессмертия, просекли фишку с мемами и спешат написать руками умельцев свои автобиографии. Я бы им посоветовал доплачивать профессионалам, чтобы те создавали биографии в рамках популярных жанров: боевик, мелодрама, черная комедия. Ведь у художественных произведений срок жизни дольше.

Да, мне, пожалуй, хочется рассказать несколько историй, и хочется, чтобы они протянули подольше. Но даже если какую-то историю я не сумею рассказать, большой трагедии не случится. Кое-что я у тебя перенял: «Ты не считай себя единственным писателем на земле. Настанет время, и кто-нибудь другой, не меньший лжец, ее расскажет».

* * *

Мы шли по площади Сан-Бабила по направлению к Дуомо. Мне захотелось поделиться с тобой одним забавным опытом. Дело в том, что площадь Сан-Бабила в юности казалась мне сказкой. 2 июня 1980 года, сдав преподавательнице литературы свои сочинения на тему «Родина наша — колыбель героев», мы с Наташей Маликовой пошли в кино. Фильм назывался «Площадь Сан-Бабила, 20 часов». Маликова все время лезла целоваться, а я не мог оторвать глаз от экрана, соблазненный жизнью, которой не увижу никогда. Фильм был про итальянских неонацистов. Они все время бились с коммунистами, поэтому можно было спокойно им сочувствовать. Они были одеты как от фарцовщика; посылали на хер своего учителя литературы; хамили девчонкам и легко их снимали, а еще они были итальянцами. Я им ужасно завидовал! За пару лет до этого я прочел «Экзодус» и узнал все, что нужно, о героической борьбе еврейского народа и его чудесном возрождении на исторической родине. С тех пор я мечтал уехать в Израиль и мочить там арабов. Но уехать в Милан и мочить там коммунистов показалось мне тоже вполне привлекательной идеей. 1980 год выдался насыщенным. Умер Высоцкий, Сахарова сослали в Горький, а в Москве прошла Олимпиада, мало чем отличавшаяся от Берлинской Олимпиады 1936-го. Маликова мне в конце концов дала — после экзамена по химии. Но в институт я не поступил, и пришлось резать вены и ложиться в психушку,

чтобы не идти в Советскую армию. Потом я подал документы на отъезд и начал учить иврит. Одновременно я начал учить итальянский и общаться с итальянками-русистками в надежде, что какая-нибудь выйдет за меня замуж и увезет в Милан. Черт возьми! Да этот сюжет достоин — ну, не романа, нет, — но он определенно достоин сериала!

Умберто, ты любишь сериалы?

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

СУББОТНИЕ ДИНОЗАВРЫ

Ééííð Áíðáééé

È [Ì íéííé] íéáçáé èí : áíò ÷òí íéáçáé Á-íí íáíí çááòðà ííéíé, íáúòáú íááííòà Á-íí íáíí; ÷òí íááííí íá-ú íáééòà è ÷òí íááííí ááðéòú ááðéòà íááííí, à ÷òí ííòáíáòíí, íòéíæéòà è íááííéòà áí óòðà.

Øí íò, 16:23

У молодой матери Адины (профессия — банкир) самое любимое животное — тиранозавр. У ее мужа Итая (банкира, опять-таки) — тоже, вы удивитесь, тиранозавр. Не потому, что эти солидные, серьезные, много работающие люди ненавидят все живое (профессия такая — насмотришься), а потому, что тиранозавр — личный враг их трехлетней дочери Лии. Больше всего Адина и Итай любят смотреть, как тиранозавры умирают. Хотя в четверг вечером им кажется, что тиранозавры умирают слишком медленно. Им уже и головушку отпилили, и ножки оторвали, и хвостик откусили — а они, твари, все еще здесь. Но судьба их, конечно, предрешена. Вообще-то Лиечка кушает не очень хорошо, однако тиранозавра искренне ненавидит. Готова уничтожить подонка любой ценой. Разрывает в клочья, давится, но ест. И очень устает, и сразу, прямо за столом, засыпает. Это бессовестная манипуляция со стороны Лиечкиных родителей-банкиров, но четверг есть четверг, и им даже не стыдно. В Израиле умеют поставить ребенка в тупиковое положение: если тебе покажут нежный куриный шницель в форме тиранозавра и спросят: «Хочешь, деточка?» — ты, как последний лох, сразу завопишь: «Да, да!» Какой нормальный человек не хочет тиранозавра? «Сколько, Лиечка, — одного или двух?» — «Всех! Всех!» В пакке двадцать мороженных тирозавров, способных держать в ужасе поголовье из четырехсот мороженных стегозавров, анкилозавров, нодозавров и сцелидозавров, а также множества свежееохлажденных диплодоков. Но только не одного израильского ребенка. Лиечка ненавидит тиранозавров. Родители, чтобы Лиечка не зажалась и не охладела к бою, дают ей тиранозавров только в четверг вечером. Зато двух сразу. На последствия стоит взглянуть: вы сразу переметнетесь от креационизма к эволюционизму, потому что не мог Г-сподь всеблаготворитель допустить такого ужаса. Лиечка засыпает прямо за столом, в сжатом кулаке — нога поверженного гиганта, изо рта печально торчит твердый хвост его товарища, охваченный *rigor mortis*. Лиечку быстро пакуют в кровать, бабушке суют бэби-рацию, и бай-бай: у родителей Лиечки (у этих солидных, серьезных, много работающих людей), как и у всего Израиля, наступает наконец вечер четверга. А значит, мама Лиечки уже через час будет танцевать на столе в одном из баров на улице Лилиенблюм[1], а папа Лиечки будет принимать ставки на то, с какой скоростью мама Лиечки способна опрокинуть пять стопок текилы. Потому что четверг есть четверг.

В Израиле суббота[2] начинается в четверг. Выходные здесь — не суббота и воскресенье, а пятница и суббота, поэтому четверг в Израиле — это как пятница в любом другом месте, но помноженная на сознание того, что у всего мира — еще четверг, а у нас — уже четверг. У нас уже четверг, и это распространяется не только на банкиров — это распространяется на обалдевших от шума и света малолетних туристов у входа в оперу; на двух раввинов и их жен, пытающихся приманить кусочком бейгеля сытого ленивого кота; на официантов в армянской таверне, белеющих лицом, когда американский турист просит у них «кофе по-турецки». На балкончике кафе «Грег», повисшем над торговой улицей Мамилла, пара брачующихся в полной сброе пытается, глядя в объектив фотографа, придать своим лицам свадебное выражение. «Вечер четверга! — кричит фотограф. — Немножко расслабиться надо, немножко оживиться надо, ребята!» Внезапно невеста одним движением стаскивает с ноги белую кружевную подвязку и бросает ее в воздух. Подвязка взлетает, подхваченная слабым вечерним иерусалимским ветром. «Есть кадр! — кричит фотограф. — Есть кадр!» На веранде дорогого, элегантного хайфского ресторана две элегантные старушки в хрестоматийных жемчугах пьют коньяк и закусывают его печеньками «Финансьер». «С тысяча девятьсот сорок пятого года, — дребезжит жемчужная старушка постарше, — я мечтала о возможности вот так, тихим вечером четверга, сидеть на веранде и тихонько пить коньяк...» — «Каждый вечер четверга с тысяча девятьсот сорок пятого года ты напиваешься и говоришь одно и то же», — перебивает ее жемчужная старушка помоложе. «Тебе было шесть лет! — возмущается первая. — Что ты можешь помнить?!» — «Я помню, как вечером четверга папа с мамой уходили танцевать, а кое-кто воровал из шкафа коньяк!..» В старом еврейском квартале, на спуске к Стене Плача, группа из пятерых бодрых людей средних лет вечером четверга бодро играет на барабанах. Каждый раз, когда кто-нибудь из проходящих мимо бросает им в шапку

монету, они перестают играть и начинают очень громко благодарить доброго человека за щедрость, с наслаждением доводя его до пунцовой неловкости. У витрины книжного магазина два толстых, строгих мальчика из ортодоксальных семей пририсовывают тиранозавру с рекламного плаката усы, крылья, бластер и кипу. Вечер четверга есть вечер четверга, и это не совсем то же самое, что вечер пятницы во всех остальных местах. Здесь слишком хорошо понимают, как устроен ход времени; и понимают, что радость нельзя откладывать, потому что позже для нее может не быть сил, не быть места, не быть повода, не быть лет. И понимают, что праздник должен быть каждую неделю, и этот праздник — суббота. А суббота начинается в четверг.

Вечер четверга происходит со всеми и везде. С голубями на площади Рабина, успевающими за этот вечер так обожраться пищей и печеньками, что утром пятницы один вид торговца фалафелем заставляет их прятать голову под крыло. С ешиботниками, пытающимися гонять мяч в изгибе кривой узкой улочки Старого города при тщательно сдерживаемом раздражении гуляющей толпы, пока из окна ешивы серьезный пожилой человек в шляпе и талите не говорит им на строгом русском языке: «Мальчики, побойтесь Б-га». С лежачими больными тоже происходит вечер четверга. Последних медсестры отделения восстановительной терапии при одной из израильских больниц застукали в четверг вечером за совершенно бессовестным развлечением. Родственники сообщали им с воли номера телефонов, написанных на заднем стекле автобусов или корпоративных автомобилей рядом со словами: «Хорошо ли я вожу?» Эти надписи делаются, понятно, для того, чтобы в случае нарушения водителем правил дорожного движения добрые граждане звонили куда положено и оставляли на автоответчике свои гражданские жалобы. Но вечер четверга — это вечер четверга, и даже лежачим больным восстановительного отделения положена радость. Поэтому они звонят по вышеописанным номерам и оставляют пространные сообщения: «...Какой прекрасный водитель у автобуса АМ2342! Я еще никогда не сталкивался на дороге с таким ответственным человеком!..» Дальше идут похвалы водителю автобуса АМ2342 как другу, гражданину, хозяину собаки, мужу — и так до интимных подробностей. Но вечер четверга есть вечер четверга и для дежурных медсестер тоже. Медсестры звонят пациентам: «Здравствуйте! Мы — центр гражданского контроля за дорожным движением. Вы оказались нашим миллионным контролером — и выиграли осла. Да, осла. Ну что вы нервничаете? Нормального осла. Нет, вы не можете от него отказаться». Вечером четверга ни от чего нельзя отказаться, потому что еврейское время — это очень непростое время, в такое непростое время праздновать надо все, что можно, сразу, как только можно; непременно каждую неделю, но лучше бы, конечно, каждый день. По крайней мере, суббота у нас начинается в четверг.

...К утру на пляже Гордон погасят и уберут с песка маленькие электрические пальмы, и наступит хлопотное, шумное утро пятницы, когда надо успеть сделать все, что надо, до наступления субботы. Профессор математики Б., сорок пять лет состоящий в счастливом браке, перестанет разговаривать со своей женой, потому что вот уже тридцать два года они с женой по взаимной договоренности не разговаривают от утра пятницы до исхода субботы, чтобы «набраться хоть каких-то сил для жизни с этой чокнутой женщиной, с этой сумасбродкой, которой я приношу тапки — а она их не надевает и мерзнет, я опять приношу, а она не надевает и мерзнет; с этим ненормальным, с этим психом, который носит за мной тапки по всему дому, а мне жарко, а он все время носит мне тапки и носит, носит и носит». Утром пятницы от вечера четверга ничего не остается, кроме холодной ноги динозавра, случайно упавшей мимо мусорного ведра; Адина, молодая мать и преуспевающий банкир, подхватывает эту ногу и бросает ее в мусорное ведро, потому что наступает суббота, чистая медленная суббота, еженедельный праздник.

[1]. *Лилиенблум — улица в Тель-Авиве, на которой размещается ряд наиболее популярных баров и ночных клубов.*

[2]. *В иудаизме суббота — важнейший день недели, фактически — еженедельный праздник. В субботу запрещено работать (за редкими исключениями), и все дела следует закончить до вечера пятницы. В соответствии с еврейской традицией, каждый новый день начинается вечером предыдущего календарного дня, с появлением первой звезды: суббота — вечером пятницы, пятница — вечером четверга и т. п.*

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

ТЫСЯЧА И ОДИН

Анна Исакова

Такого всенародного гулянья, в какое вылилось возвращение из плена солдата ЦАХАЛа Гилада Шалита, Израиль давно не переживал. Толпы народа, съехавшегося со всех концов страны, осаждали небольшой поселок Мицпе-Ги́ла, где находится родительский дом Гилада, заполняли подъездные пути к этому населенному пункту, засыпали их цветами, а также наполняли все пространство радостным визгом. Людей было бы еще больше, если бы не было заранее объявлено, что к дому семейства Шалит нет допуска. Организаторы спокойного отдыха семьи со вздохом отступили, разрешив тем, кто все же рискнул приехать, протиснуться до самого спуска к заветному

домику и — пусть только на пару минут — увидеть виновника торжества. Остальной народ Израиля удовлетворился в тот день нескончаемыми радио- и телепередачами, в которых эпизодически возникал исхудалый бледный пленник, с трудом фиксирующий взгляд, — пять лет его держали в подвале. Привыкнуть к яркому дневному свету и толпам окружившего его народа парню было нелегко, но он справился. Тихий, спокойный, совсем еще мальчик, с твердым стержнем внутри. При виде него вопросы, не дававшие покоя израильтянам, уходили в сторону или прятались под неловкой формулировкой: «Пусть знают враги и друзья: один “наш” стоит тысячи супостатов!»

ÒÛÑ×È ÇÁÄÑËÈÕ ÓÁÈÈÕ-ÒÁÐÐÎÐÈÑÒÎÁ ÇÀ ÎÁÎ ÎÁÎ ÇÀËÎÆÎÈÈÀ?!

Журналисты на всех каналах израильского ТВ неуклюже объясняли, почему это было необходимо. Тут и знаменитый «моментум», и еврейская традиция выкупать заложников по любой цене, и заверения в том, что большого вреда отпущенные каннибалы принести не смогут, поскольку за ними будут бдительно следить и в случае нужды обезвредят. Народ Израиля оказался более разборчивым. Вообще-то статистика, собранная в день значимого происшествия, не рассматривается как индикатор чего бы то ни было. Эмоциональный фон в такие моменты зашкаливает и ответы редко бывают рациональными. В случае с Гиладом израильтяне удивили статистиков, сумев отделить зерна от плевел: около восьмидесяти процентов одобрили сам факт освобождения Шалита, но почти столько же посчитало совершенную сделку опасной и невыгодной, признав при этом, что глава правительства поступил правильно, согласившись на невыгодные условия.

Я не согласна с тем, что использование Востоком эмоциональной подкладки для прикрытия вполне рациональной и в большинстве случаев меркантильной политики создает нехватку стабильности. Уже много столетий Запад рассказывает эти сказки «Тысячи и одной ночи», уверяя себя, что их рассказывает ему Шахерезада. Однако оставим Запад! Примем как факт то обстоятельство, что политический момент и впрямь сложился уникальный. Власть шатается во всех арабских странах, как зубы в пораженной болезнью челюсти. Никому не понятно, что произойдет, когда этот политический пародонтоз закончится.

Например, главе «Хамас» Халеду Машалю стало неуютно в Сирии, и он перебрался в Египет. А Египтом нынче правит та же военная хунта, что правила до свержения Мубарака. И это правительство хочет доказать миру, что оно способно править и имеет право на американские финансовые дотации. Между тем, останется ли оно у власти, да и вообще, как сложится в дальнейшем общий баланс сил на Востоке, непонятно.

Египет, перенесший квазиреволюцию, продолжает бороться за гегемонию в регионе с той же волей к победе, что и мубараковский Египет. Иран попробовал было вырваться вперед, но его быстренько осадили. Нефтедобывающие эмираты не уступают позиции. Эрдогановская Турция попыталась засунуть ногу в щель, но оказалась прижата дверью и не была допущена в святая святых арабской мощи. Эрдоган решил использовать «моментум» иначе и полез в Ирак воевать против своих заклятых врагов — курдов. Кто решится его осадить в сложившихся обстоятельствах?

Короче говоря, арабская улично-интернетная революция, кем бы она ни была инициирована, не привела — пока! — к серьезным изменениям на политической карте региона. Зато привела к такому состоянию, при котором каждый купец пытается получить все, что можно, за скоропортящийся товар, потому что при иной конstellляции за него никто и гроша ломаного не даст.

Скажем, политический вес того же Халеда Машаля в Газе зависит от поддержки Асада, а останется ли Асад у власти — неизвестно. Меж тем многие в Газе рвутся к рычагам власти и, если Асад падет, — дорвутся. А Гилад Шалит был под их непосредственной опекой. Они Машаля в этом случае отодвинут, не моргнув глазом. Машалю выгодно решить судьбу Шалита в сей момент, если он хочет поиметь от этой сделки приличный дивиденд. Таким образом, условия сделки стали более приемлемыми для Израиля.

Теперь возьмем Нетаньяху. У него — свой «моментум». Десятилетиями он читал лекции и писал книги о том, что нельзя — ни в коем случае! — вести переговоры с террористами. Ну, лекции и книги — одно, а ближневосточная действительность — другое. Журналисты обгоняют друг друга в создании версий: почему Нетаньяху пошел на эту невероятную уступку террору?

Перечислю несколько догадок: глава правительства считал важным установить деловой контакт с новыми-старыми египетскими властями, взявшимися уладить дело; Нетаньяху, опытный политический деятель, почувствовал, что успешная сделка поднимет его собственный рейтинг ввиду высокого общественного интереса к освобождению Шалита; есть возможность того, что за сам факт заключения сделки Израиль получил какие-то бонусы от Белого дома и/или Европейского содружества (твердые данные на этот счет, разумеется, отсутствуют); подыграв «Хамас», Нетаньяху дестабилизировал положение Абу Мазена после демарша последнего в ООН, что нам, израильтянам, и полезно, и приятно; глава израильского правительства решил подыграть Египту, понизив рейтинг Эрдогана, рвавшегося в посредники по делу Шалита, в арабском мире, и, наконец, техническая сторона сделки создала приятную Белому дому позитивную атмосферу между Израилем и палестинцами. При этом Израилю не пришлось прибегать к политическим уступкам в палестино-израильских переговорах.

Этими посылами исчерпываются лишь наиболее весомые возможности. Предлагалось еще немало количество более простых и душевных объяснений. К примеру, журналисты настаивают на том, что новые главы спецслужб по-новому оценили вред, какой могут принести выпущенные боевики, и посчитали его не столь опасным. Иначе говоря, в тайных службах пересчитали количество оперативников и поняли: наши доблестные ребята с отпущенными беспредельщиками справятся без труда.

Как бы то ни было, расчет на потепление в отношениях между главой правительства и израильскими СМИ, если таковой и был со стороны людей премьер-министра, оказался верным. Жители страны вдруг получили возможность лицезреть премьер-министра в позитивном ракурсе, не хмурым и гримасничающим, а полным отцовской нежности по отношению к своему народу и его несчастному представителю, вернувшемуся из плена. Это, конечно, приятно премьер-министру, хотя, возможно, политически невыгодно: народ привык к тому, что израильские СМИ Нетаньяху ругают. И народу это то ли нравится, то ли по барабану, поскольку выборы Нетаньяху выигрывает. Однако в данной ситуации гораздо важнее иной вопрос.

Один из митингов за освобождение Гилада Шалита неподалеку от офиса премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Иерусалим.

21 декабря 2009 года

ΥΪΣΑΪΕΞΘΔΕΥΪ Ο ΞΕ Ϊ Ϊ ΑΪ ΑΪ Ο Α Ϊ Α Ϊ ΕΪ Ο Ξ Β Ο Ξ Ε Ϊ Α Ϊ Α Ν Ο Α Α Ϊ Ϊ Ο Ϊ Ϊ Ϊ Α Ϊ Ε Α Ϊ ?

Трудами СМИ и общественной организации по освобождению Шалита спасение израильского солдата из вражеского плена превратилось в спасение еврейского мальчика от рук антисемитов. А согласно еврейской традиции, нет твердой цены за спасение еврея от виселицы: принято собирать деньги по всему

миру и давать их столько, сколько тюремщик просит. Но должно ли еврейское государство поступать по законам галутного времени? И дозволительны ли те методы давления на общественное мнение, какими пользовались организаторы выкупа?

Вопрос не праздный, поскольку желание Израиля предупредить неприятные последствия сделки велико. Один из обсуждаемых способов понизить интерес террористических организаций к захвату заложников — принятие законопроекта, ограничивающего возможности властей в сделках с уплатой выкупа. Чтобы власти не могли соглашаться на особо невыгодные условия подобных сделок, тем самым поднимая цену за каждую новую, захваченную в плен, израильскую голову. Предлагается даже принять закон, определяющий амплитуду возможностей при сделках по выкупу заложников.

Правда, противники таких мер разводят руками: что и как именно ограничивать? И главное: можно подумать, что суд станет рассматривать подобные иски! Вот, пожалуйста: в деле Шалита семьи людей, погибших от рук отпускаемых террористов, подали апелляцию в Верховный суд Израиля и Высший суд справедливости (БАГАЦ), но тот даже рассматривать дело не стал, узнав, что от соблюдения сроков сделки напрямую зависит ее исполнение. И впрямь, если сделка должна совершиться утром следующего дня, какое значение имеет решение суда по этому вопросу через месяц или два?

Однако вернемся к вопросу о дозволенности манипуляций общественным сознанием в тех рамках и масштабах, какие позволили себе защитники Гилада Шалита. По всеобщему мнению, они перешли все границы, но, победив, оказались вне критики. Штаб действий распущен, нет организации — нет проблемы, занавес опущен. Меж тем занавес стоит приподнять не только ради прошлого и настоящего, но и ради более прозрачных, паритетных общественных отношений в будущем.

В ходе интервью по поводу освобождения Гилада Шалита руководители штаба его имени неохотно снабдили любопытствующих журналистов кое-какими, ранее закрытыми, данными. Выяснилось, что штаб организации по освобождению солдата состоял из примерно 50 принимающих решения и еще 1000 помощников по всей стране. Вопросы финансирования пятилетней кампании остались невыясненными. Трудно представить себе, что тысячи мелких и крупных акций в Израиле и за рубежом, включавших поездки по миру, пребывание в разных странах, массовые демонстрации с транспорантами, воздушными шарами, подарками участникам и т. п. были исключительно проявлениями доброй воли участников. А телефонные счета? А базисные расходы на музыку в репродукторах? А тысячи и тысячи одинаковых футболок с надписями? Трудно поверить, что это все оплатила семья солдата или его соседи.

Я готова допустить, что никто из упомянутой тысячи добровольцев не требовал возмещения материальных расходов, а также потерянных рабочих дней и потраченного нерабочего времени. И я вполне согласна с тем, что, пока Гилад находился в руках у террористов, любое расследование данного вопроса было неуместным. Но сейчас-то время пришло.

Спешно распущенный штаб должен дать обществу полный отчет о своей деятельности, и не только из фискальных или даже моральных соображений. Работа, выполненная организацией по освобождению Шалита, оказалась исключительно продуктивной. Подобная организация способна на многое. Хотя манипуляция общественным мнением и есть основа демократической системы, деятельности манипуляционных организаций необходимо положить пределы. В США и развитых европейских странах они установлены. У нас — нет. И прежде чем утверждать невероятные законы, ограничивающие свободу властей в принятии судьбоносных решений, хорошо было бы подумать о законах, кладущих предел манипуляциям общественным сознанием.

Предполагается, что в демократической стране решения принимаются гражданами свободно, что все факторы, способные оказывать давление, находятся под общественным контролем. Мне трудно представить себе код действий лабильного израильского конгломерата под названием «общественный контроль». В западных странах говорят не о мифическом «общественном контроле», а о системе связей и растяжек, то есть о сложной системе, старающейся установить и сохранять равновесие между основными политическими силами в государстве. Для нормального функционирования этой системы потребовались законодательные и распорядительные акты под эгидой государства, и они были приняты. Правящей ныне Израилем власти тоже хорошо бы озаботиться упорядочением системы общественного контроля за организациями, манипулирующими общественным сознанием. Это не нарушение демократии, но ее укоренение. Если, конечно, мы не стоим на позиции, утверждающей материнский статус анархии относительно государственного и общественного порядка. Однако немалую часть высказанной претензии можно отнести и на счет израильских СМИ.

СМИ и концепция всеобщего благоденствия

Каждый представитель политической партии и определенной идеологии всегда уравнивается в телепередаче или газетной перепалке своим если не антиподом, то идеологическим или социальным противником. Относительно качества этого представительства вопрос остается открытым, поскольку оно не обсуждается. В демократическом обществе каждый сектор должен сам побеспокоиться о полноценном представителе.

Вместе с тем появление так называемого «бибитона», бесплатно раздаваемой газеты, поддерживающей правительство и добившейся самых высоких в стране тиражей, свело на нет большинство претензий по поводу неравноценного представительства правых и левых. Возможно, именно этой газете под названием «Израэль а-йом» («Израиль сегодня») мы и обязаны той взвешенной точкой зрения израильской общественности, которая была отмечена статистиками. Кроме того, многие солидные журналисты сбросили прежний нейтральный прикид и совсем не стесняются высказать вслух свою искреннюю точку зрения. Так что «право-лево» потеряло былую остроту.

Гораздо более влиятельным фактором является равнение наших СМИ на «прогрессивное мировое общественное мнение», выраженное политически корректным языком. В США и развитых европейских странах на протяжении последнего десятилетия влияние этой формы тоталитарного либерализма непрерывно уменьшается, но в Израиле оно еще сильно. Старый американский анекдот так описывает несуразность политически корректного кредо: «Я же не безногая пожилая негритянка без образования и с пятью детьми, чтобы посягать на столь шикарную должность».

Итак, что говорит либеральный «пи-си» (политически корректный язык) по интересующему нас вопросу?

В первую очередь он требует от израильтян любить палестинцев больше самих себя и признавать все их требования легитимными. Во-вторых, «пи-си» ненавидит любую власть, считая все ее действия лишены смысла и моральной основы. В-третьих, «пи-си» не терпит возражений и конкурирующей лексики.

Согласно «пи-си», получается, что израильский солдат как агрессор был похищен и спрятан в Газе вполне закономерно. Более того, несмотря на то, что этот солдат был недоступен не только родителям, но и Красному Кресту, что его жизнь находилась в постоянной опасности, а несвобода была более тотальной, чем несвобода последнего раба в самые дикие годы рабства, его участь считается абсолютно параллельной участи сидящих в израильских тюрьмах палестинских боевиков-террористов, устраивающих забастовки по поводу качества матрацев и величины телевизора в камере. Из подобного уравнения следует одно: во всех злоключениях Шалита виновно правительство Израиля, не желающее подчиниться коду «пи-си». Поэтому и требовать освобождения Гилада следует не у палестинцев, а у правительства Израиля. Причем требовать категорически, не принимая во внимание ни интересы страны, ни точку зрения родственников жертв террора или людей, от него пострадавших. Что и было основой идеологии движения в защиту Гилада на протяжении пяти лет, которому многие израильские СМИ помогали добровольно, охотно и безоглядно.

Израильские журналисты сегодня выражают сожаление по этому поводу и пытаются заставить своих коллег взглянуть на сложившуюся ситуацию непредвзято. Во всяком случае, прежнего единомыслия по данному вопросу уже не существует, и создание новой пропагандистской машины по типу кампании в защиту Гилада Шалита не представляется возможным.

Тут возникает еще один вопрос.

ΕΑΕ Α ΥΟΙ Ι ΝΕΟΧΑΑ Ι ΤΙΣΕΘΕΙ Τ ΕΒΙΑΑΙ Α Ι ΑΥΕΙ Α ΑΥΟΙ ΑΘΑΑ ΕΣΑΥΑΘΑΑΙ ΝΝΝΒ?

Достоверной статистики на этот счет нет. Впрочем, даже создать достаточно репрезентативную группу представителей такой общины и то сложно. Но некоторые индикаторы все же существуют. Во-первых, израильское политологическое мнение год за годом относит выходцев из бывшего СССР к правому лагерю. Во-вторых, «русских» считают эмоционально более радикальными.

Полагаю, что мои соотечественники просто более прагматичны, чем средние израильтяне, поскольку язык тоталитарной пропаганды ими легко преодолевается в силу исторического опыта.

Немаловажно и то, что «русские» пострадали от террора в пропорциональном отношении особо тяжело, поскольку в период самых тяжелых терактов именно они ездили на автобусах, развлекались в сравнительно доступных и хуже охраняемых заведениях, вроде «Дельфинариума», работали охранниками и т. д., то есть оказывались на самой фронтальной линии относительно палестинских смертников, искавших легкой добычи.

Тем не менее, несмотря на «правизну», независимо от тона русскоязычных СМИ, резко отличающегося от общеизраильского, и всего указанного выше, настрой и мнение опрошенных израильскими СМИ «русских» жертв терактов и их родственников полностью соответствовал общеизраильскому. Суммируя эти высказывания, можно предложить некую общую для всех формулу: «Освободить парня было необходимо, но следовало интенсивнее искать способы не платить столь чрезмерную цену».

И кто же с этим не согласится?

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

ШАБТАЙ ЦВИ: КАББАЛИСТ И ЛЖЕМЕССИЯ

אֲמִינֵנוּ אֲמִינֵנוּ אֲבֹתֵנוּ עִי אֵי אֵינָא

**יְאֵ אֲבֹתֵנוּ אֵי יְדִינָא יְוֹאֵ אֲפֹ: עִי יְנֹאֵי וְעִי
אֲוִדֵי עֲנֹדֵי אֵ, יְעֹאֵעֵ עֲבֹאֵוִי אֵ, אֵאֵי עֹאֵי עֲדֵי,**

יְאֵ אֲוִאֵי בֵאֵי יְ

На протяжении многих веков Учителя Жизни, философы и мистики, видели несомненные признаки того, что человеческая история вступила в конечную фазу «темной эпохи». Апокалипсиса не следует ждать, он уже наступил. «Люди отвернулись от Великого Пути древности, и возникла большая ложь». Все поменялось: смысл жизни, глагол, мерило, знак, символ, суждение... Само собой разумеется, на сломе эпох человечество более, чем когда-либо, ожидало прихода Спасителя. «Спаситель» Шабтай Цви, известный также как Амира, или Мехмет Эфенди, один из самых известных еврейских лжемессий, лидер массового движения XVII века, охватившего почти все еврейские общины, родился в Османской империи в 1626 году, скончался в Черногории в 1676-м. С его смертью саббатианское движение не прекратилось, последователи продолжали проповедь о близком пришествии Мессии. Существует даже мнение, что движение Шабтая Цви в какой-то степени способствовало появлению хасидизма. Куда же нам записать «Машиаха» — в отъявленные негодяи или жалкие безумцы?

עַיִן נֹאֵי דְעַיִן אֲוִבִי עֵנֹבִיא До нас дошло на редкость много аутентичных сообщений об истории Шабтая и его движения, причем источники эти принадлежат как «верующим» (его сторонникам-евреям), так и «сомневающимся», а кроме того, возможно, наиболее точные и ценные сведения содержатся в записях и переписке христиан, бывших свидетелями этих событий и даже принимавших в них участие. Таким образом, у нас есть десятки текстов на иврите, идише, голландском, немецком, итальянском и других языках, которые буквально по дням документируют происходившее и позволяют нам, путем сопоставления, получить достоверную картину. Проводить какие-либо параллели между историей Шабтая и историей Иисуса я бы не стал — совершенно иная эпоха, иные обстоятельства, — хотя, впрочем, столетием позже, в середине XVIII века, их «миссии» сопоставлял другой еврейский «мессия» — Яков Франк.

אי Какую роль в жизни лжемессии сыграли его третья жена Сара Ашкеназка и «главный секретарь царя Машиаха» Натан из Газы?

עא Натан не был «секретарем» Шабтая: он никогда не сопровождал его в поездках, а жил в Газе и писал послания и трактаты, объясняющие миссию того, в ком он узнал Мессию. А Шабтай не был его учителем. Собственно говоря, Шабтай прибыл к Натану как к врачу-лечебнику-чудотворцу, стремясь исцелиться от своего душевного недуга. Однако Натан, еще до знакомства с Шабтаем увидевший его в мистическом экстазе в облике Царя-Мессии, убедил пациента в его мессианском призвании и стал главным теоретиком и защитником нового движения — в том числе и после вероотступничества Шабтая. Мнение о Натане как о злом гении Шабтая, который якобы был темным, ограниченным и легко внушаемым человеком, видится мне ошибочным: оба они были яркими и сильными личностями и удачно дополняли друг друга. Что касается Сары, эксцентричной барышни с сомнительной репутацией блудницы и чародейки... Действительно, их брак (заклученный, кстати, еще до «открытия» мессианства Шабтая) часто рассматривался как мистический. Вероятно, Шабтай уподоблял себя пророку Ошеа (Ошеа, 1:2: «И сказал Господь Ошеа: Иди, возьми себе жену блудницу...»), а антиномичное поведение в сексуальной сфере считал необходимым элементом процесса тикунa (исправления мироздания).

אי Есть ли в мистицизме, конкретно в каббале, оправдание убийству, тому террору, к которому прибегал Шабтай Цви, убирая своих противников?

עא Представление о Шабтае — убийце и стороннике террора, по моему мнению, является клеветой, так как не основано ни на каких фактах. Обычно ссылаются на бурные события декабрьских (ханукальных) дней 1665 года в Смирне, родном городе Шабтая, когда он выступил с открытой проповедью своего мессианства в городских синагогах. Проповедь эта привела в чрезвычайное возбуждение весь город, причем не только евреев, но и турок и европейцев. Некоторые члены общины и ее духовные лидеры вначале выразили сомнение в подлинности мессианства Шабтая, что, в свою очередь, вызвало агрессивную реакцию со стороны его самого и его сторонников. Особенно резко высказывался против Шабтая богатый и влиятельный торговец Хаим Пеня, которому пришлось даже из соображений безопасности бежать в субботу из синагоги, в которую пришел со своими сторонниками Шабтай. С легкой руки писателя и политика Ш.-З. Рубашова (будущего третьего президента Государства Израиль), в начале XX века писавшего о саббатизме, было объявлено, что по приказу Шабтая Пеня был тогда убит. Однако это совершенно не соответствует действительности: он не только не погиб, но вскоре стал ревностным сторонником своего недавнего врага и был даже назначен им одним из «царей» Израиля, а дочери его пророчествовали о пришествии Мессии-Шабтая. Никаких других свидетельств о попытках Шабтая физически расправиться с противниками не существует. Вряд ли ему вообще было это нужно: он был фантастически талантливым проповедником, умевшим не только увлечь за собой толпы простолюдинов, но и убедить выдающихся ученых раввинов и знатоков традиции.

אי Существует несколько версий принятия ислама Шабтаем. Одни полагают, что он был вынужден принять ислам. Однако существует версия, что он и не принимал ислама вовсе, до конца своей жизни оставаясь иудеем.

עא Думаю, во всех этих версиях есть доля истины: после того как Нехемья Коэн из Львова донес на него турецким властям, Шабтаю и его последователям угрожала смерть. Став Азизом Мехметом Эфенди, Шабтай, безусловно, спас и себя, и своих приближенных. Однако он не перестал верить в свою миссию, полагая, что акт «мистического отступничества» является необходимым этапом его мессианского пути. После этого события в саббатизме началась новая фаза, кстати породившая богатую литературу, в которой мессианские идеи переплетались с оригинальной версией каббалистического учения. Сам по себе акт перехода иудея в ислам не требовал никакой сложной процедуры, но открывал возможности для осуществления «тикунa» изнутри этой религии (примерно тогда же Натан, переодевшись христианином, прибыл в Рим, чтобы у стен Ватикана совершить определенные ритуалы практической каббалы). Это была

אי Как повлияли погромы Хмельницкого на судьбу «мессианского искупителя» и на всех тех, кто верил в скорый приход Машиаха?

י עוֹאֵרֵי עֲדָאִוִיָא Суждения об исторических событиях, особенно об их взаимосвязи и последствиях, требуют неимоверной дерзости и самоуверенности, поскольку на этом попроще открывается большой простор для логических спекуляций и шарлатанства. Прошу отнестись соответствующим образом к моим рассуждениям. Представляется очевидным, что погромы на Украине действительно оказали влияние на саббатинское движение, особенно в первоначальный период его становления. Самым существенным было то, что они стали убедительным в глазах еврейского мира фоном, на котором разворачивалась мистерия саббатинского искупления. 1648 год был годом, в котором, согласно пророчеству «Зоара», ожидали пришествия Мессии, и страшные события на Украине были истолкованы евреями как так называемые «хевлей Машиах» (муки, сопровождающие приход Мессии), которые, как известно из Талмуда и мидрашей, должны предшествовать окончательному освобождению из изгнания. Трудно с определенностью утверждать, но вполне вероятно, что те мистические откровения, которые независимо друг от друга испытали в 1648 году Шабтай Цви и его будущий пророк Натан из Газы, были в какой-то степени вызваны ужасными слухами, пришедшими с Украины. Именно тогда Шабтай узнал о своей великой миссии, а Натан — о грядущем избавлении. Имеются достоверные свидетельства о том, что в сознании евреев того времени «наказание Хмельницким» и мессианство Шабтая тесно переплелись друг с другом, стали как бы двумя сторонами одного великого процесса мессианского искупления. Кстати, можно отметить, что связь между этими явлениями была настолько тесной, что сказалась даже на личной судьбе Шабтая. Я имею в виду его женитьбу, которая произошла совсем незадолго до того, как он публично объявил себя Мессией. Он взял за себя девушку по имени Сара, история жизни которой просится стать сюжетом душещипательного исторического романа. Потеряв во время погромов 1648 года обоих родителей, Сара в семилетнем возрасте оказалась в католическом монастыре, откуда, не желая принимать христианство, вскоре бежала. Она долго скиталась по еврейским общинам Европы, некоторое время жила в Амстердаме, а оттуда переселилась в Италию. Во время своих скитаний она пришла к убеждению, что ей суждено стать женой Мессии, и поэтому, когда в Италии до нее дошли слухи о Шабтае, она отправилась в Каир, где Шабтай тогда находился. На Шабтая ее судьба произвела неизгладимое впечатление, и он женился на ней.

אי Что за движение организовал Яков Франк? Был ли он подлинным преемником Шабтая Цви?

י ע Яков Франк – один из религиозных шарлатанов. Он полная противоположность Шабтаю. У него нет ни благородства, ни возвышенности, ни искренности своего предшественника. В отличие от Шабтая, он убежденный профан в еврейской религии, чем без зазрения совести хвастается (с гордостью называя сам себя «ам а-арец» – «невежда»). Был он купцом, торговал на Украине и в Валахии, ездил по делам в Турцию, там, в Салониках, познакомился с дёнме, от них-то и воспринял начатки своего учения. Объявил себя воплощением души Машиаха (сперва обитавшей в Шабтае, потом переселившейся в Барухию Руссо, главу секты дёнме в Салониках, который к тому времени уже благополучно умер, а в конце концов воплотившейся в нем, Якове). Прибывшись к турецким саббатинцам, он стал претендовать на роль главы секты, но был отвергнут, после чего вернулся на Украину, где открыл собственное религиозное предприятие, организовав секту, в которую набрал клеветников из скрытых саббатинцев и другого сброда. По своему характеру он был прежде всего политическим авантюристом, и поэтому постоянно модифицировал свои теории, приспособляя их к текущему моменту и к практике. Взяв курс на переход в католицизм, он разработал теорию троичного божества (все в каббалистических терминах), а также стал называть Шхину «девой» и «девственницей», себя же провозглашал «посланником Великого Брата» и его воплощением. Устроил публичные диспуты с евреями, после первого из которых сжигали Талмуд, а на втором он обвинял евреев в ритуальном употреблении христианской крови. Перешел со всей своей сворой в католицизм, хотел перейти еще и в православие, попавшись в руки русским, но попы пренебрегли им. Всю свою жизнь занимался политическими махинациями, заигрывая с разными августейшими особами. Окончил свою жизнь в Оффенбахе в собственном замке в полном ничтожестве, хотя уже был бароном, купив или выпросив титул у императора. Существуют свидетельства, что часть его религиозной практики составляли сексуальные оргии и кровосмешение. Это традиционные обвинения, таким образом часто пытаются принизить религиозных противников. Обычно подобные свидетельства не следует воспринимать всерьез, но в данном случае возникает большой соблазн поверить, уж о больно гадкой и пакостной личности идет речь.

אי Многие историки полагают, что, не будь Шабтая Цви и Натана из Газы, не было бы сионизма, его столпов и, как следствие, Государства Израиль.

י ע Мне приходилось сталкиваться с таким мнением. Хотелось бы, однако, где-нибудь увидеть детальное обоснование этого тезиса, подкрепленное реальным историческим материалом. Думаю, что столь

же весомым может быть мнение, согласно которому вещи видятся совсем иначе: опыт мессианских взрывов Нового времени отсрочил появление сионистского движения, а когда это движение в конце концов возникло, именно память о саббатизме породила в еврейской среде активное сопротивление сионизму. Известно ведь, что борьба с саббатизмом вызвала своего рода идиосинкразию на все, что хоть как-то отдает мессианством, у большинства еврейских религиозных лидеров, здесь же источник сухого и сдержанного отношения хасидизма к мессианской практике. А уж влияние на сионизм франкизма должно быть сугубо отрицательным. Франк был принципиальным «антисионистом», и одна из его важнейших максим звучит так: «Мессия никогда не придет, а Иерусалим никогда не будет отстроен». Поэтому сомнительно, что сионизм и его идеология хоть в какой-то степени являются эхом саббатизмских бурь.

АИ В 1990-х годах были попытки призвать израильские религиозные власти признать дёнме евреями и позволить им эмигрировать в Израиль. Могут ли они возобновиться в связи с обострением отношений между Турцией и Израилем?

ИЕЯ Профан в политике, и мне недостает элементарной информации, чтобы обдумать этот вопрос. Что, этих дёнме сохранилось представительное количество, дабы заводить разговор об их повальном, а не личном присоединении к еврейству? Их столько же, сколько караимов или хотя бы самаритян? Их преследуют в Турции и поэтому возникла серьезная необходимость их спасти? Насколько они сами осознают себя евреями и хотят раствориться в еврейском народе? Или это очередной идеологический выкрутас, поиск потерянных колен, кто-то делает на этом себе политический капитал?

×АЕІААЕ ІНІАІАІ НЕЕААА ОІ А

ААІ ОАІЕДИ,

АНОІЕІААІ

АИ Правда, что за спиной Ататюрка стояли саббатизмцы, что они оказывали колоссальное влияние на младотурок? Наверное, не зря до сих пор правоверные мусульмане клеймят турецкую революцию «саббатизмской»?

ААІ ОАІЕДИ Нет, за спиной Ататюрка они не стояли, но очень многие саббатизмцы были в первых рядах революции, действительно среди его ближайшего окружения и инструктировали его. Дело в том, что Мустафа Кемаль родился в Салониках. Учился в школе, где большинство учеников были саббатизмцами. В этом городе большинство мусульманского населения составляли именно они. Мустафа Кемаль относился к меньшинству мусульманского населения города. Его в какой-то степени можно было бы сравнить с неевреем из Одессы. Я имею в виду еврейский характер Салоник.

АИ Как вы относитесь к предположению ряда исследователей саббатизмства, среди которых такие, как Эли Шай и Гершом Шолем, что жизнь и судьба одной из самых загадочных личностей в истории еврейства покоится, скажем, на нездоровых сексуальных отношениях? Что вообще секс стал основой для деятельности секты Шабтая Цви?

АЮ Да, так оно и есть.

АИ Существует мнение, что отец Шабтая разбогател не без помощи христианских общин.

АЮ Дело происходило в Измире. Измир молодости Шабтая Цви был городом, через который бойко шла английская и голландская торговля. Так что каждый способный человек имел шанс разбогатеть.

АИ Кем был сам «Машиах» — отступником, преступником, негодяем или безумцем? Случались ли подобные казусы в других религиях, можно ли проводить аналогии?

АЮ Была милленаристская эпоха, когда Европа и даже часть стран Востока были охвачены милленаризмом, случались схожие истории и в Османской империи. Назвать Шабтая Цви безумцем и негодяем трудно, потому что это был человек особого склада ума. Крайний мистик, который совершал антиномические поступки, далеко выходящие за рамки религиозных законов и общественных соглашений.

Ó×ÁÍ ÈÁ ÕÁÑÈÁÈÇÌ À ÑÒÌ ÈÒ Í À ÕÁÕ ÁÁ ÈÁÁÁÁÈÈÑÒÈ×ÁÑÈÈÕ ÍÑÌ ÍÁÁÍ ÈÕ

Ì áí áááí Bãñí.

éééúóóééá éñéáááááóáéúááéééééé é éñóééé, íááááá-éé

אי Когда и где гонимого мистика, прославившегося (и ославленного) в первую очередь своими странностями, стали считать Машиахом, Царем Израиля?

יאיאוי באי Утверждение мессианской роли Шабтая — длительный процесс, не последнюю роль в котором сыграли его «странности». Начало этому процессу было положено, по видимому, в Смирне в 1648 году. Именно в 1648 (5408) году, который, по мнению многих каббалистов, должен был стать годом Избавления, но принес лишь погромы Хмельницкого, Шабтай Цви не только задумывается о своем мессианском предназначении, но и начинает публично совершать «странные» или «чуждые» действия. Нарушает алахические запреты, во всеулышание произносит непроизносимое Имя — Тетраграмматон, устраивает церемонию «брака с Торой», в результате чего подвергается изгнанию и отправляется в многолетнее странствие по различным еврейским общинам. Десять лет спустя нечто подобное происходит в Константинополе: окруженный почитателями, он произносит страшное благословение: «...разрешающий запреты» (на иврите матир исурим, вместо традиционного матир асурим, «освобождающему узников»), в течение одной недели празднует все три паломнических праздника — Песах, Шавуот и Суккот, в результате чего отправляется в очередное изгнание. Следующий этап наступает несколько лет спустя, в Каире, где Шабтай Цви, чьим поклонником к тому времени стал глава еврейской общины Египта, челеби Рефаэль Гин, проводит несколько лет, окруженный всеобщим почитанием и, уже не скрываясь, говорит о своей мессианской сущности. В 1664 году он торжественно вступает в брак с девушкой Сарой. Несмотря на все это, Шабтай, склонный к глубочайшим депрессиям, продолжает сомневаться в своей мессианской роли и в начале 1665 года приходит к молодому, но уже прославленному каббалисту Натану из Газы. С их встречи и начинается история саббатинского движения.

אי Как исключительный аскетизм Шабтая Цви, «свадьба с Торой» и преданность иудаизму сочетались с систематическим нарушением религиозного закона и даже призывами к его отмене?

יב Шац (аббревиатура слов «Шабтай Цви», так его принято называть в еврейской литературе), нарушая закон, верил, что тем самым исполняет Тору, ту самую истинную Тору, которая может и должна раскрыться в мессианскую эру. В еврейских классических источниках встречаются концепты, которые можно истолковать как обоснование этой веры: «заповедь, происходящая из греха», «иногда отмена Торы — это ее исполнение» и др. Вкратце, саббатинская идея «священного греха» исходит из каббалистического учения об изначальной незавершенности, ущербности тварного мира, в котором силы добра, «искры Б-жественного света» частично пребывают в плену у сил зла, «скорлуп» — клипот. Для того чтобы завершить Творение, исправить мироздание в целом, необходимо освободить Б-жественные искры из плена. Шац и его последователи учили, что, спустившись посредством греховных действий в бездну мрака, Машиах должен освободить плененные там искры и, таким образом, реализовать изначальную цель Творения. Разрешая запретное и устанавливая новые законы, Шабтай Цви основывался и на идее, присутствующей в литературе агады, — о том, что Б-жественная Тора, предшествующая Творению, представляет собой определенный набор букв, который в различных духовных мирах и в разные эпохи складывается в разные сочетания. Таким образом, Тора Машиаха может кардинально отличаться от Торы предшествующих эпох, оставаясь по сути той же вечной и неизменной Б-жественной книгой.

אי Как могло случиться, что почтенные и влиятельные раввины и старинные еврейские общины Востока и Запада не захотели или не смогли оказать сопротивления саббатинству и его экспансивному основателю?

יב Тому есть несколько причин. В первую очередь исторические катаклизмы того времени способствовали напряженному ожиданию Избавления, которое, согласно множеству пророчеств и вычислений, должно было наступить именно в те годы. Существенно, что прихода (или второго пришествия) Мессии в ту эпоху ожидали не только евреи, но и христиане и даже мусульмане. Не меньшую роль играла привлекательность нового учения, которое, как отмечал Гершом Шолем, давало своим последователям ощущение подлинной духовной свободы, и обаяние личности самого Шабтая, подробно описанное современниками. Наконец, важной причиной был страх перед еврейскими массами, которые страстно желали Избавления здесь и сейчас и были готовы физически расправиться с противниками Машиаха.

אי Исследователи считают, что во второй половине XVIII века саббатинское движение способствовало появлению хасидизма. Так ли это?

יב Не только исследователи. Хасидские учителя считали так же, они нередко говорили о том, что учение Бешта представляет собой лекарство от тяжелой болезни еврейского народа, вызванной возвышением Шаца и его падением. В «Хвалах Бешту» приводится даже рассказ о том, как Бааль-Шем-Тов

попытался «исправить» душу Шабтая Цви, вывести ее из адской бездны, но потерпел поражение. (Примечательно, что в саббатианских текстах рассказывается о том, как Шац пытался спасти душу «того человека» — Иисуса, но также не преуспел.) Учение хасидизма зиждется на тех же каббалистических основаниях, что и саббатианство, не случайно противники хасидизма, даже Виленский гаон, обвиняли хасидов в приверженности этой ереси. Более того, антиномические идеи ряда хасидских школ во многом напоминают или даже повторяют идеи саббатианства, правда, речь в этом случае идет не о преемственности, а о схожих выводах, сделанных из общих источников. Принципиальное отличие хасидизма состоит в том, что хасиды поставили для себя жесткие границы: даже самые радикальные идеи ни в коем случае не предполагали нарушения закона и, более того, в практическом плане приводили лишь к устроению алахи. Именно поэтому хасидизм не только не вышел за рамки традиционного иудаизма, но и с течением времени стал его важнейшей частью.

Соединить то, что «для евреев скандально, а для греков безумно», стало смыслом его бурной жизни, которую можно было бы назвать анатомией заблуждения. Его качающийся на волнах метафизики энтузиазм был сродни тому, из чего рождается высокое искусство, музыка, любовь, быть может, даже истинное мышление, — но не Окончательное спасение, в которое верили и которого ждали сотни и десятки тысяч его последователей. «Виноград и вино не покрывают друг друга», а подлинная религия — талант, который живет в человеке. Быть может, именно это и имел в виду Бааль-Шем-Тов, говоря о Шабтае Цви: «Искра Б-жия была в нем, но сатана поймал его в ловушку гордыни».

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

ФОРУМ

אַאַאַיַ עַעַ עַאַאַַעַיַ:

נְעִי אֶאֶוֹ אִי דָא - עֲנִי דְבַב יְדָא אִי עַעַ אִי דִּוּ עַאַ עֲנִי דְבַב אִי דִּוּ

2009.10

אַאַאַַעַיַ אַדַּ עִיַעַעַיַ, [facebook.com](https://www.facebook.com) У автора крайне странное представление об отношении советских властей к Симхат Тора. Никто не разрешал, — напротив, разгоняли, избивали, арестовывали и исключали.

SHTYKINA EVGENIYA, [facebook.com](https://www.facebook.com) Не преувеличивайте, пожалуйста, Александр. И не разгоняли, и не избивали, и даже не исключали. Во всяком случае, в Ленинграде. Я не идеализирую ни этот город, ни эти годы, но чего не было, того не было. Говорю открыто — и подписываюсь под своими словами. Я каждый год ходила на Симхат Тора, начиная с 1979-го. И веселились, и плясали, и знакомились! И продолжали учиться, потом работать, потом многие уехали, а мы по-прежнему здесь. По-прежнему не разгоняют, не избивают и, честное слово, не арестовывают. На всякий случай добавлю: не сглазить бы...

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

БИБЛИОТЕКА

Àëàèíàí àð Èëè-àííèé

Со времен Иосифа Флавия еврейская литература знала только короткий средневековый период возрождения, и потому столь значителен и уникален ее ренессанс в веке двадцатом. Не слишком благодарное занятие ожидать появления в ней новых Сервантесов и Шекспиров. Но еврейская литература поражает своей нарастающей мощью. С начала XX века она набирает обороты: от Шолом-Алейхема до нобелевских лауреатов — Зингера, Агнона, Беллоу. Работающие в ее русле писатели пишут на разных языках, но трудно переоценить совершаемую ими работу по возвращению искр в развивающееся культурное пространство новой страны и восставшего из могилы забвения народа. Шум времени обостряет восприятие.

«Библиотека» — важная часть пространства журнала, предназначенная для раскрытия еврейской художественной мысли и новейших опытов в изящной словесности. Мы публиковали и роман канадского писателя Мордехая Рихлера, и рассказы русских прозаиков — Асара Эппеля, Некода Зингера, Юлии Винер. Из детской литературы — наравне со стихами Кади Молодовской и рассказами Ури Орбаха — в «Библиотеке» интересны опыты разностороннего литератора Михаила Горелика.

«Библиотека» пространна и разнообразна, как большой книжный шкаф. Взятые с его «полки», в журнале из номера в номер печатаются брошюрованное литературное приложение — эпически объемный и повествовательно сжатый роман Исроэла-Иешуа Зингера, старшего брата нобелевского лауреата Исаака Башевиса.

И немаловажная рубрика отдана художественным материалам, присланным в редакцию. Пронзительный рассказ Рены Яловецкой о карлице Славке и небольшой трогательный рассказ Израиля Мазуса о мальчике-врунишке, во время войны сочинявшем о себе хлеба ради жалостливые истории, были напечатаны в прошедшем году.

Русский язык в двадцать первом веке прекрасно выражает еврейскую мысль. Подтверждением тому является и неизбежность перевода на русский как классических текстов, так и художественных. Взаимное обогащение смыслами важно для обеих культур. И еврейская, и русская словесности используют общую энергию, выделяемую при переводах, для развития в русле мировой культуры. Для читающих по-русски в последние десятилетия вопросы национальной самоидентификации теряют остроту, в то время как приобретают большую актуальность экзистенциальные проблемы творческого и становящегося сознания, которое находится в современном объединяющемся мире. Это явление требует как исследования, так и поощрения. «Библиотека» по мере возможностей исполняет эту функцию.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

ХОЛОКОСТ И ПОСЛЕ ХОЛОКОСТА

перевезти в лагерь уничтожения: они умерли от недоедания и болезней. «В то время когда евреи в Терезине, — сказал Геббельс, — посиживают в кафе, попивают кофе, лакомятся пирожными и танцуют, нашим солдатам, защищающим отечество, приходится нести все тяготы войны, терпеть бедствия и лишения».

В Яновском концлагере близ Львова еще до того, как заработали газовые камеры, что ни день расстреливали евреев, построив их на краю вырытых ими же братских могил. Позже, когда военная удача изменила Германии, эсэсовцы предусмотрительно раскопали могилы и сожгли улики. Леон Уэллс — его заставили разрывать могилы в составе одной из похоронных бригад — в своей книге «Дорога на Яновский» пишет, что вытаскивать тела крючьями приходилось с большой осторожностью: они настолько разложились, что то и дело распадались надвое. Затем трупы складывали пирамидами по две тысячи в каждой и сжигали. Кости, не поддавшиеся огню, пропускали через дробилку. После чего другой отряд — немцы в шутку прозвали его die Goldsuchern von Alaska^[3] — просеивал пепел в поисках золота.

Я мог бы длить и длить этот перечень злодеяний: ему нет конца и даже спустя столько лет в него невозможно поверить, однако, когда оглядываешься назад, задаешься другими вопросами. Встает, к примеру, вопрос о Хороших Немцах. К 1966 году, спустя всего лишь два десятка лет после Холокоста, откуда ни возьмись объявился Хороший Немец. Бравые генералы — они или участвовали в заговоре против Гитлера в 1944-м, или так преклонялись перед культурой, что просто не решились разрушить Париж, — не замедлили заполнить экраны наших кинотеатров. Не забыты и лихие luftwaffe^[4] — они во время битвы за Англию были неизменно безупречны, и рыцарственные капитаны подводных лодок — они, подорвав вражеское судно, неизменно всплывали на поверхность и подбирали уцелевших. И вот что примечательно: этих молодчаг, а играли их такие актеры, как Марлон Брандо, Курд Юргенс^[5] и Питер О'Тул, роднит одно — все они антифашисты. По правде говоря, глядя из нашего беспристрастного далека, просто-таки диву даешься, каким образом, если в немецких вооруженных силах служило столько антифашистов, гитлеровцы ухитрились для начала прийти к власти — удержать ее — вести войну — и лишь чудом не выиграть ее. Тем не менее не могу не признать, что в этих вымышленных немцев можно поверить, а в тех — их было много — реальных, которые знали о концлагерях, и в тех — их было поменьше, — которые в них работали, поверить невозможно.

Даже фотографиям Варшавского гетто в «Побори смерть, Память»^[6] я верю с трудом. Немецкие солдаты — наглые бугаи, каждый с ружьем наизготове, — ведут изнуренных оборвашек школьного возраста к железнодорожному вагону, который увезет их в газовую камеру. Куда их повезут, дети не знают. Они поют.

На другой фотографии немецкие солдаты, ухмыляясь до ушей, измываются над бородатыми евреями. Там же запечатлены и замерзшие трупы неимоверно изможденных евреев, валяющиеся на мостовой. Все это уму непостижимо. Куда проще — тут и на собственный жизненный опыт можно опереться — сопоставить себя с неколебимым сыном Эйхмана, заявившим журналистам: «Я от своего отца не отрекусь», чем с теми евреями с раздутыми животами и вытаращенными от ужаса глазами. И кстати, раз уж о том зашла речь, почему они не сопротивлялись?

Удивление вызывает другое: как много евреев сопротивлялось. К тому времени, когда евреев стали свозить в лагерь смерти, они были так подорваны телесно и духовно, их так откровенно предал и отверг весь мир (собратья интернационалисты-социалисты, Папа, Англия, Америка), что смерть, должно быть, виделась им избавлением. Нельзя забывать и о том, что еще до войны многие из наиболее прозорливых немецких и польских евреев, ясно видя, какая опасность надвигается, уехали — кто в Палестину, кто в Англию, кто в Америку, — поэтому, когда началась война и евреев стали сгонять в гетто, среди них почти не оказалось тех, кто по праву мог бы их возглавить. Те же, кто их возглавлял, — а тех был излишек, — вели себя, как уже заметили Хаим Каплан и Ханна Арендт^[7], низко. И все же евреи сопротивлялись, однако подавить их было легче легкого, к тому же мало кого из мировых лидеров заботило, как обходятся со «своими» евреями немцы, что тех и удивляло, и развязывало им руки.

Если еврей в Варшавском гетто решался ответить немецкому солдату ударом на удар, а то и застрелить его, а такой случай занес в свой дневник Каплан уже в начале оккупации, на следующее же утро устраивали облаву, и сто не причастных человек, включая женщин и детей, всячески мучили и убивали. Если еврею удавалось убежать из концлагеря — так двое бежали из Яновского, — в отместку убивали его и не только его семью. Вместе с тем, едва стало очевидно, что убьют всех без исключения, евреи подняли сопротивление в Варшаве и много где еще.

И до чего ж это было трудно, невысказанно трудно. Еврейским партизанам — в отличие от французских или итальянских — население не благоволило и поддержки им не оказывало. Напротив.

Героям Варшавского гетто польское подполье кое-чем помогало — подкидывало винтовки и боеприпасы, но тем, кто убегал из гетто в лес и сколачивал там партизанские отряды, приходилось отбиваться не только от немцев. С одной стороны их выслеживали польские партизаны-антисемиты, с другой — украинские партизаны-фашисты.

Так что не надо спрашивать, почему сопротивление было малочисленным. Надо спросить как Хаим Каплан в «Скрижалях агонии» 12 апреля 1940 года: «Отомстит ли мир за невинно пролитую кровь? Сомневаюсь. Жертвы злодеяний, совершенных на наших глазах, вопиют из-под земли: “Отомсти за меня”. Но где он, ревностный мститель? Почему “день отмщенья и воздаянья”^[8] для убийц не настал? И не говори мне в ответ пустые слова — я не стану тебя слушать. Подумай, прежде чем ответить!»

Каплан не выжил. Он, как предполагают, погиб в первые месяцы 1943 года. Леон Уэллс — ему удалось выжить — пишет, что после войны мысль об отмщении мало-помалу умерла в нем. «Можно ли жить, отвергая мир?»

Эли Визель — ему тоже удалось пережить Холокост, — большой талант, автор «Ночи», вернулся в Германию через семнадцать лет после Холокоста и, к своему огорчению, обнаружил, что ненависть к немцам в нем угасла. Он писал в «Комментарии»^[9]: «Все же, пусть во время моей поездки в Германию ненависть оставила меня, и сегодня все мое существо протестует против забвения, против замалчивания. Каждый еврей в глубине души должен сохранить ненависть — здоровую, мужественную ненависть — к тому, что олицетворяет Немец, и к тому, что в нем неизбежно. В ином случае он предаст мертвых».

Что до меня, то я верю: есть такие места, посетить которые — твой долг, словом, Геенна так же непреложна, как и небесные сферы, вот почему я посетил не только Иерусалим, но и Германию.

В первый же мой день в Мюнхене в 1955 году приятель назначил мне встречу в Американском армейском клубе, прежде там помещался гитлеровский «Haus der Kunst»^[10]. В вестибюле я наткнулся на картонную, в натуральную величину фигуру вахлака, в руках он держал плакат, оповещавший, что в пятницу здесь состоится «Потрясающий оперный концерт». Над справочным бюро висело другое объявление — я привел его в моем романе «Всадник с улицы Св. Урбана». Оно рекламировало субботние развлечения. Солдат уведомяли, что ровно в 14.00 в близлежащее Дахау отправится автобус: «ЗАХВАТИТЕ ФОТОАППАРАТЫ! ПОСЕТИТЕ ЗАМОК И КРЕПОСТЬ».

В 1963 году я снова поехал в Германию, на этот раз с целью написать очерк о базе Канадских военно-воздушных сил, расположенной на окраине Баден-Бадена. Молодые, явно провинциальные, школьные учителя из Канады, прикомандированные к базе, наперебой заверяли меня, что немцы «уж такие славные, просто слов нет». До чего современные, до чего опрятные. «Нам много чему следовало бы у них поучиться, — сказала мне учительница биологии. — Они умеют жить».

Завтра вечером я отправился в Общественный центр, смешался с толпой недорослей, пришедших на танцы.

— Что вы повидали в Европе? — спросил я.

— Венецию.

— Бой быков в Барселоне.

— Дахау.

Дахау. Парнишке было всего четырнадцать. Родители, рассказал он, повезли его в Дахау, когда ему исполнилось двенадцать. Оказалось — что меня немало удивило, — в Дахау возили чуть не всех ребят.

— Вы знаете, что раньше было в Дахау? — спросил я.

— Там людей наказывали.

— Не-а. Типа того, что уничтожали.

— Да нет. Там их вешали. Газовые камеры не использовались.

— Кто тебе это сказал? — спросил я.

— Немцы.

Я спросил: не наводит ли Дахау на них жуть.

— С чего бы, лагерь же сейчас не работает.

— Ну да, он же работал только в войну. В войну там пытали.

— Почему?

— Ну, пленных захватили слишком много, часть их пришлось убить.

— Евреи были против Гитлера, вот их и пришлось уничтожить.

— Что еще скажете? — любопытствовал я.

— Малоподходящее местечко для развлекательных туров, — сказал один паренек.

Малоподходящее, что и говорить, но, если его подать как следует, туры окупятся.

Казалось бы, после газовых камер тем шести миллионам евреев уже ничто не может причинить боль, их страданиям положен конец, но нет: их постигло то, чего никак нельзя было ожидать, — посмертное глумление. Холокост породил исполненные гнева произведения таких несомненно серьезных писателей, как, к примеру, Бруно Беттелхайм, Ханна Арендт и Элиас Канетти^[11], и в то же время Холокост привел к одному из гнусных эпизодов в издательском деле и киноиндустрии: спекуляции на теме геноцида.

Все эти годы на нас обрушивался поток вроде бы приличных, но на самом деле бьющих на дешевый эффект эротических фильмов о гитлеровской шайке, бесконечное количество смакующих непристойности статей о концлагерях в мужских журналах, низкопробных книжонки об эсэсовских борделях. Более приличный, но не менее пакостный вид продукции такого рода — документальный роман средней руки о Холокосте. Леона Юриса, скажем, о Варшавском гетто. А в 1964-м вышел еще один роман на этот раз более искусственного писателя о становлении нацизма в Германии и о Париже во время оккупации — «Бесконечность зеркал» Ричарда Кондона.

— Это вы о Хелен Уиллс?

— Вы там были?

— Нет.

(Пропустите девять строк.)

— Дивная выставка ню в Гранд-Палэ.

— Вчера вечером мы ходили на монпарнасское шоу в Салон де Тюильри. Очень недурственно.

Вдобавок в «Бесконечности зеркал» «динамичный», как говорят киношники, сюжет, а в придачу — в избытке вольные сцены. Фабула, в принципе, вполне сгодилась бы для вестерна или триллера, только тут материалом для нее послужил Холокост. Роман — если вкратце — рассказывает о судьбе Пола Бернхайм, дочери французского еврея, величайшего актера своего времени. Пола выходит замуж за немца, штабного офицера Вееле, рослого блондинистого красавца. Они уезжают в предвоенный Берлин, там развратный эсэсовский офицер, втайне вожделеющий евреек, пытается изнасиловать Полу, в войну он снова сталкивается с ней в Париже, куда Пола бежала с сыном. В Париже этот эсэсовец в ходе ночной эсэсовской *razzia*^[15] хватает Полиного сына (он — наполовину еврей). Мальчик погибает. Пола и Вееле мстят эсэсовцу — избивают его и бросают в поезд, идущий в Дахау. И только тут Пола «осознает», что тоже стала чудовищем.

Однако такое конспективное изложение не воздает должное разбросанным попутно массовым сценам и беспардонному сочинительству. В повествовании дважды появляется Гитлер собственной персоной. Один раз — чтобы вынести Вееле благодарность за проявленную воинскую доблесть, но гораздо более эффектно — на балу в Берлине, куда он «приходит в отменно сшитом вечернем костюме» и прямоком устремляется к Поле — поцеловать ей руку. «Моя дорогая, могу ли я иметь удовольствие пожелать вам доброго вечера?» Оказывается, Гитлер тоже питает слабость к еврейкам, но Пола в порядке компенсации за то, что дала Гитлеру поцеловать руку, лягает «эту жуткую бабищу Геббельса». Геринг и Эйхман — как же без него — тоже задействованы, потому что едва сюжет начинает разворачиваться, хроника подлинных событий и вымышленные герои — их пока что держали врозь — перемешиваются, и в результате автору перестаешь верить.

Притом нельзя не признать, что «Бесконечность зеркал» весьма читабельна и богата романтическими деталями из жизни высшего общества. Что мистеру Кондону удалось, так это подать приход Гитлера к власти гламурно и сексуально. Наличествует в романе и побочная линия комического толка о приключениях тайных агентов, выдержанная в лучших традициях английского кино. Так что я в претензии к мистеру Кондону главным образом не за то, что он написал плохой роман, а за то, что он написал роман аморальный.

С тех пор как вышли «Бесконечность зеркал» и другие романы средней руки, эксплуатирующие тему Холокоста, наметился новый поворот в этой теме. Шестидневная война 1967-го. Метаморфоза. Евреев или, во всяком случае, израильтян уподобляют нацистам.

В 1970 году выпуск периодического информационного бюллетеня «Евреи Восточной Европы», издающегося Эммануэлем Литвиновым^[16], был целиком отдан под карикатуры из советских газет — в них сионизм уравнивают с фашизмом и уподобляют «змею, нацелившемуся проглотить весь мир». В очень характерной карикатуре — в данном случае, перепечатанной русским журналом из «Берлинер цайтунг»^[17] — Даян, нависший над пустыней, одной рукой вцепился в Газу, другую запустил в Иерусалим, его науськивает заляпанный кровью оборванный Гитлер: «Даян, ты — способный ученик». В тех случаях, когда Израиль олицетворяет не одноглазый генерал, он предстает в образе пузатого, злобного солдата с крючковатым носом. Цель таких карикатур куда как ясна: возбудить гнев человеколюбивых левых и устыдить евреев, однако в моем случае эти карикатуры не сработали. По правде говоря, я был польщен. Подумать только — при нашей-то истории — это хрупкое ребро, исторгнутое из тела Аравии, вселяет страх, поэтому сначала я от души порадовался и, лишь пораскинув умом, возмутился тем, что нас так не понимают.

И опять же, легковесная карикатура Хорнера[18] в «Нью стейтсмене» от 17 апреля 1970 года взбесила меня лишь по зрелом размышлении: на ней бедный старик египтянин, опершись на палку, беспомощно взирает на приближающиеся бомбардировщики, а позади него у палаток сгрудились женщины и дети. Подпись к карикатуре вопрошает: «Кто же теперь еврей?» И вот что я вам скажу: если альтернатива такова, я за то, чтобы на этот раз у нас были бомбардировщики, а у них палки, хотя бы потому, что так можно с некоторой долей уверенности надеяться: если нам понадобится разрушить железные дороги, ведущие в лагерь смерти, бомбардировщиков нам хватит.

Да-да, снова шесть миллионов.

Я охотно верю, что не евреям, не говоря уж об изгнанных арабах, а перед ними есть за что держать ответ, так же опостытели разговоры о шести миллионах, как мне разговоры о том, что все чернокожие по определению люди прекрасной души и что они были бы очень рады, если бы на эту тему наложили запрет, но факт есть факт: шесть миллионов погибли. И от этого не уйти. Однако должен признать, что кое-какие из наиболее сомнительных дел, совершаемых в память о них, стоят у меня поперек горла. Когда они были живы, им нигде не было места, но теперь, когда их убили, с их горя стали собирать урожай, объявлять себя их наследниками. В 1960 году, в Монреале, я слышал, как небогатого ума раввин, уговаривая евреев своего пригородного прихода жертвовать на банкетный зал при синагоге, взывал к памяти шести миллионов. Спустя несколько лет в Лидсе, куда я поехал по заданию «Санди таймс», мне попалась на глаза передовица в «Джуиш газетт», направленная против смешанных браков, заканчивалась она так: «Изверг Гитлер приложил все силы, чтобы стереть еврейский народ с лица земли. И если не остережся, мы, по всей видимости, завершим за него эту задачу»; как будто женитьбу на йоркширской шиксе можно приравнять к путешествию в газовую камеру.

А не так давно шесть миллионов призвал на помощь Джеймс Болдуин[19]. Болдуин адресовал открытое письмо «моей сестре мисс Анджеле Дэвис[20]», в нем он писал: «Ты нескончаемо одинока — одинока так же, как еврейская домохозяйка в вагоне, направляющемся в Дахау...»

Сопоставление, увы, истеричное, возмутительное и до крайности неточное. В силу чего оно сослужило мисс Дэвис — а я не исключаю, что ее обвинили облыжно, — плохую службу. Еврейские домохозяйки, которых везли в Дахау, были отнюдь не одиноки, напротив, их сотнями заталкивали в наглухо законопаченные вагоны, и они стояли там впритык друг к другу со своими детьми много дней кряду, изнывая от жажды и дыша запахом собственных испражнений. И на станции их не приветствовали ни фоторепортеры, ни активисты. И «Ньюсуик»[21] не посвящал им главный материал номера. И не светил им также прогремевший во всем мире процесс, на котором присутствовали бы — или не присутствовали — советские наблюдатели. И о них не кричали бы заголовки всех газет, как в случае мисс Анджелы Дэвис, по той вполне понятной причине, что в отправке еврейских домохозяек в газовую камеру ничего необычного не было. И имен их никто не знал, лишь номера.

Номера эти вроде бы отчасти оплачены. Потому что израильское правительство, испытывающее жестокую нужду в деньгах, приняло (увы, никак не к чести его) компенсацию за погибших, оценив их поголовно. Какая, хотел бы я знать, *grix fixe*[22] мальчику, утопленному в нечистотах, и во что встанет счет за младенца, сваренного в жире, вытопленном из его родителей?

И вот что еще.

Задним числом легко оценить все, так сказать, здраво, и в конце концов мы пришли вот к какому выводу: если евреи в массовом порядке повлеклись на смерть, не иначе как тут (с точки зрения психологии) не обошлось без какого-то умысла с их стороны, а раз так, в их гибели никто не виноват. Или, наоборот, сами они и виноваты. Ушлые евреи, вознамерившись во что бы то ни стало покончить с собой, чтобы уйти из жизни, использовали немцев в своих целях: обвели их вокруг пальца. А немцев — теперь-то нам это ясно — предали Чемберлен, Папа, Рузвельт и бессердечные политиканы, которые, в желании заполучить тот самый пресловутый фунт мяса, не пошли в 1944 году на капитуляцию на условиях противника. А ведь в таком случае немецкое Сопротивление, то бишь сотня аристократов и генералов, было бы спасено. Циник мог бы на это сказать: если таков масштаб немецкого Сопротивления, притом весьма запоздалого, значит, оно было неизмеримо меньшим, чем еврейское Сопротивление в Варшаве, Белостоке, Гродно, Трелинке, Собиборе и даже Аушвице. «Существуют подлинные документы, свидетельства очевидцев, — пишет Эли Визель, — и они рассказывают, как воевали эти бедные сорвиголовы, когда их читаешь, не знаешь — ликовать ли от восторга или рыдать от ярости. И удивляешься: как они — эти оголодавшие юнцы, эти загнанные мужчины, эти замордованные женщины, — как они решились, как они смогли с оружием в руках выступить против нацистской армии... Мы говорим: с оружием в руках. С каким

таким оружием? Да у них его можно сказать, что и не было. За один-единственный револьвер им приходилось платить чистым золотом».

Ἰσὶοῖοὰ Ἰὰι ἴοε.

Ἐἰπὸἀεῖῶεῖ «Ἰαεῖαῖο» («Ἰἰαῖοεἰἰἰἰ») Ἰ ἀἰ ἀοἰ Ἐἰεῖοἰ ἀτὰ ἈἈδῆεἰἰἰ ἰ ὄρἰἰ

Ἀἰδῆἰ

Да-да, понимаем — что ж мы не понимаем? — для немца участвовать в Соппротивлении в военное время означало стать изменником. Евреям не приходилось брать такой грех на душу.

О чем говорить, широта нашей души сегодня такова, что даже телевизионные сериалы начали освещать эту тему более глубоко. «Не менее захватывающий, пользующийся еще большим успехом во всем мире сериал, — оповещает “Гид квалифицированного зрителя” к телепрограмме на неделю в одном из последних номеров “Санди таймс”[23], — “Охота на человека” (Ай-ти-ви[24]). Его также отличает неожиданное решение заезженных тем: сержант абвера[25] в нем — не приевшийся злодей, а симпатяга; бежавший из лагеря офицер британских ВВС — истерик и разгильдяй; участница Соппротивления — наполовину еврейка — шлюшка».

А почему бы и нет? Это же свежий подход. Все равно как исполнение Шекспира нагишом.

Теперь еврейское наследие не ограничивается Талмудом, с одной стороны, и — пусть себе Лесли Фидлер[26] (притом что в прозорливости ему не откажешь) шутит сколько влезет — гефилте фиш, с другой стороны. Теперь у нас есть еще и Холокост: Холокост — вот стержень самой серьезной послевоенной еврейской литературы. Холокост — вот что объединяет Маламуда и Беллоу: «Мастер» Маламуда — серьезный нравственный шаг, Беллоу продолжает писать роман о размышлениях и самооправданиях выживших. И это роднит их обоих с Исааком Башевисом Зингером, который унес с собой Варшаву такой, какой сохранил в памяти, и с документальным рассказом о Катастрофе, в особенности с «Истреблением европейских евреев» Рауля Хильберга и — в итоге — со свидетельствами Эли Визеля. Роман Эли Визеля «Ночь» о его опыте выживания в Бухенвальде, на мой взгляд, и есть та книга о Холокосте, прочитать которую должен каждый, вместе с тем к другим книгам Визеля у меня сложное

отношение. Возможно, беда в том, что бремя его опыта и нашей вины непереносимо, и это чрезвычайно повредило ему как писателю. Что я имею в виду: хвалить его стиль, его мастерство значило бы умалить его, да и вообще совсем не о том речь. По правде говоря, когда Визель отклоняется от своего непосредственного опыта, опыта шtetла, лагерей смерти и т. д., когда он пускает в ход воображение — вольность, вполне позволительная нашему брату-писателю, — меня берет досада. Возможно, я несправедлив, и тем не менее это так.

Когда Герцог^[27] вспоминает своего сломленного жизнью отца, вот какие мысли посещают его: «Эту историю Герцогов, думал он сейчас, я выслушивал, наверно, раз десять в год. Иногда рассказывала мама, иногда он сам. Так что науку беды мы проходили всерьез. Тот крик души для меня и сейчас не пустой звук. Он теснит грудь, перехватывает горло. Хочется открыть рот и выпустить его наружу. Но все это древнее — да-да, это еврейские древности, идущие от Библии, от библейского понимания личного опыта и судьбы. То, что принесла война, упразднило папины претензии на исключительность его страданий. Были приняты куда более жесткие критерии, в очередной раз окончательные критерии, безразличные к личностям. Усердно и даже радостно излился человеческий дух в этот параграф разрушительной программы. Стоит ли помнить эти частные истории, старые были про старые времена. Я помню. Обязан. А кто еще — кому это важно? Миллионы, сонмища людей погибают в ужасных муках. Духовное же страдание им ныне заказано. Личность хороша лишь для юмористической разрядки».

Гадания на тарелочках Эадельн Аам аетале

- [1]. Рай (нем.).
- [2]. Странная война — так называли период второй мировой войны от сентября 1939 до мая 1940 года.
- [3]. Золотоискатели Аляски (нем.).
- [4]. Здесь: летчики (нем.).
- [5]. Курд Юргенс (1915–1982) — немецкий актер и режиссер.
- [6]. «Побори смерть, Память» — альбом фотографий, сделанных в 1939–1945 годах. Издан к двадцатилетней годовщине восстания в Варшавском гетто.
- [7]. Ханна Арендт (1906–1950) — философ и политолог, родилась в Германии, в 1933-м эмигрировала. С 1941-го в США.
- [8]. Дварим, 32:35.
- [9]. «Комментарии» — журнал, основанный Американским еврейским комитетом в 1945 году. Журнал публикует материалы на темы политики, иудаизма, о социальных и культурных проблемах.
- [10]. Дом искусств (нем.).
- [11]. Бруно Беттелхайм (1903–1990) — американский психолог и писатель, родился в Австрии. В 1938 году попал в концлагерь, в 1939-м освободился и уехал в США. Элиас Канетти (1905–1994) — австрийский писатель. Лауреат Нобелевской премии (1981).
- [12]. «Маменькины сынки» (ит.) — фильм 1953 года.
- [13]. Сачеверелл Ситуэлл (1897–1988) — английский поэт, историк искусств, автор нескольких книг об архитектуре Англии и Европы.
- [14]. Андрэ Мальро (1901–1976) — французский писатель. Франсуа Мориак (1885–1970) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии 1952 года.
- [15]. Налет (нем.).

- [16]. *Эммануэль Литвинов — английский поэт, писатель и журналист.*
- [17]. *«Берлинер цайтунг» — ежедневная газета, издававшаяся в ГДР с 1945 года.*
- [18]. *Гарри Хорнер (1910–1994) — американский карикатурист.*
- [19]. *Джеймс Болдуин (1924–1987) — негритянский писатель США.*
- [20]. *Анджела Дэвис (р. 1944) — участница антивоенного движения и движения чернокожих Америки. В 1970 году была арестована по обвинению в «соучастии в убийстве». С 1973 года член ЦК Коммунистической партии США.*
- [21]. *«Ньюсуик» — еженедельный журнал новостей и обзоров правого толка.*
- [22]. *Твердая цена (фр.).*
- [23]. *«Санди таймс» — влиятельная воскресная газета консервативного направления.*
- [24]. *Ай-ти-ви — Независимое телевидение, одна из самых крупных телевизионных компаний Великобритании.*
- [25]. *Абвер — орган военной разведки и контрразведки Германии с 1919 по 1944 год.*
- [26]. *Лесли Фидлер (р. 1917) — американский критик и писатель. В своей книге «В ожидании конца. Кризис в американской культуре и портрет американской литературы XX века» (1964) писал: «...для демократической Америки... еврейская культура состоит из гефилте фиш и Натали Вуд, еврейского ученого и шлемиля».*
- [27]. *Герой романа Сола Беллоу «Герцог» (1961). Отрывок из романа приводится в переводе В. Харитонова.*

РУТИ И ЭДИ

Адаһиҥҥэ

Однажды в Бронксе сидели на крыльце две девчушки, звали их Рут и Эди. Они разговаривали о том, какие они, мальчишки. И поэтому старательно натягивали юбки на коленки. Шайка мальчишек, живших через улицу, каждую субботу днем не менее получаса носилась за девчонками, задирая им юбки. Им нужно было разглядеть, какого у них цвета трусики, чтобы потом орать у кондитерской: У Эди розовые трусики!

Рут сказала: ей все равно нравится играть с этими мальчишками. С ними интереснее. Эди сказала, что терпеть не может с ними играть. Они дерутся и задирают юбки. Рут согласилась. Плохо, что они так делают. Но, сказала она, они так здорово носятся по кварталу, бегают наперегонки, играют на углу в войнушку. Эди сказала, и не так уж это и здорово.

Рут сказала: А еще, Эди, была бы ты мальчиком, могла бы стать солдатом.

И что? Что в этом такого хорошего?

Ну, тогда можно защищать свою страну.

Эди сказала: А я не хочу.

Как? Эди! Рут любила читать, и больше всего ей нравилось читать про всяких смельчаков — например, про Роланда^[1], как он трубил в рог в Ронсевальском лесу. Ее отец тоже когда-то был смельчаком, и это часто обсуждалось за ужином. Иногда он и сам скромно признавался: Да, я, пожалуй, был тогда смелым парнем. И твоя мама тоже, добавлял он. И тогда мать Рут ставила перед ним крутое яйцо — так, чтобы он мог его разглядеть. Читая про Роланда, Рут поняла: надо быть смелым, чтобы твоя родина не погибла. Она чуть не заплакала от жалости, когда подумала про Эди и Соединенные Штаты Америки.

Ты что, не хочешь? — спросила она.

Нет.

Ну почему, Эди, как так?

Не хочется, и все.

Почему Эди? Как это так?

Стоит мне что сделать не по-твоему, ты давай вопить. А я вовсе не обязана говорить то, что ты хочешь. Я что хочу, то и говорю.

Но ведь если ты любишь свою страну, значит, ты готова ее защищать. Как это — не хочется? Пусть тебя даже убьют — все равно оно того стоит.

Эди сказала: Я не хочу никуда без мамы.

Без мамы? Ты что, маленькая? Без мамы!

Эди туго натянула юбку на колени. Я не могу, когда я долго ее не вижу. Вот как когда она уезжала в Спрингфилд к дяде. Мне так не нравится.

Ничего себе! — сказала Руги. Ничего себе! Маменькина дочка! Она встала. Ей хотелось вообще уйти. Спрыгнуть с верхней ступеньки, побежать на угол, подраться с кем-нибудь. Она сказала: Знаешь что, Эди, это мое крыльцо.

Эди не сдвинулась с места. Грустно сидела, упершись подбородком в колени. Она тоже любила читать, но ей нравились «Близнецы Бобси»^[2] или «Хани Банч на море»^[3]. Ей нравились истории про счастливые семьи. И у себя в трехкомнатной квартире на четвертом этаже она пыталась играть в такую же счастливую семью. Иногда она называла отца папой, а иногда говорила «отец», что его крайне удивляло. Кто-кто? — спрашивал он.

Мне пора домой, сказала она. Должен прийти мой кузен Альфред. Она посмотрела, не перестала ли Руги литься. И тут увидела собаку. Руги, сказала она, и вскочила. Там собака. Руги обернулась. Там действительно была собака — она уже прошла три четверти квартала и сейчас трусила от кондитерской к бакалее. Обычная собака средних размеров. Но она направлялась в их сторону. Не останавливалась обнюхать бордюр или пописать у крыльца. Она просто бежала прямо посреди тротуара.

Руги смотрела на нее. Сердце у нее заколотилось и готово было выскочить из груди. Она быстро подумала: Ой, собака же зубастая! Здоровенная, лохматая, незнакомая. Откуда знать, что у нее на уме? Собака — зверь. С собакой можно поговорить, только вот она с тобой не поговорит. Скажешь собаке: СТОЙ! — а она пойдет себе дальше. Если обозлится и укусит, можно заразиться бешенством. Умирать будешь месяца полтора, и умрешь в страшной агонии. Внутренности у тебя станут как каменные, начнется

столбняк. А когда тебя найдут — рот у тебя будет разинут: ты будешь вопить перед смертью да так и сдохнешь.

Рути сказала: я немедленно уйду. Она развернулась — как будто издали ей кто-то управлял с пульта. Открыла дверь в подъезд, и вот она в безопасности. Одной рукой она нажала на звонок в квартиру. А другой закрыла дверь. Она привалилась к стеклянной двери всем телом, и тут в дверь заколошматила Эди. Пусти меня, Рути, пусти, пожалуйста! Ру-уути!

Не могу. Эди, пойми, я просто не могу.

Эди в ужасе скосила глаза на собаку. Она уже почти тут. Ой, Рути, ну пожалуйста!

Нет! Нет! — сказала Рути.

Собака остановилась прямо у крыльца, где кричала и стучала Эди. У Эди замерло сердце. Но собака, задумавшись на мгновение, проследовала дальше. Она прошла мимо. Так же размеренно.

Когда пришла старшая сестра Рути звать ее обедать, обе девочки рыдали. Они сидели, растрепанные, в обнимку. Вы обе психические, сказала она. На мамином месте я бы запретила вам играть вместе. Это я серьезно.

Много лет спустя, на Манхэттене, Рути отмечала свое пятидесятилетие. Она пригласила трех подруг. Они сидели за круглым кухонным столом и ждали ее. Она напекла несколько пирогов, чтобы день рождения можно было отмечать на кухне в течение всего дня — вне зависимости от того, когда и сколько придет гостей, и без особых хлопот. То одна, то другая подруга говорили: Ради Б-га, сядь ты наконец! Но она посреди фразы — кого-то из гостей или даже своей — вдруг вскакивала с озабоченным видом и то мыла какую-то утварь, то сметала крошки с кухонной тумбы.

Среди женщин за столом была Эди. Она аккуратными стежками вшивала новую молнию в старое платье. Она сказала: Рути, не было такого. Мы обе постоянно бегали туда-сюда.

Нет, сказала Рут. Ты ни за что не оставила бы меня у закрытой двери. Ты, конечно, была жуткой плаксой, радость моя, но ты ни за что не захлопнула бы передо мной дверь. Да ты посмотри на себя! Посмотри на свою жизнь!

Эди оглядела себя — так делает любой, когда ему так велят. Увидела пухлую, невысокую, темноволосую женщину, похожую на симпатичную учительницу истории, которая говорит классу: история — удивительный предмет. Она рассказывает нам, откуда мы взялись, кто мы такие. Вот, к примеру, ты, Хуан, откуда? Откуда родом твои дедушки с бабушками?

Вы знаете, мисс Сейден. Пуэрто-Рико. Что ли вы не знаете? — ответил Хуан. Эди подумала — с кем ему говорить?

Б-га ради, у нас день рождения или что? — сказала Энн. Она сидела и поглаживала два ящичка и проектор, стоявшие у ее стула. Она что, надумала слайды показывать? Нет, это уже предотвратила Фейт, пару раз посмотрев на часы и сказав: У меня нет на это времени, сегодня вечером Джек придет. Рут тогда тоже посмотрела на часы. Энн, может, на следующей неделе? Энн сказала: Ладно, хорошо. Только вот что, Рути, хватит себя грызть. Я знаю много чего хорошего, что ты сделала. Была бы ты в самом деле такой гадиной, неужто я написала бы в завещании, что в случае чего воспитывать своих детей доверяю тебе и Джо?

Тут ты точно ошиблась. Я и своих-то воспитать не смогла.

Рути, да будет тебе, нормально они воспитаны. И вообще, как ты можешь говорить такие жуткие вещи? — сказала Эди. У тебя замечательные, умные, красивые девочки. Эди знала, о чем говорит: она каждую держала на руках на третий-четвертый день после рождения. Естественно, она перешла в разряд тех друзей, которых называют тетями.

Ты права. Наверное, по поводу Сары я уже могу не волноваться.

Почему? Потому что она замужем и с ребенком? — спросила Фейт. Так ты оскорбляешь Эди.

Да нет, все нормально, сказала Эди.

А вот о Рейчел я действительно беспокоюсь. И ничего не могу с собой поделать. Я никогда даже не знаю, где она. Вчера вечером должна была прийти. Обычно она хотя бы звонит. И куда она подевалась?

Не иначе как ее забрали участок за дурацкую сидячую забастовку или еще что, сказала Энн. Да ее выпустят с минуты на минуту. Для меня загадка, почему она считает, что в их протестах есть толк. Ты сама ее такой воспитала, а теперь удивляешься. Кроме того, мне осточертело говорить о детках, сказала Энн. Я объехала половину почти что социалистических стран, и хоть бы кто вопрос задал. А какие я события видела из самых что ни на есть важных! — выкрикнула она.

Я правда хочу услышать обо всем, сказала Рут. Но тут же передумала. Нет, пожалуй, не обо всем. Ты просто расскажи про каждую страну, где ты побывала, одну хорошую вещь и одну плохую. У нас всего пара часов. (Было четыре. В шесть в дверях появятся Сара с Томасом, а с ними — Летти, первая внучка. Летти наверняка решит, что это ее день рождения. Кто-нибудь обязательно скажет: Какие кудри! Все будут восхищаться ее новыми туфельками и ее новой фразой: Помнись, а? Потому что очень долго это было просто существо, которое пило молоко и глазело во все стороны. Но однажды, пытаясь погрузиться в дневной сон, она вдруг села и сказала: Баба, я азбила твою часку. Помнись, а? Так запросто придумывается прошлое длиною в жизнь, которое, как мы знаем, уплотняет настоящее и дает советы будущему.) Так что, Энн, давай по паре фраз про каждую страну.

Да ты что, так не получится серьезного разговора.

Энн, это же день рождения, ты сама сказала.

Ну, тогда хотя бы смени выражение лица.

Ой! — Рут коснулась рта, уголков рта. — Ты права. День рождения! — сказала она.

Ну, тогда поехали, сказала Энн. И сказала по две хорошие вещи и одной плохой о Чили (одна из первых поездок), Родезии, Советском Союзе и Португалии.

Ты забыла про Китай. Почему ты не рассказываешь про нашу поездку в Китай?

Не хочу, Рут, ты же будешь опровергать каждое мое слово.

Эди, старая подруга, начала чистить симпатичный, в веснушках банан, который присмотрела, пока Энн рассказывала. Дело в том, Рут, что ты никогда не говоришь просто «да». Я тебе сколько раз объясняла, это я могла бы захлопнуть перед тобой дверь, но это был твой дом, поэтому я замешкалась.

Чувство собственности, сказала Энн. Даже у бедных оно возникает в детстве.

Кто был бедный? — сказала Эди. Просто была Депрессия.

Два вопроса! Фейт решила, что она и так терпеливо слушала слишком долго. Мне нравится эта история, но я ее уже слышала. Всякий раз, Рут, когда ты в мерехлюндии. Что, я не права?

А я не слышала, сказала Энн. Как это так вышло, Рут? И вообще, сядь, посиди наконец с нами.

Второй вопрос: А как насчет нашего города? Что-то я устала от этих историй про дальние страны. Вы посмотрите на этот город, он похож на свалку токсичных отходов. Разруха как в войну. Девять миллионов человек.

Это верно, сказала Эди, только, Фейти, здесь все безнадежно. Сверху донизу — и улицы, и эти детки, всё как со свалки, всё. «Свалка» — точное слово. И она заплакала.

Фейт поняла, что зря заговорила в присутствии Эди о городе. Стоило сказать Эди «город» или даже нейтральное прилагательное «муниципальный», у нее перед глазами возникали те из учеников, которые обычно сидят на задних партах и отказываются отвечать, когда их вызывают к доске. Так что Фейт сказала: Хорошо, сменим тему. Что вы, дамы, думаете по поводу коллегий присяжных, которые собирают то тут, то там?

То тут, то там? — повторила Эди. Ой, Фейт, не бери в голову, они просто отрабатывают методику. Знаете, у вас троих такое негативное отношение к жизни. Меня просто тошнит. Ни к чему хорошему это не приведет. А коллегии присяжных — это все пройдет.

Эди, мне иногда кажется, ты словно в полусне. Ты слышала про ту женщину из Нью-Хейвена, которую вызвали? Я знаю ее лично. Она вообще отказывалась отвечать. И оказалась за решеткой. Они не шутят.

Я бы тоже рта не раскрыла, сказала Энн. Ни за что. Она закрыла рот на замок именно там и тогда.

Энн, я тебе верю. Но иногда, сказала Рут, я думаю: а вот если бы я оказалась в Аргентине и они забрали бы моего ребенка? Г-споди, если бы они тронули нашу Сару или Летти, я бы, наверное, что-нибудь все-таки сказала.

Ой, Рут, ты пару раз отлично выступила, сказала Фейт.

Да, сказала Энн, честно говоря, мы в тот день все отлично выступили, мы сидели около призывной комиссии, прямо рядом с лошадьми — Эди, ты была тогда с нами? А потом эти чертовы лошади сдали назад и полицейские стали лупить людей — по голове, по спине, помните? Я, Рути, тогда наблюдала за тобой. Ты вдруг стала носиться туда-сюда между этими чудовищами. Тебя могли затоптать насмерть. А ты вцепилась капитану прямо в золотые пуговицы и как заорешь: Сволочь! Убирай свою проклятую кавалерию! И все трясла его и трясла.

Он дал им приказ, сказала Рут. Она поставила на стол один из праздничных пирогов — с яблоками и сливами. Я его видела. Это он за все отвечал. Я видела всю эту мерзкую операцию. Я бросилась бежать — от лошадей, но обернулась, потому что я должна была быть в первых рядах, и тут увидела, как он отдает приказы. Ох я и разозлилась!

Энн улыбнулась. Злость, сказала она, это здорово.

Ты так думаешь? — спросила Рут. Правда?

Не заводись, сказала Энн.

Рут зажгла свечи. Энн, давай задует эти свечи все вместе. И загадаем желание. У меня уже дыхания не хватает.

Но пыла в тебе еще достаточно, сказала Эди. И крепко ее поцеловала. Рути, что ты загадала? — спросила она.

Да так, одно желание, сказала Рут. Короче, я загадала, чтобы этот мир был всегда. Этот мир, этот мир, тихо повторила Рут.

И я, я загадала то же самое. Энн подошла к стулу, взгромоздилась на него, приговаривая: ой, спина, ой, колено. А потом сказала: Давайте и дальше, пусть преодолевая страх, яростно биться за спасение мира.

Браво, тихо сказала Эди.

Погодите-ка, сказала Фейт...

Энн сказала, ох, ты... ты...

Но было уже шесть часов, и в дверь позвонили. На пороге стояли Сара и Том, а между ними Летти, она возбужденно прыгала и вертелась, то пряталась за длинную юбку матери, то хватала за ногу отца. Едва дверь открылась, Летти кинулась в квартиру и обхватила Рут за колени. Бабушка, я буду спать у тебя.

Знаю, радость моя, знаю.

Бабушка, я спала в твоей кровати, помнись, а?

Конечно помню, радость моя. Мы проснулись часов в пять, было еще темно, я посмотрела на тебя, ты посмотрела на меня, и мы обе рассмеялись — и ты смеялась, и я.

Помню, да, бабушка. Летти гордо и застенчиво взглянула на родителей. Она все еще радовалась тому, что узнала слово «помнить», которым можно было назвать столько картинок у нее в голове.

А потом мы снова заснули, сказала Рут и присела на корточки, чтобы поцеловать Лети в щеку.

Где моя тетя Рейчел? — спросила Летти, шаря глазами по лесу незнакомых ног, собравшихся в коридоре.

Не знаю.

Она должна быть здесь, сказала Летти. Мамочка, ты обещала. Она правда должна.

Да, сказала Рут, притянула к себе Летти, обняла ее, один раз, другой. Летти, сказала она как могла беззаботно. Она должна быть здесь. Только вот где же она? Она действительно должна быть.

Летти стала вырваться из объятий Рут. Мамочка, крикнула она, бабушка меня затискала. Но Рут казалось, что нужно прижать девочку еще крепче, потому что, хоть этого никто больше не замечал, но Летти, такой же нежной и розовощекой как всегда, непременно станет тесно в новехоньком гамаке, сплетенном из творящих мир слов, и она непременно вылетит на жесткий пол сотворенного человеком времени.

Ī adāgā nāi æeēnēgā Aādū Ī ōōōēgāē

[1]. **Роланд — знаменитый герой французских эпических сказаний, лучший рыцарь Карла Великого.**

[2]. *«Близнецы Бобси» — персонажи детских книг, выходивших под именем Лоры Ли Хоуп в американском издательстве «Стрейтмент Синдикат» с 1904 по 1979 год.*

[3]. *«Хани Банч на море» — одна из серии детских книг про девочку по имени Хани Банч, выходивших в том же издательстве с 1923 по 1955 год.*

САМОЕ ДОРОГОЕ

Yadkarta h'ededa a Epari eetu Edo'eoeite e Aitu Nitai

Давным-давно в небольшой деревушке Бейт-Цайда (что значит «Дом припасов»), на берегу озера Кинерет, жили муж с женой. И было у них всё, что только пожелаешь: дом, деньги, поля и виноградники, лошади и ослы и многочисленные слуги. С делами они справлялись отлично, не ленись, а после работы любили хорошо отдохнуть. В жаркие летние месяцы уезжали они на дачу в Ливан, а зимой пили чай с финиковым мёдом. Незаметно пробежало десять лет, а любовь их только крепла, даже ссорились они с удовольствием. И всё бы хорошо, но вот беда: не было у них детей.

— Кому нужно всё это богатство, если не благословил нас Господь детьми? — размышлял муж печально.

— Вот был бы у меня малыш, или нет, двое... Нет, лучше пятеро, — мечтала жена, болтая ногами в воде на берегу Кинерета. — И пусть дерутся, шумят, шлёпают босиком по грязи, я не возражаю.

Чего только они не делали: ездили к самым лучшим врачам, пили настойки целебных трав, писали друг другу стихи про любовь, а иногда отправлялись на могилы праведников и молились там всю ночь без остановки (впрочем, средство оказалось не ахти — ведь большинство праведников в то время были ещё живы).

И вот однажды муж сказал:

— Я люблю тебя, но мы живём вместе уже десять лет, а детей у нас всё нет. Может, нам стоит расстаться?

Найдёшь себе нового мужа, и с ним Бог пошлёт тебе много детей. — Да нет же, всё из-за меня! — возразила жена. — Это ты должен жениться на другой женщине, и уж она-то сумеет родить тебе сына или дочь.

Кто прав?... Кто виноват?... Кому на ком жениться, а кому с кем разводиться — непонятно. В конце концов эти двое совсем запугались и решили обратиться к рабби Шимону бар Йохаю. К кому же ещё? Рабби Шимон был большим мудрецом. Жил он неподалеку, в маленькой деревушке рядом с Цфатом, и к нему обращались за советами только в самых сложных и запутанных случаях.

— Если уж нам суждено расстаться, пусть нас разводит сам рабби Шимон, потому что ему я доверяю. Ведь что ни говори, а своего рабби нужно выбирать очень осторожно! — говорил муж.

— Безусловно! Моя семья всегда обращается только к рабби Шимону. Как он скажет, так тому и быть, — кивнула жена в знак согласия.

Договорились они в конце концов, что если одобрит рабби Шимон этот злосчастный развод, то ничего не поделаешь, разойтись придётся.

Ну что ж, развод так развод! Запрягли наши герои рано поутру осла, взяли с собой нескольких слуг, запаслись провизией на дорогу. И отправились в путь, прихватив только самое необходимое: солёные орешки, сухарики с изюмом, фрукты и бутерброды, а также карту, компас, крем от загара, панамки от солнца, флягу с водой и розовые чупа-чупс со вкусом клубники. Только и всего!

Несколько часов пути, и вот они уже у дома Шимона бар Йохая. Повела ему женщина о своём горе. Рабби Шимон выслушал её очень внимательно и сразу же догадался, что любят друг друга муж и жена крепче не бывает.

— Да, друзья мои, — вздохнул рабби Шимон. — Случай непростой. Я так понимаю, что расставаться вы не хотите, а просто придумали, как помочь друг другу. И, кажется, решили, что если нет у вас детей уже много лет, то и дальше чуду не бывать и должны вы коротать свой век совсем без малышей. Зачем же нужна такая семья? Уж лучше разойтись и создать две новые семьи. Может, тогда и появится долгожданный младенец у кого-нибудь из бывших супругов. Что ж, такой способ имеется. А к врачу обращались?

— Да, да, конечно! Вот смотрите, у меня и рецепты есть, и справки разные, — засуетилась женщина, вытаскивая целый ворох разных листочков.

— Стойте, стойте! Я верю. Ведь к рабби Шимону обращаются только после того, как побывают у врача, но уж никак не вместо врача. Что ж, буду за вас молиться. И ещё, пожалуй, дам вам один совет. Но позже, а пока расскажите-ка мне о вашей свадьбе.

— Свадьба? Но при чём тут свадьба? Мы же разводиться пришли, — переглянулись супруги удивлённо.

Однако хорошо известно, что рабби Шимон ничего не спрашивает зря, и поэтому они начали вспоминать.

— Вот это была свадьба так свадьба! Помнишь, как все веселились? Как радовались мои родители! — начала было жена, но неожиданно запнулась, и маленькая слезинка оставила мокрый след на её правой щеке.

— Как будто только вчера гуляли! И ребята собрались всей компанией. Неужели прошло уже десять лет? — продолжил её рассказ муж, но тут по его левой щеке покатила слеза, и он замолчал.

— А угощение, а вино! Гости до сих пор вспоминают того барашка по-йерихонски... И танцы... Танцевали все, даже музыканты! — закончили супруги в один голос.

— Понятно, — одобрительно покивал рабби Шимон. — Значит, свадьба была развесёлой — с гостями, пирогами и всем, что к этому прилагается.

— Безусловно! Так всё и было, — вздохнули супруги с облегчением. Но тут рабби сказал такое, что они разинули рты от удивления.

— Вот что я вам посоветую: отправляйтесь-ка вместе домой и на прощанье устройте праздник. Приглашать много гостей необязательно, но в остальном пусть всё будет как на свадьбе: барашек, музыканты,

пирог и фотограф со вспышкой. Расставание ваше должно быть таким же радостным, как и женитьба. Ну, будьте здоровы и до встречи, — сказал на прощанье рабби Шимон и, уже уходя, добавил: — Ах да, чуть не забыл самое главное — хорошего вина не жалейте!

Пир в честь развода? О таком наши супруги ещё не слышали, но спрашивать лишний раз постеснялись. А если уж совсем начистоту, то каждый из них в глубине души мечтал, что произойдёт чудо и расставаться им не придётся. Так что если велел рабби Шимон закатить прощальный пир — значит, будет пир, ведь мудрец видит то, что от простых людей скрыто. Хотя и странно всё это.

Муж с женой как следует подготовились к пиршеству и наставления рабби выполнили слово в слово — гости несли подарки, музыканты играли любимую песню:

*Ἀἰὸν ἔτι ὄσέ, οὐκ ἠ-ἀποθέσῃται —
Ὁ ἀπὸ τοῦ ὄσῃται ἀδελφῆ.*

Мелькал тут и там суетливый фотограф со своей вечной присказкой: «Улыбочку, улыбочку, сейчас вылетит птичка!» (А что, если не улыбнуться, то вылетит бегемот?) Ну а муж с женой веселились и пировали точно так же, как и в тот праздничный день, когда они поженились. Чарочку за чарочкой наливала женщина вино своему мужу, и вот, когда стены стали расплываться прямо у него на глазах, а лица гостей начали подозрительно раздваиваться, возрадовалось сердце его от доброго вина. Тогда-то и сказал муж своей супруге: — Дорогая моя жена... или нет, не так, моя любимая... будущая... бывшая жена, вот и возвращаешься ты в дом своего отца, откуда забрал я тебя ровно десять лет назад. Так вот, я хочу, чтобы унесла ты на память из моего дома то, что тебе дороже всего. Ничего для тебя не жалко; всё, что пожелаешь, твоё навеки.

Сказал и уснул, уронив голову на стол рядом с салатом. Да и гости уже разошлись по домам, праздник закончился. Позвала тут жена слуг и тихо приказала: — Поднимите скорее мужа и отнесите его в дом моего отца. Ну же, поторапливайтесь!

Пожали работники плечами, но подчинились беспрекословно. После этой сумасбродной вечеринки в честь развода, которую затеяла странная парочка, они больше ничему не удивлялись! Переложили осторожно спящего мужа на кровать, поднатужились и с трудом потащили вслед за женщиной, в дом её родителей, тяжёлую ношу.

Теперь представьте себе, как поздней ночью, когда винные пары немного выветрились из головы мужа, открыл он глаза и видит: всё вокруг чужое — и стены, и окна, и потолок. «А, нет, не вс ! Вот кровать... и моя жена».

— Да, жена, — пробормотал мужчина мечтательно и вдруг опомнился: — Жена! Какая ещё жена? Ой, где это я?

— В доме моего отца, — с улыбкой отвечала женщина.

— В каком доме? Какого отца? Что всё это значит?

— Ты же ведь вчера сам сказал, что могу я забрать с собой из твоего дома то, что мне дороже всего. Так вот, милый мой, подумала я и поняла: ты и есть это самое дорогое. Вот я тебя и забрала. Замолчала жена, и по её левой щеке заскользила крошечная слезинка. А муж тем временем утирал крупную каплю — то была большая слеза, которая на этот раз катилась по его правой щеке.

С рассветом навьючили супруги осла и снова отправились к рабби Шимону. Увидел их рабби Шимон, встал и начал молиться:

— Владыка мира, пошли этой паре детей! Теперь, когда снова, как десять лет назад, взял муж жену из дома отца её, прошу, вспомни о любви их в святости, даруй им счастье и благословение! Пошли им исцеление, и пусть будет у них в доме веселье и радость!

Прошептал рабби Шимон ещё несколько молитв, и из глаз у него ручьём хлынули слёзы, струясь по обеим щекам.

Возвратились муж с женой домой, любя друг друга пуще прежнего. Он больше жизни хотел быть рядом с ней, а она — рядом с ним. А молитва рабби Шимона была услышана и принята: не прошло и года, как родился в этой семье первенец. Тут и воцарились в доме радость и счастье!

Ī ī ī ō ē ā ī ī ē ā ā ō ā Ō ē ā ā ō ē ē ī ā ā ā, ā ā ā 1

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

КУРСИВ ЯКОБСОНА

Î eöäëë Ýäëÿüòäéí

В начале 1920-х годов великий филолог Роман Якобсон предложил формулу, которая стала базовой для формализма, структурализма и еще нескольких важнейших «измов» двадцативечной гуманитаристики: «Предметом теории литературы должна быть не литература, а литературность». Курсив Якобсона. Под литературностью Якобсон предлагал понимать ту функцию текста (автор формулы называл ее «поэтической»), благодаря которой текст, собственно, и признается принадлежащим к литературе.

Отвечая сам себе на вопрос, по какому принципу отбираются книги для «Книгоноши», я все время пытаюсь перефразировать классика. Получается что-то вроде: «Мы не про евреев, а про еврейскость». То есть совершенно не важна фамилия автора книги, не важно даже имя героя — важна еврейская рефлексия кого-нибудь из них или сразу обоих. Более того, иногда бывает достаточно даже автора рецензии. Случается же так — нееврейская книга послужила поводом для еврейской рефлексии...

Эту разницу, кстати, очень трудно объяснить издателям или издательским пиар-менеджерам, занимающимся продвижением книг в СМИ:

— Î eöäëë, ó íäñäëÿ ääñííäöñäÿüäÿ ííäéíéä. Ääòíð — Ðääéííäë÷.

— Ñí'äñëäí, ä ÷òí çä éí éäñ?

— Ýòí çäí éñëë íéäñòë÷äñéíäñ öëððäñ, ííäëðíäääöäñ í ííäëð çíäí äí èòíñòäë.

— Ä íí÷äí ó äñ ääöëëë íäñäéíäë èòíäí íäí?

— Ἰῆ ἀά ἀῖφ, ἀῖφ — Διαείῖαε:.

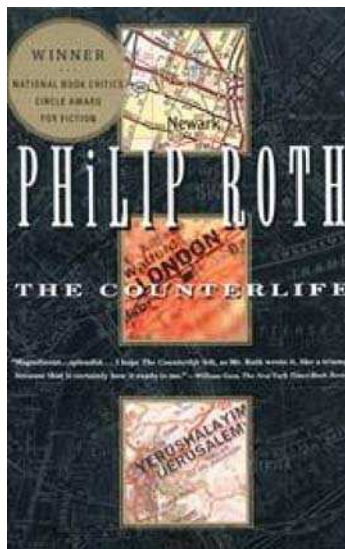
Вышеприведенные размышления насчет еврейскости по большей части из таких диалогов и родились. Но отвечать на подобные звонки я так и не научился — не про Якобсона же людям рассказывать, честное слово.

На самом деле опасность очевидна. Всегда велик соблазн пойти по пути наименьшего сопротивления, скатиться к формату «жизнь замечательных евреев» или поработать в нехлопотном жанре «раз еврей, два еврей». Такие ассоциации сочетание «еврейский журнал» рождает не только у сторонних пиарщиков — более или менее того же, что скрывать, ждут и многие читатели. Но вышепомянутый структурализм уверяет нас, что интересно и ценно лишь то, что работает на сломе читательского ожидания. А следовательно, надо продолжать трудиться над собой и над осмыслением загадочной «еврейскости», понимаемой предельно широко. Потому что только так и можно подойти к решению сверхзадачи, которую, уже без помощи Якобсона, можно приблизительно сформулировать следующим образом: представить на страницах раздела максимальный спектр репрезентаций «еврейского» в современной литературе.

ФИЛИП РОТ: ОБ ЭТОМ И О ТОМ

Ааеаде Аи оеö

...I roii o:oi y aviaa ia yoi ai ap. A arö e ia aviaae. Ia yoi «yoi» aviaa ai aao Öeei Diö. Ai oi:ai, eae iaai i ayim eei ni e ii ia aviaa (m. i eae). A y aviaa! Oi oi, ia aviaa i aviaae: eaiou Ii:oe aviaa B ii:oe aviaa ai ap i aviaae e eöavaöva E arö o:oi y, a aviaa, i iae ai ap.

Обложка нью-йоркского издания романа Филипа Рота «Другая жизнь».

Vintage Books. 1996 год

Так повелось с самого начала, с самого первого еврейского писателя, с Менделе Мойхер-Сфорима (он, как Адам Первоначальный, был больше всех, от края до края Вселенной, а дальше писатели только мельчали), что книгу сплошь и рядом писал не автор, а персонаж. То есть персонаж и был автором. Тут есть одна тонкость: дело не в повествовании от первого лица, речь именно о том, что книга как бы написана фиктивным автором, который одновременно является одним из ее главных героев, причем, по условиям игры, автор-персонаж не рассказал эту историю настоящему автору или не записал ее, допустим, для памяти, нет, он, персонаж, хотел написать книгу, именно эту самую книгу, и написал ее.

Как я уже сказал, Менделе был самым первым, и самым великим, и самым радикальным (Роту, употреби он слово «трахаться» и прочие подобные хоть тысячу раз, все равно не переплюнуть Менделе по части радикализма). Шолом-Янкев Абрамович, автор романов о Менделе Мойхер-Сфориме, недогнувшей рукой ставил имя их персонажа, Менделе Мойхер-Сфорима, на обложку этих грубых романов, в которых грубые и жестокие люди говорят грубые, жестокие и прямо неприличные слова. Такие слова мог написать только Менделе, грубый и простой человек, который был едва знаком с Абрамовичем, в высшей степени приличным, даже несколько «в футляре» господином, уважаемым педагогом и публицистом. Вот, например, характерная история. В 1903 году Саул Гинзбург, затеявая в Петербурге первую ежедневную газету на идише — «Дер Фрайнд», пригласил к участию в ней Абрамовича. Приглашение, естественно, было написано по-русски. Абрамович очень вежливо и тоже по-русски ответил, что передал просьбу Гинзбурга реб Менделе и вот что тот написал. Далее следовало письмо Менделе на грубоватом, без всяких расшаркиваний, идише.

Точно так же важнейшие произведения Шолом-Алейхема написаны не им, а Тевье-молочником, Менахем-Мендлом или безымянным коммивояжером, автором «Железнодорожных рассказов». Хотя Шолом-Алейхем все-таки не был таким экстремистом, как Менделе, на обложке стоит его собственное имя, точнее, псевдоним.

Наконец, великий еврейский поэт (я-то думаю, что не только еврейский, а просто — великий) Мойше-Лейб Галперн написал многие свои стихотворения от лица чудаковатого персонажа, которого зовут Мойше-Лейб дер поэт (Мойше-Лейб-поэт), причем совпадение имени этого как бы автора и по совместительству лирического героя с именем самого Галперна носит почти случайный характер. Нет сомнения в том, что Мойше-Лейб дер поэт и Мойше-Лейб Галперн — совершенно разные индивидуальности. Здесь новация в том, что собственное имя сочинителя становится и именем фиктивного автора, и именем персонажа одновременно[1].

Примеры, и самые авторитетные, можно было бы множить и множить. Еще одна, последняя, иллюстрация, только для того, чтобы, перейдя от идиша к русскому, показать универсальность этого явления. Лютов, понятное дело, не Бабель. Достаточно сказать, что Бабель, судя по его дневникам, с щемящей жалостью и наивной гордостью относился ко всему еврейскому, увиденному во время конармейской эпопеи, а Лютов, автор «Конармии», напротив того, типичный самоненавистник.

Я вовсе не хочу сказать, что такие затеи встречаются только в еврейской литературе, но именно для нее они особенно характерны. Кто знает, почему так вышло? Может быть, потому, что долго держалась атавистическая память о том, что не дело серьезному человеку писать развлекательные книжки на разговорном языке. А потом атавизм стал привычкой, традицией и фирменным знаком... Однако хватит примеров и рассуждений, а то я так и не доберусь до Рота.

Трудно сказать, какой, хороший или плохой, еврей пожилой американец Филип Рот (да и кто я такой, чтобы ставить ему и вообще кому бы то ни было отметки по поведению), но зато он точно хороший еврейский писатель. По мне, так самый лучший современный еврейский писатель. Но опять же, хороший или нехороший — это вопрос субъективного восприятия, а вот то, что еврейский, из всего вышесказанного вытекает, как мне кажется, неопровержимо. Главный герой и одновременно автор текстов девяти романов Рота, его любимый персонаж — это выдающийся, знаменитый американский еврейский писатель Натан Цукерман, человек, безответственно относящийся ко всему на свете, кроме своего писательского труда. К писательству он относится исключительно ответственно. Как нас учит Пушкин, поэта надо судить по законам, установленным им самим для себя. Вот Цукерман (или все-таки Рот?) и дает нам эти законы, не пуская столь важное дело на самотек. В сущности, основная задача Цукермана — заранее заткнуть рот всем рецензентам романов Цукермана или романов о Цукермане, если, конечно, допустить, что их написал не Цукерман, а Рот.

Так, в одном из ключевых эпизодов романа «Другая жизнь»[2], на похоронах Цукермана, звучит некролог, написанный как развернутая критическая статья о творчестве Цукермана, а дальше мы узнаем, что этот некролог Цукерман загодя написал сам для себя. Вообще, «Другая жизнь», один из «больших» и «главных» романов Рота, представляет собой исчерпывающий каталог основных тем и проблем творчества Рота (или все-таки Цукермана?): женщины, евреи, импотенция, американские евреи, секс, иудаизм, смешанные браки, сионизм, антисемитизм, Израиль — и литература, литература, литература... И все суждения по этим и смежным проблемам, а также контрсуждения и контронтрсуждения там приведены с такой избыточностью, что можно было бы написать две, а то и три критические статьи и о «Другой жизни», и о творчестве Рота в целом, просто понадергав из этого романа цитат и расположив их в определенном порядке. Статьи получились бы одинаково серьезные и вдумчивые, но при этом взаимоисключающие по своим выводам. Но я этого делать не буду.

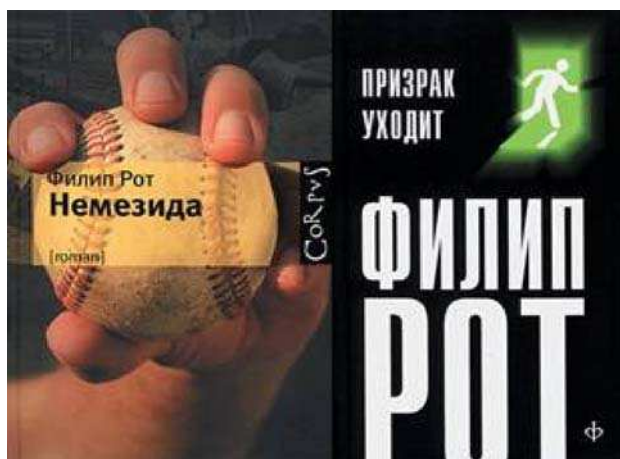
Я вообще считаю, что не дело пересказывать романы Рота, поскольку текст настоящего романа всегда равен самому себе и если бы его можно было кратко пересказать, то и писать такой роман не стоило бы. Кроме того, краткие издательские аннотации, содержащие ответ на бессмысленный вопрос «про что?» (про что, про что — про жизнь, как всегда!), сейчас легко найти на сайтах издательств и книжных магазинов. Конечно, все эти аннотации слегка смахивают на эпиграмму Некрасова на «Анну Каренину»: «Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом, / Что женщине не следует “гулять” / Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом, / Когда она жена и мать».

Так вот, с жаром изложенный вывод о том, что Рот с терпеньем и талантом доказал, что не следует жениться на шиксе, не следует пытаться вернуть себе молодость или упрямыться из ложно понятого чувства долга, не следует видеть во всяком невинном слове проявление скрытой юдофобии или не следует

думать, что только Израиль делает из еврея настоящего еврея, — во-первых, будет не более верен, чем любой прямо противоположный, а во-вторых, Рот никогда бы не стал писать роман ради таких плоских выводов, или, по крайней мере, его не стоило бы читать.

А я считаю, что Рота в высшей степени стоит читать. Собственно говоря, и эту статью я пишу для тех, кто уже прочел три недавно переведенных на русский язык романа Рота: уже упомянутую «Другую жизнь», а также «Призрак уходит»^[3] («Exit Ghost», 2007) и «Немезиду»^[4] («Nemesis», 2010). Или для тех, кто собирается их прочесть. Или для тех, кто вообще читал какие-нибудь романы Рота.

Всего Рот написал 27 романов, в большинстве своем не слишком коротких, и все они грешат многословием, повторами, толчением воды в ступе, они занудны, как речь невротика, потому что и написаны чаще всего от лица еврейского невротика, мыслящего и говорящего длинными, литературно построенными предложениями. Если Рот пишет длинновато, значит, читателю придется потерпеть (или, наоборот, растянуть удовольствие), потому что размер имеет значение. Размер всегда имеет значение. Размер — это эстетическая, стилиобразующая категория. А у Рота в особенности.

Так вот, из 27 романов (по-английски все они «novels», хотя в русской традиции некоторые из них, пожалуй, корректнее было бы назвать повестями) 17 переведены на русский, причем последний, «Немезида», написанный в прошлом году, уже в этом появился по-русски. Это своего рода рекорд. Это значит, что еще немного — и весь Рот будет доступен русским читателям. И я этому очень рад.

Этот последний роман совсем, по сравнению с другими, простой и совсем, между прочим, не про «это», а (все-таки здесь я чуть-чуть попереказываю) про эпидемию полиомиелита в Ньюарке (у Рота всё всегда в Ньюарке, штат Нью-Джерси) и про хорошего парня, учителя физкультуры, который не выдержал и сбежал, бросив учеников, из зараженного города к невесте. Невеста была вожатой в детском лагере. И он там всех перезаражал и сам в конце концов заболел, а выздоровев, стал инвалидом и отверг любимую девушку себе в наказание. Такой простенький, почти соцреалистический романчик. Хотя все написано с обычным для Рота завораживающим мастерством, роман поначалу кажется спокойней, объективно скучней и слабей прочих, до того прочитанных. И так до тех пор, пока ты не понимаешь, что все происходит во время второй мировой войны и, пока община Ньюарка в ужасе ждет, когда слепая сила эпидемии убьет или искалечит несколько десятков детей и взрослых, их двоюродных поголовно убивает (уже убила!) в Европе другая, гораздо более безжалостная и тщательная зараза. И тут вдруг доходит, что весь роман — притча о Катастрофе, о которой в нем не сказано ни одного слова. И, едва поняв, начинаешь читать совсем с другим, напряженным вниманием.

А еще этот спокойный, реалистический роман представляет собой очень интересный этнографический очерк жизни американских евреев, американского среднего класса. Оказывается, что в 1940-х годах они там, в Ньюарке, жили совсем как мы в 1970-х: дачи, пионерлагеря и прочее подобное. Вдруг вспоминаешь, что Рот — ровесник твоего отца, и думаешь, как папа в том самом году, когда происходит действие «Немезиды», жил и чудом остался жив в эвакуации, и от этого эгоистического воспоминания идиллический роман — десяток подростков и вожатый, заразившиеся полиомиелитом в городском лагере, — становится странным образом не дальше, а ближе. Потому что родной ужас, ужас отцовского детства, ты, никогда не голодавший, примерить на себя не можешь, а ужас романа «Немезида» — вполне.

И все-таки «Немезида» — не главный роман. Главный, из тройки недавно переведенных, — «Другая жизнь». «Призрак уходит», написанный через двадцать лет как комментарий и дополнение к «Другой жизни», тоже несколько слабее, потому что его очень понятные проблемы все-таки мелковаты. Проблем этих всего счетом три: 1) как стерпеть историков литературы, думающих, что только гадкий скелет в шкафу может вернуть интерес к писателю, которому они приписали владение этим шкафом и этим скелетом; 2) как стерпеть население собственной страны, голосующее за такую тупую скотину, как Буш-младший[5]; 3) как стерпеть молодых симпатичных интеллигентов, искренне полагающих, что жизнь кончилась от того, что население собственной страны голосует за такую тупую скотину, как Буш-младший, будто других проблем, посерьезней, у них нет.

Когда читаешь Рота, закрадывается глупое подозрение, что его романы берут тебя запрещенным приемом, который советские библиотекари определяли словами «очень жизненно», неизменно произнося их с придыханием. Может быть, все дело в том, что я — а) стареющий, б) еврейский, в) мужчина?[6] А что было бы, если бы я был, допустим, а) молодой, б) русской, в) женщиной? Между прочим, я знаю как раз одну такую, и при этом она без ума от романов Рота.

Но прочь сомнения, в конце концов, Рот пишет не про евреев, а про людей, потому что евреи — тоже люди. И этому бездонному по своей глубине открытию он не устает удивляться вот уже 27 романов подряд.

[1]. Точно так же поступает и Филип Рот в романах «Заговор против Америки» и «Обман», а также в своем лучшем, еще не переведенном на русский романе «Операция “Шейлок”» (1993), где биография (но не личность!) главного героя по имени Филип Рот совпадает с биографией автора.

[2]. Под этим, очень неудачным, названием недавно был опубликован в русском переводе роман «Counterlife» (1986): Филип Рот. Другая жизнь / Пер. Ю. Шор. СПб.: Амфора, 2010. Говоря о переводческих удачах и неудачах, следует с дежурной горечью отметить, что в этом переводе опять не ночевал редактор, поэтому все еврейские имена собственные, а также иудейские и израильские реалии, как обычно, перевраны. С редактурой переводов двух других, обсуждаемых ниже романов тоже не все благополучно.

[3]. Филип Рот. Призрак уходит / Пер. В. Кобец. СПб.: Амфора, 2010.

[4]. Филип Рот. Немезида / Пер. Л. Мотылева. М.: Corpus, 2011.

[5]. Я помню, как в середине 2000-х одна чудесная молодая американка говорила мне, понимая, что я ей все равно не поверю: «Ты мне все равно не поверишь, но Буш гораздо хуже Путина». Она была права: я ей все равно не поверил.

[6]. Также, между прочим, немаленькая целевая группа. Не исключено, что именно к ней принадлежат все ведущие американские литературные критики, и поэтому Рот получил все мыслимые и немыслимые американские литературные премии.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2011 КИСЛЕВ 5772 – 12(236)

ГЕНРИХ ПАДВА:

«БЫЛИ ДЕЛА, ПОСЛЕ КОТОРЫХ ХОТЕЛОСЬ ЗАСТРЕЛИТЬСЯ»

Аааао аааао Аааа а Аааао аааао

Одной из главных книжных новинок осени стали вышедшие в издательстве «ПРОЗАиК» мемуары Генриха Падвы «От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката». В этом номере «Лехаим» печатает интервью с Генрихом Падвой и рецензию Льва Гурского на его книгу.

Аааао аааао

АААА А ААААО ААААА Хороший адвокат, помимо прочего, должен владеть драматическим искусством, знать психологию. Был ли у вас опыт изучения этих сфер человеческой деятельности?

ГЕНРИХ ПАДВА Представление об адвокате как об актере и психологе относится к дореволюционным временам, к суду присяжных. Кто-то мне сказал, что адвокат — это тот, кто вовремя подsunет нужный документ, справку. В своей книге «От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката» я привожу такой случай. Человек признавался в убийстве, очевидец все подтвердил, была ясна причина, мотив. Адвокат на заседании чуть ли не дремал и только в конце стал допытываться у судмедэксперта, во сколько наступила смерть. Судья ему еще сказал: «Что вы пристааете к эксперту?» Когда выяснилось, что не позже двенадцати, адвокат достал бумажечку, удостоверяющую, что поезд, на котором приехал его клиент, сильно опоздал и пришел в три часа ночи...

Я со школьной скамьи мечтал стать адвокатом, но представлял эту профессию скорее в дореволюционном контексте. В 9–10-м классах нам преподавали психологию, тогда ее только ввели в школе. Учитель спросил: «Кто хочет позаниматься в лаборатории психологического общества при МГУ?» И я год туда ходил. Немножко разочаровался — эксперименты не показались мне интересными.

ААА Ораторское мастерство?

ААА Моя кузина училась в театральном училище, и я вместе с ней осваивал скороговорки типа «Ехал грека через реку...». Потом стал учиться декламации, участвовал в конкурсах, читал «Стихи о советском паспорте» Маяковского. Надо было преодолеть страх перед публичным выступлением.

Работники телевидения говорят, что в студии я свободно себя чувствую, но вначале я был ужасно зажат и не видел ничего, кроме микрофона. Помогло то, чему я учил студентов: нужно думать, о чем говоришь, а не о том, как в это время выглядишь.

АЕ Вы говорите в книге, что много внимания уделяли написанию речей, поиску цитат. Изменилось ли что-то с приходом профессионализма?

АИ По сравнению с тем, как я работал первое десятилетие, когда вгрызался в дело, сидел над ним ночи напролет, я стал халтурщиком (вы, конечно, понимаете, что это некоторое преувеличение). Это объясняется не только профессионализмом, но и усталостью, нехваткой сил и времени. Лучше всего я работал в Погорелом Городище. Там у меня было, предположим, одно дело в неделю, я его обсасывал, бесконечно переписывал речь, ездил советоваться в Москву. А сейчас у меня в производстве 15–18 дел, да еще каждый из 25 адвокатов, работающих в бюро, приходит со своим. Когда-то я не понимал, что такое усталость: поспал три часа — и отдохнул. А сейчас начинаю убеждать некоторых клиентов: «Эти дела лучше ведет Саша Гофштейн». «Нет-нет, мы хотим, чтобы взялись вы». Наверное, и меня коснулась профессиональная деформация, я уже так не переживаю за каждое дело. Думаешь о том, чтобы сохранить себя для семьи, жизни, будущей работы.

АЕ Насколько допустимы эмоции в профессиональной жизни? Расстраиваетесь ли вы при неудачах, поражениях?

АИ Были дела, после которых хотелось застрелиться, как минимум уйти из профессии. В книге я описываю случай почти пятидесятилетней давности, когда прокурор просил моему подзащитному десять лет. По утверждению председателя суда, я блистательно выступил, вызвал бурю аплодисментов — и после этого моего клиента приговорили к расстрелу. В моей практике было два-три таких потрясения. Но эти негативные ощущения компенсируются, когда слышишь слова: «Освободить из-под стражи в зале суда». Это тоже слишком большая эмоция, и тут нужен если не валидол, то валерьянка.

АЕ Наверняка бывает, что клиент вам несимпатичен. Что тогда делать?

АИ Да, однажды клиент был мне по-настоящему, физиологически неприятен. Его жена передала через меня курицу. Можно есть жадно, но красиво, а он ел как-то уродливо, плюхал на стол, все текло, и это гармонировало с его преступлением и манерой себя вести. Причем особенно голоден он не был, у жены была возможность делать хорошие передачи. И что еще меня покорило. Когда я передавал еду, почти все пытались со мной поделиться. Я всегда отказывался, кроме одного раза, когда клиент категорически сказал: «Без вас не притронусь!» — пришлось взять кусочек. А этот даже не предложил. Но, чувствуя вину, что он мне неприятен, я старался отрешиться от своих ощущений.

Чрезмерная любовь — тоже плохо, нужна некоторая отстраненность. Знаю, что нередко родственники подзащитных из-за этого обижаются. Я не отношусь к тем адвокатам — особенно это любят женщины, — кто наговорит родителям, какой у них замечательный сын или дочь. Нужно быть крайне односторонним, то есть видеть в клиенте только хорошее, использовать все в его защиту, помнить, что у тебя нет права его судить и сомневаться в его словах. Но при этом не упускать того, что есть против него.

АЕ В книге вы часто цитируете стихи. Много ли помните наизусть?

АИ Помнил немало, но новых не запоминаю и стал забывать те, что знал. В школе я записывал в тетрадь поразившие меня фразы, стихотворения, иногда свои мысли. Потом нередко ловил себя на том, что цитирую строки из этой тетради и сам себе удивляюсь. Но чаще бывало так: работаешь над речью, понимаешь, что хорошо бы для большего эффекта привести в этом месте какое-нибудь стихотворение, и лезешь в «базу данных». Не помню уже когда, записал строки Маяковского: «Укравшему хлеб / не потребуешь кар. / Возможно / простить и убийце. / Быть может, больной, / сумасшедший угар / в душе / у него / клубится». И вдруг они как нельзя кстати всплыли у меня в зале заседаний...

АЕ Мне запомнилась фраза из вашей книги: «С ужасом узнал, что великий Бродский не очень высоко ценил моего любимого Тютчева».

АИ Да, я ужасно обиделся на Бродского. Но после этого начал Тютчева перечитывать, и мне, представляете, стали меньше нравиться некоторые его стихотворения. Хотя я не сомневаюсь, что он великий поэт.

ЕК Что для вас еврейство? Менялось ли со временем это ощущение?

АИ Долгое время я не знал, что я еврей. Мама с папой говорили по-русски, хотя иногда ругались по-еврейски, но я не очень интересовался, почему они так странно говорят. Оба моих дядьки, мужья маминых сестер, — русские, и с ними я проводил больше времени. Мамин папа был религиозным, но он жил отдельно, и мы виделись редко.

По-моему, я узнал о том, что я еврей, в начале войны, когда начались разговоры про немцев, евреев, антисемитизм. Национализм начал развиваться у меня в Куйбышеве. Соседский мальчик говорил, что евреи отсиживаются в Ташкенте, а воюют одни русские. Каждая наша с ним встреча во дворе заканчивалась дракой.

Помню свое удивление студенческой поры. Родственник примерно моего возраста собирается жениться, и кто-то из родных говорит: «Что он — совсем, не на еврейке женится?!» Я был поражен: какое это имеет значение? Однако, возможно, «пятый пункт» сказался в том, что я не попал в московский институт, не получил нормального распределения. И у меня началось ощущение жуткой несправедливости: Христос — еврей, Маркс — еврей, а эти сволочи — антисемиты...

Знаете, кто сыграл большую роль в моем ощущении еврейства? Моя дочь. По еврейским законам она русская, так как ее мама русская. Но Ира гордилась мной, любила меня и хотела записать себя в паспорте еврейкой. Моя жена к этому времени умерла, и я сказал дочери: «Подумай, не предаешь ли ты ее память?» В последний момент Ира передумала. Потом она рассказывала, что, когда оказалась впервые в Израиле и увидела Иерусалим, у нее в горле возник комок. Она больше меня ощущает еврейство, может, сейчас это ощущение у нее притупилось.

Сам я часто и с удовольствием бываю в Израиле, но не стал бы там жить. Москвичи — воображали, и я себя чувствую столичной штучкой, а там все-таки провинция. Хорошая, но провинция. Я бы вообще никуда не уехал — ни в Америку, ни в Англию, ни во Францию...

АЕС вашей точки зрения, в жизни человека все зависит от него самого или больше от стечения обстоятельств, судьбы?

АИ Все зависит от человека, но предначертано судьбой. Если человеку даны мозги, от него зависит, использовать их или нет. Но если природа вместо мозгов дала горб... Думаю, почти у всех есть талант, но неизвестно, у кого какой, а люди эксплуатируют чаще что-то противоположное, и талант погибает. Еще многое зависит от трудолюбия. Я знал адвоката — блистательного оратора, он соловьем заливался, но нес такой вздор. Я ему говорю: «Петя, ну ты хотя бы дело прочел!..» — «Да ну его к черту!» Если бы не лень, он стал бы великим адвокатом.

АЕУ вас ощущение, что вы свой талант нашли?

АИ Да, я попал в точку. Мне было предначертано стать адвокатом.

Ḥaḥānēē, ē eāā mīnō ḥēānū ēi āi īi ā «ī deāi ōā». Āiḥi faei, ēi ō-ōi yōi īfēāe-āōiḥy nōdāi īūi, īi ōāe īiī ē āūēi — ā īāi ē ōā xā i ēi ōū ē ā īāi īi ē ōiī xā āōiā nēēi ḥēēnū īāā ōāōi āōiūi ē āi nēāi ē Ōi ōyēū Ḥaḥānēē ē Ōēi ī Ḥaḥānēē. Ōi ōyēū Ḥaḥānēē ī deāūē eḥ Ōāēū-Āāēā īā ōāēē, nīāāē, āāōi ōēiḥy ā Ōāēū-Āāēā ē īōi ḥāēēiḥy mī āōū ā nīāē ā nōēi ēōā Nī Ōēi ī Ḥaḥānēēi ī dēḥi ōēē ī āāōi yōi ūā ī deēēp-āi ēy, ēāē āi ēāū, ōāē ē īi nēā, ē īi ā ōō īi-ū ḥāēēēēiḥy mī āōū ī yīi ūē īō ādāi āē ē āiā ī ādāe-ōiā. ī āāēp mī ōōy, ēiāā yōē āāā ānō ḥāēēēēnū īā īāēōā ēi dāēy, īā īōē mī ā-āēā ā ī ādāiēū ā īōōi ā īiḥ-ēiḥē, īiē īāi āi yēēnū āiā-āōēāi ēy ē, ē Ōi ōyēū Ḥaḥānēēē nēāḥē, īā nēōiāy dāḥāe-āi ēy: «E īi-āi ō yōi nī ōiāi ē āiāā nō-āāōiḥy :ōi-ōi ēi ōāāi īā, ā y īē-āā, ēōi ā ōāōi āō, īā āēāō?»

Эта длинная цитата проливает свет не только на тему сборника — жизнь в Иерусалиме в пятидесятых годах ушедшего столетия, но и на особый литературный стиль автора, напоминающий бессмертные романы Ильфа и Петрова. Не знаю, как воспринимали «Двенадцать стульев» читавшие книгу сразу по выходе, но сегодня ее события подернуты ностальгическим флером и пленяют юмором, а не критикой советских порядков.

Похожим образом рисует нравы жителей Иерусалима — государственных клерков, чиновников из сионистских и партийных организаций, полицейских, а также мелких и средних частников, содержащих магазинчики, мастерские и кафе, — Данкнер. Используя устаревшие языковые обороты и клише, он плетет вязь все новых и новых необязательных подробностей, вводит все новые и новые имена, порой смешные и несуразные (благо еврейских диаспор в Святом городе сошлось немерено), которые и прозвучат-то в рассказе от силы два-три раза, чтобы потом напрочь быть забытыми покряхтывающим от удовольствия и похмыкивающим от сдерживаемого смеха читателем.

А иерусалимские реалии — какой из действительностей они принадлежат? Чего стоит, например, магазин с вывеской «Мода от Мармелъштейн — французский трикотаж по ценам оказьон»? Коньяк «Медициналь», форд марки «Англия», отечественные сигареты «Дюбек» и импортные «Эскорт»? А бесчисленные кафе (иные существуют и теперь, правда, сменили место), арена действия многих историй, приют для встреч и обмена новостями! «Таамон», «Атара», «Аляска», «Ориент» — каждое со своими завсегдатаями, идеологическими и сословными предпочтениями — и среди них кафе «Алленби», реальная собственность семьи автора...

Амнон Данкнер родился в 1946 году в светской семье выходцев из Польши, но учиться его отдали в сионистско-религиозную школу движения «Мизрахи». Данкнер рано начал писать и сделал успешную журналистскую карьеру, сменив несколько разных в смысле политической ориентации газет (в 2007-м он вышел на пенсию с поста главного редактора «Маарива»). В 1980-м году он выпустил первую книгу прозы и со временем стал известным писателем, оттачивавшим свой стиль — чем дальше, тем более словоохотливый.

В его книгах историческая достоверность (обычно все происходит в Иерусалиме, где Данкнер родился) переплетена с самым невероятным вымыслом. Таков мой любимый роман 2002 года «Человек без костей», жанр которого я определяю как сионистский детектив, и занятное, хоть и несколько растянутое повествование о «тете Эве», которая оказалась переодетым еврейским юношей, вынужденным скрываться в годы британского мандата (см. статью А. Исаковой: Лехаим. 2009. № 4).

Скандал вызвала написанная Данкнером биография актера и писателя, одного из столпов израильской культуры Дана Бен-Амоца (1924–1991), увидевшая свет через год после смерти героя[2]. Возмущение вызвали описания любовных походов плейбоя Бен-Амоца, хотя я убеждена: ни один эпизод не был написан Данкнером ради пикантных подробностей, но лишь для рельефного и досконального воссоздания среды, в которой жил и творил этот неординарный человек. Ведь биограф начал собирать материал, встречаясь с десятками, если не сотнями людей, с ведома своего друга — тот был еще жив, но уже безнадежно болен.

В заключение приведу фрагмент из рассказа «Бессоница Авеля Гагина», где автор узнает «страшную историю о сержанте Бенвенисти и Соломоне Фараджи»:

Āiō nēiāā, ēiōiōiā īōiōi-āē eḥ āēōāēi nīāāi nīōāōā Nīēi īi Ōāāāāē: ī ēēi nīāāi ūā āāāē, āāōē ē āiōēē nīāāi āiēū ūō! Ḥāēēēi āp āān — dānīāēōā ī āi y nīāēāi ōiī Āāi āāi ēiōē, āā mīō dāōiḥy īāi yōū ī īāi! īāēiā āāi y ōiī ō īāḥāā y mī tēiēi īiīēāē āāē, nēāy nī ādāi yīi ē īōōēā ōēiēū «Āēyīi» [3], ēāē īiāiōāē ēi ī īā ēāōāēēū xēōēāō ē ḥāāi āiōēē īā Ynōād ēi yī, āi-āde īāēi ā ēi yīā nī ōēōū ī āiēāō-ēāōāēi, ēiōiōiē āāō ḥi īāē ōōē ī āāḥēiā īā ōēēōā Bōōi. B nēāḥē:

ЕВРОПА, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

ДАН ВИТТОРИО СЕГРЕ

Мемуары везучего еврея. Итальянская история

Пер. с англ. Д. Фрадкина

М.: Книжники; Текст, 2010. — 448 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Это действительно мемуары, даже не беллетризованные. Просто честный рассказ итальянского еврея, ставшего израильским дипломатом, о своей жизни. Этот незавуалированный автобиографизм вводит в заблуждение — все обращают внимание на «внешний» сюжет, на судьбу автора-героя, смакуют подробные описания долгого и вполне взаимного романа итальянских евреев с Дуче.

История, кстати, действительно любопытная и за пределами Италии не слишком известная. Евреи в свое время приняли активнейшее участие в движении за освобождение и объединение Италии, за что после победы получили подлинное и безоговорочное равноправие. Итальянский национализм стал их воздухом и религией, притом что еврейскую идентичность они сохраняли, хотя и утрачивая зачастую живую связь с традицией (Сегре вспоминает, как его бабушка, не знавшая иврита, больше семидесяти лет каждое утро произносила благословение, благодаря Б-га за то, что Он не создал ее женщиной). Поэтому вполне естественно, что, увидев в фашизме прямое продолжение Рисорджименто, а в Муссолини — наследника Гарибальди, евреи в подавляющем большинстве если и не вступили в партию, то, как минимум, оказались в первых рядах сочувствующих. И когда Сегре называет одну из глав своей книги «Мое еврейско-фашистское детство», он вовсе не играет в парадоксы и не стремится кого-то эпатировать, а просто описывает реальность такой, какой она была.

В книге вообще масса занятных исторических и психологических деталей, тонких описаний, умных наблюдений. Но все же важнее в ней, на мой взгляд, другое. Мемуары Сегре — это памятник прежней Европе. Тому матерiku, который был смертельно ранен первой мировой войной и окончательно исчез после второй. Той эпохе, когда книги читали не урывками в вагонах метро, а долгими зимними вечерами у камина. Когда было принято вести дневники, чтобы осмыслить случившееся за день, научиться разбираться в мельчайших оттенках чувств и в конечном итоге привыкнуть смотреть на себя несколько со стороны («У его слов... не было иной цели, как научить меня встречать смерть с достоинством и отстранением», — рассказывает автор об одной из последних встреч с отцом).

Разумеется, Сегре вовсе не ставил себе такой задачи, но сама ткань его повествования — она именно об этом. По прочтении «Мемуаров везучего еврея» лучше понимаешь великую прозу конца XIX — первых десятилетий XX века, будь то Пруст, Газданов или Итало Свево. Современный человек

В ПРИСУТСТВИИ АДВОКАТА

ÁÁÍ ÐÈÕ Í ÁÁÁÁ

Î ÑÓÌ Û È Î Ò ÒÐ ÐÛÌ Û... ÇÁÌ ÈÑÈÈ ÁÁÁÍ ÊÁÒÀ

Ì.: Í ÐÌ ÇÀÈÈ, 2011. — 304 ñ

«Книга эта, как и я сам, — беспорядочная. В ней нет ни строгой хронологической последовательности, ни жесткой структуры. На ее страницы выплеснулось многое из того, что хранилось в памяти: запахи родного дома, вкус маминых котлет, воспоминания о детских шалостях и серьезных обидах».

Подводя итоги написанному, Генрих Падва, один из двух самых популярных российских защитников (второй, разумеется, его почти что тезка Генри Резник), скромничает, приbedняется и профессионально лукавит: автобиографическая книга, подгадавшая к восьмидесятилетию автора, организована грамотно и срежиссирована с четким пониманием сверхзадачи. Да, есть тут и упомянутый вкус котлет, и запахи коммунальной кухни, и трели соловья, и детские игры, и первая любовь, — однако нет и следа недержания мысли, когда одна обрывистая ассоциация произвольно цепляется за другую, за третью, с каждой секундой унося мемуариста далеко в сторону по волнам памяти. Стоит взглянуть повнимательней — и тотчас же в мнимом хаосе проступит четкий логический каркас.

Начнем с того, что Генрих Павлович, вопреки его уверениям, с хронологией дружит. Он почти не нарушает последовательности событий, редко забегает вперед и избегает флэшбеков. Книга, как и положено, начинается с рождения будущего адвоката (из столичного роддома имени Грауэрмана вышли многие достойные граждане), выбора имени (Генрих чуть было не стал Евгением) и подробного, с примечательными штрихами, экскурса в биографию родителей: «В числе маминых друзей были блистательный драматург Николай Эрдман, его соавтор — сценарист, поэт и художник Михаил Вольпин», а Соломон Михоэлс «учился в одном классе с маминым двоюродным братом и всю жизнь с ним дружил».

В детстве наш герой мечтал стать пожарным, а затем милиционером; идея об адвокатской карьере пришла намного позднее. Юный Гера Падва не голодал, но и не был избалован разносолами, так что и до сих пор не забыл скудные тогдашние лакомства («Одним из редких деликатесов был так называемый морковник, по-еврейски — цимес. Это мелко нарезанная сладкая морковь, как правило, каротель, которую тушили в утятнице — овальной чугунной кастрюле»). Вслед за описанием незлобной тесноты коммунального детства и печального неуюта эвакуации (именно там, во дворе, мальчику впервые объяснили, что «евреи все в Ташкенте и Куйбышеве, а воюют одни русские») следуют страницы, посвященные школе и одноклассникам: «Со мной в одном классе учились сын маршала Советского Союза и (в то время) народного комиссара обороны СССР С. К. Тимошенко, сын великого композитора С. С. Прокофьева, сын М. Ф. Шкирятова — председателя комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, тоже очень крупной, если не сказать зловещей, фигуры для тех, кого изгоняли из партийных рядов».

В школе наш герой с удовольствием играл в самодеятельности, убедительно изображал Квакина в инсценировке «Тимура и его команды» и сам был изрядным хулиганом: «Я очень много дрался — по многим поводам, да и без повода, наверное, тоже». Впрочем, одну из причин тогдашних — да и грядущих — стычек нельзя не признать уважительной: «Когда слышал “жид”, бил по морде, и нередко, к сожалению, в результате сам бывал побит. Меня это не останавливало, и в следующий раз я вновь бил по морде, не разбирая, кто был передо мной, — это было единственным средством, которым я позволял себе бороться за равноправие наций».

Было бы преувеличением, однако, утверждать, что мемуарист на всем своем жизненном пути постоянно сталкивался с воинствующим антисемитизмом. Ну да, после школы Генрих не поступил в Московский юридический институт («не слишком хорошо сдал экзамены, кроме того, был евреем и не был комсомольцем»). Однако, проучившись год в Минском юридическом, без особых проблем смог перевестись в столичный вуз, а получив распределение в райцентр Погорелое Городище, через несколько лет сумел-таки перебраться сперва в Торжок, затем в Калинин, и в конце концов восстановил утраченную московскую прописку. Правда, для этого ему пришлось фиктивно развестись, жениться на московской кузине, обрести столичную легитимность, снова развестись и снова жениться — на своей настоящей супруге...

Уровень откровенности мемуариста порой чрезвычайно высок — и все же книга Падвы разочарует тех, кто в воспоминаниях ищет прежде всего изнанку жизни медийных персон. Что дозволено обычному человеку, то защитнику — как и врачу — возбраняется. Детские годы нашего героя, его учеба, первые приключения на адвокатском поприще выписаны неторопливо, обстоятельно, с любовью к колоритным деталям, но чем ближе мемуарист подступает к новейшим временам, тем он аккуратнее в нюансах, осмотрительнее в характеристиках персонажей и скупее в эмоциях. О маминых котлетах — пожалуйста, во всех тонкостях; о своей исторической бороде — без малейшей утайки; о том, как он героически завоевывал свою будущую жену, — с самыми трогательными подробностями. Зато когда дело доходит до известных знакомцев или клиентов, автор предпочитает пораньше притормозить, задержать дыхание и поставить многоточие. Он скорее отведет целую главу «вневременному» юридическому эссе «Оговор и самооговор», чем углубится в детали давным-давно закрытого уголовного дела о левых концертах, куда ретивые прокуроры пытались впутать Владимира Высоцкого. Адвокат победил — остальное за скобками.

Верный кодексу адвокатской этики, мемуарист тщательно ограждает privacy своих клиентов, подчас ограничиваясь фактами, хорошо знакомыми по газетным статьям, не более того. И даже если какой-нибудь из его клиентов уже осужден (например, Михаил Ходорковский) или вовсе в могиле (Вячеслав Иваньков, он же Япончик), адвокат будет хранить конфиденциальность — пусть и в ущерб занимательности. Понятно, что, если бы мемуарист рассказал все, о чем осведомлен по долгу службы, книга стала бы сенсацией и разошлась миллионным тиражом. Но тогда Генрих Падва не был бы Генрихом Падвой.

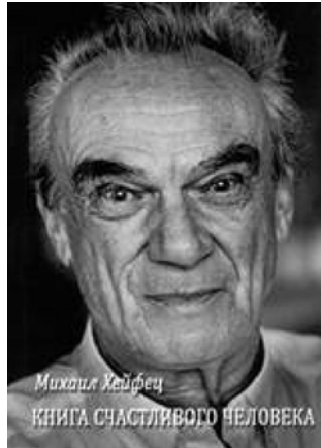
Евгений Акимов

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ

Ì ÈÕÀÈË ÕÁÉÕÁÖ

ÊÍ ÈÄÄ Ñ×ÄÑÒËËÄÍÄÍ ×ÄËÍÄÄËÄ

ÕÄÜËÍÄ: ÍÄÄÄ ËÐÄËÍ È, 2010 — 308 ñ

Ярлык «исповедь» не клеится к этим иронично-метким воспоминаниям о советском прошлом, которое закончилось для автора 8 марта 1980 года в аэропорту Пулково. Как-то удалось обойтись без самолюбования, назидательности и пафоса борьбы, омрачающих порой мемуары экс-диссидентов. И впрямь книга счастливого (читай — не брюзжащего) человека. Без панибратской фамильярности рассказывающего о встречах с теми, чьи имена Word не выделяет красным — Борисом Стругацким, Иосифом Бродским, Алексеем Германом и др. (и какими др.!)... Людьми, не иконами.

О себе — тоже без лака и позы. Иногда разводя руками — как не пришел на суд над Бродским, испугавшись, что не сдержится, ляпнет лишнее: «словом, что отговариваться — побоялся». Впрочем, «вину» эту Хейфец искупил сполна, отмотав четыре года в зоне за предисловие к самиздатскому собранию сочинений поэта.

Как счетчик, мелькают годы. 1967-й, когда «Шестидневная война обратила на Израиль надежды миллионов масс советско-еврейского мещанства, того самого большинства, которое в упор не видели ни власть, ни сионисты (они эту массу как раз отчаянно идеализировали)». 1968-й, когда уже относительно известный литератор пристально следил за Пражской весной, искренне радуясь успехам «подлинного социализма» и оставаясь «все тем же наивным и благодушно настроенным карасем, каким слыл всю жизнь». Брожение, споры, настроения вроде: «Мы их освободили, а они...» — на что некий интеллигент замечает: «Ну, положим, ты спас девушку от изнасилования... Значит ли это, что ты можешь насилловать ее до конца жизни?»

Это было началом распада. И все-таки в скорый (по меркам истории) конец империи не верилось, и начинающий антисоветчик не согласился с Амальриком, прочитав его «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Стругацкий был более оптимистичен: «Мишка, а я надеюсь на экономику...»

Новые горизонты не всегда впечатляли: «Голос Израиля» оказался на удивление говенной радиостудией <...>, напоминавшей какой-то советский “Маяк” — восхваление всего местного, абсолютное равнодушие к сложным, тем паче мировым проблемам». Да и на знакомых диссидентов автор исторических романов Хейфец глядел исподлобья — слишком напоминали они ему интеллигентов-разночинцев XIX века. Мужественных, свободолюбивых, страстных борцов за «светлые идеалы» — но совершенно бесполезных у руля государства.

ПАРУ СЛОВ О ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Ἀἰὶ δᾶέε × ἐνὸβῆτᾶ

Ἴ ὕòéíèæèá: αἰδῖα̃ è πᾶίᾶ̃

Ἴ.: Ὀαί òð éí èæ̃ Δαῖτῖ èί ἱ, 2011. — 416 ἡ

Автор книги «Пятикнижие: дорога к свободе», православный священник Георгий Чистяков (1953–2007), сочетал церковное служение с научной и преподавательской деятельностью. Блестящий человек, прекрасный проповедник, он был одной из знаковых фигур в среде московской либеральной православной интеллигенции. Его книга представляет собой цикл комментирующих Пятикнижие проповедей, прочитанных на христианском радио «София». Книга издана уже после смерти автора.

Оставляя в стороне содержание комментариев, хочу остановиться на некоторых особенностях герменевтики.

Автор и в проповеди остается филологом, внимательным к слову, притом, что важно, — к слову оригинала, к которому он обращается неоднократно. Сравнивает русский, греческий и еврейский текст. Разумеется, он включается здесь в давнюю традицию православной филологической экзегезы. Достаточно вспомнить «Столп и утверждение истины», в значительной мере построенный на таком анализе. Но и Павел Флоренский опирался на уже существовавшую традицию. Важно тут вот что. Одно дело — богословские ученые штудии, по самой своей природе адресованные узкому кругу, иное дело — проповедь, тем более радиопроповедь, рассчитанная на относительно широкую аудиторию.

В христианстве существует спектр мнений по поводу связки «иудаизм — библейский текст».

В рамках концепции, на Западе более или менее отошедшей в прошлое, евреи умеют прочесть текст, но не в состоянии понять его истинный смысл. Поскольку Всевышний ожесточил их сердца и заслонил глаза. В церковной средневековой иконографии популярен сюжет, где женщина — аллегория синагоги — изображается с повязкой на глазах. Таким образом, у евреев можно учиться читать оригинальный текст, но его правильная интерпретация — привилегия христиан.

Существует иная концепция, согласно которой Септуагинта (греческий перевод, послуживший основой для славянского) обладает большей аутентичностью и святостью, нежели оригинал. В одном из изводов этой концепции, уже совершенно безумном, но до сих пор имеющем хождение, еврейский текст предстает намеренно (по злобе иудейской) фальсифицированным, так что обращение к нему теряет всякий смысл.

И наконец, третья концепция, согласно которой еврейский текст обладает святостью, а еврейская экзегеза может быть важна и конструктивна. Что, разумеется, не означает автоматического совпадения в понимании. Еврейская Библия вписана в иудаизме и в христианстве в разные контексты,

поэтому она прочитывается по-разному, но при значительном поле совпадений. На таких позициях стоит Георгий Чистяков, который не ограничивается филологическим анализом, но ссылается также на учителей Талмуда, на их толкование текста. Таких ссылок в книге немного, но они есть.

Здесь автор также включается в существующую уже традицию. Скажем, в Толковой Библии Лопухина — самом фундаментальном православном комментаторском труде на русском языке, посвященном Библии, — есть отдельные ссылки на еврейскую экзегезу, причем не полемически, а вполне нейтрально. Но к лопухинской Библии обращаются все-таки главным образом профессионалы — книга Георгия Чистякова адресована многим.

Иудео-христианский диалог, проходящий на конференциях, семинарах, круглых столах, — дело, несомненно, хорошее, если он, конечно, не вырождается в рутину заинтересованных профессиональных диалогистов и держателей грантов. Но гораздо важнее, что происходит в головах обыкновенных людей разной религиозной принадлежности. Удастся ли им, не изменяя собственным позициям, не релятивизируя их, с доброжелательным, лишенным тени враждебности интересом относиться к взглядам людей, не разделяющих их веры?

У автора книги «Пятикнижие: дорога к свободе» это определенно получалось. И получалось передавать это свое отношение прихожанам, слушателям, читателям.

Общество, в котором мы живем, в этом нуждается.

Даже если об этом не догадывается.

Ī ēōāēē Āīōāēē

ЕВРЕЙСКИЙ РЕНЕССАНС

Èðèíà Ì àè

Á óèèùù á Ááí ðáèú Ááí áèèè «Ì èí èíí» ìíáàè ì òí-èó ìáí íáí á ì áíú ìíðáèèá Òà, ááá ááðíé çáííèè á Òáèáàè, á ìííááàè á Òáèú Ááèá Æ ó-èèáùù á óèíèá íáí áè íá Èçðáèèù èáçáèíú í íá ááðòíí ìí áèííòè — á ìòðáíá, ááá í á ááðáèíèíá áúè í áèííááí òí òáèèù úé çáí ðáò.

На моей памяти в СССР не было и еврейской культуры, даже фрагмент колыбельной из «Цирка», с Михоэлсом и Зускиным, был изъят из фильма и лишь в 1980-х возвращен.

Потому первые же перестроечные попытки вернуть на сцену клезмерские шлягеры, при всей своей претенциозности, радовали. Спектакли вновь созданного еврейского театра никто не ругал, хотя стоило бы. Казалось, иначе и быть не может: есть искусство, а есть — еврейское искусство. И вместе им не сойтись, пока на восторженную риторику нас провоцирует сама тема.

У нас не было осязаемого еврейского прошлого. Но будущее, как оказалось, было. И наступило сейчас. Столичные театры делают спектакли по произведениям Исаака Башевиса Зингера, и мы не удивляемся факту их постановки, а оцениваем трактовку и мизансцены. Не цепляясь за узнаваемые детали, режиссеры расправляются с еврейским сюжетом, как с любым другим. Когда лет 10 назад тель-авивский театр Гешер показал во МХАТе «Деревушку», многие театральные критики были потрясены: им, насмотренным гурманам, было что смотреть. На нас хлынул поток еврейской классики. Вспомнили о «Жидовке» Галеви, одной из известнейших французских опер, и «Коль нидрей» Макса Бруха — вещи не менее знаменитой среди меломанов, чем его блестящий Первый концерт. О поставленном Сергеем Радловым «Короле Лире», который дорог нам не только тем, что в нем гениально играл Михоэлс (и этот образ явно довлел над Юри Ярветом, когда тот играл своего Лира в фильме Козинцева), но и тем, что это было новое слово в театре. Перебирая в памяти рассказы очевидцев, я больше всего поражаюсь, что Регане художник Тышлер придумал зеленые волосы — в 1935 году!

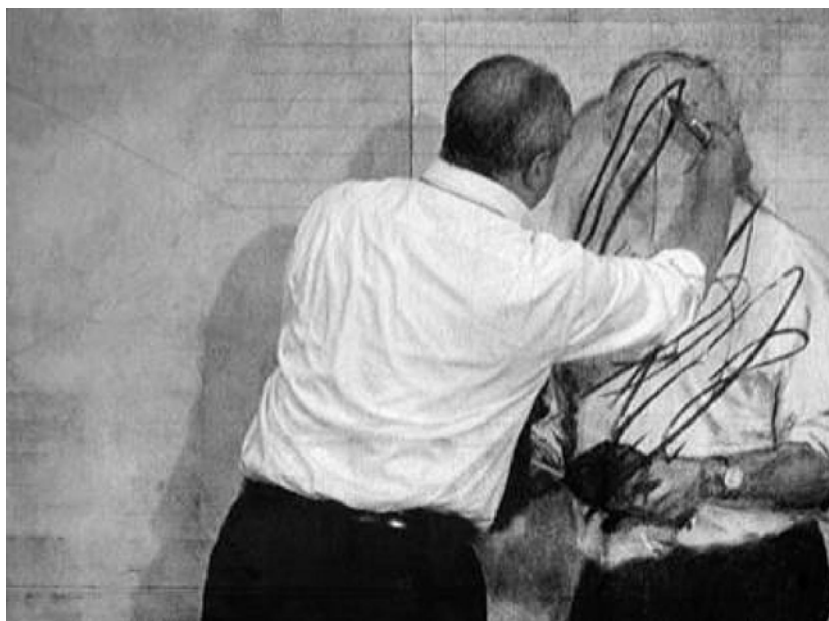
Пора об этом вспомнить. Еврейское искусство снова живет — как и еврейская тема в искусстве. В мире, в России, на страницах журнала «Лехаим». Как все обсуждали «Бесславных ублюдков» — разве можно позволять себе вольный взгляд на Холокост? Можно. У художника всегда вольный взгляд. А кому этого мало — есть «Серьезный человек» братьев Козн. И Вуди Аллен. И Меира Шалева читают не потому,

что еврейский писатель, а потому что мировая литература. Ее важная часть, хвалить или ругать которую можно не с национальных позиций, а с профессиональных, она того стоит. Это стало нормой жизни. Двадцать лет назад я не смела о таком и мечтать.

КОНТРАКТ РИСОВАЛЬЩИКА

Жанна Васильева

Выставка «Уильям Кентридж. Пять тем», которую куратор Марк Розенталь сделал в 2009-м для Музея современного искусства в Сан-Франциско и Музея искусств Нортон, за пару лет была показана в крупнейших музеях мира. Приезд в Москву изначально не планировался. «Гараж» смог организовать не только показ этого мирового выставочного хита в Москве, но и перформанс самого художника, который стал специальным гостем 4-й Московской международной биеннале современного искусства.

*Οέεϋϋι Έάι όδεάε. Ίάεέει άϋ ίί-είέα (εάδδι). Ές ίδίαεόά «7 όδδαι άί όίά Έίδεά Ί άέϋάιη». 2003
ãä Níáδái éä öóúíείέέä. Courtesy Marian Goodman Gallery, Ίψ-Έίδé; Goodman Gallery, Έίόái ίάίόόä*

Ί ΊΈΈÒÈÈÀ? ΥÒΊ Ί×ÁΊ ÛËË×Ί ΊÁ

Уильям Кентридж, художник из ЮАР, заставил говорить о себе в середине 1990-х, после того, как сделал серию небольших анимационных фильмов «9 рисунков для проекции». Первый из них, 1989 года, назывался «Йоханнесбург, 2-й величайший город после Парижа», а последний, своего рода постскриптум к предыдущим девяти, «Расписание приливов и отливов», возник в 2003-м. В этих фильмах сюжет, кстати вполне условный, вертелся вокруг отношений в любовном треугольнике, участниками которого оказались Сохо Экштейн, владелец шахт, словно сошедший в своем костюме в полоску со страниц сатирических рисунков про капиталистов, его супруга и Феликс Тейтельбаум, персонаж романтический, ранимый, пленник города и любви. Но отнюдь не любовная драма сделала эту анимацию хитом «Документы» в Касселе (1997 и 2003), на выставках МоМА (1998) etc. Завораживал рисунок, головокружительные трансформации которого и становились главным сюжетом. И конечно, то, как повседневность насилия и хладнокровной жестокости апартеида, сцены которой выглядели случайными спутниками лирической драмы, сгущались, постепенно превращая фон фильма в его содержание.

С тех пор за Кентриджем прочно закрепилась слава политического художника. В его творчестве любят обнаруживать продолжение традиций Оноре Домье, Франциско Гойя, Уильяма Хогарта и других виртуозов сатирической графики, не говоря уж о немецких экспрессионистах. С другой стороны, работы его трудно представить в качестве иллюстраций или карикатур в газете. В одном из интервью Кентридж рассказывал о конфузе, приключившемся в середине 1980-х, когда южноафриканский еженедельник «Уикли мэйл» попросил его сделать серию комиксов для своих первых выпусков. После выхода первых шести номеров газета и художник расстались «с чувством взаимного облегчения». Художнику этот опыт не показался увлекательным, поскольку на первый план выходит иллюстрация идеи. «Моя работа вовлечена в социальный и политический контекст, но он входит в нее постепенно, в ходе рисования, — рассказывал Кентридж. — Я могу начать, имея в виду политику, а закончить рисунком пустого стула в моей студии. И наоборот. Газета, как и карикатура в ней, должна быть однозначной и ясной. Мои рисунки обыкновенно не могут похвастаться ни тем ни другим. В них выражены, конечно, политические взгляды, но мои работы очень личные».

Под «личным» подразумеваются не только детали, скажем, семейной истории. Хотя, рассказывая о фильме «Расписание приливов и отливов», Кентридж упомянул, что прообразом пожилого господина, сидящего с газетой в костюме (разумеется, в полоску) на складном стуле на песчаном пляже, стал его дедушка, чья фотография была в семейном альбоме. А толчком к образу женщины, гуляющей с ребенком на пляже, стали воспоминания о собственной няне. Более того, многие не без оснований усматривают в образах Сохо и Феликса черты портретного сходства с художником. Он, кстати, и не отрицает, что эти антагонисты-двойники, порой раздражающие — один бесчувствием, другой слабостью, годятся на роль его альтер эго. Но при этом имена героев его анимации Сохо Экштейна и Феликса Тейтельбаума что-то вроде «найденных объектов». Фамилия Экштейна, по словам Кентриджа, одна из известных в Йоханнесбурге: есть улица Экштейна, а зоопарк назвали Парком Германа Экштейна. Что касается Тейтельбаума, то так звали персонажа одного из романов Сола Беллоу.

Но дело не только в автобиографичности и даже автопортретности персонажей. Скорее — в том мощном лирическом потоке, в который увлекают зрителей фильмы Кентриджа. Драмы и трагедии политической истории оказываются частью «приливов и отливов» жизни. Череда волн океана, набегающих на песчаный берег Африки, задает ритм, в котором любое событие кажется повтором или цитатой вечности. Ребенок, гуляющий по берегу с няней, коровы, возникающие неведь откуда, чтобы отправиться на бойню, негры, которых очередной пастырь крестит в океане, и вместо парок судьбы — генералы, наблюдающие в бинокль с балкона за жизнью внизу. Иногда кажется, что экзистенциальная тема гораздо ближе художнику, чем политическая или социальная. Впрочем, для него они связаны прочными узами. Правда, не всегда очевидными. К примеру, упоминание Кентриджем темы СПИДа в тех же «Расписаниях приливов и отливов» способно поставить в тупик. Оказывается, художник собирался использовать для фильма песню о СПИДе конголезского музыканта Франко, умершего от болезни века в 1984-м. В контексте этой песни весь ритм прибой и рисунки приобрели бы четкую трагическую окраску. Но уже в ходе работы Кентридж изменил музыку, выбрав ту, где были мягкость, бесконечное движение вперед, теплота гитары и аккордеона. В результате тема «преждевременной смерти», как ее определил художник, растворена в фильме. Она стала ее атмосферой, придав череде картинок мирной повседневности привкус прощальной печали, любви, сожаления.

Étòáí í àíáóóá 2-é ààè-àéóéé à òíá í òíéá Í àðèèà (òèíí íé óááí é àíèì àòèíííí ó óééíí ó). 1989 àá Ñíáðáí èá òóáíæí èéà. Courtesy Marian Goodman Gallery, Í úþ-Éíðè; Goodman Gallery, Étòáí í àíáóóá

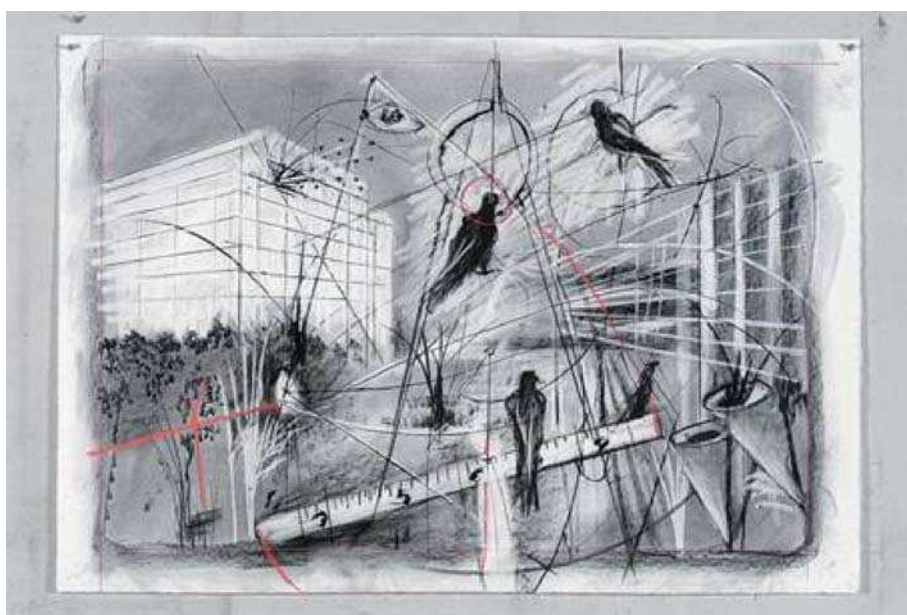
Í ðÍ ÙÁÍ ÈÁ Ñ ÇÁÐÀÑÒÐÍ

Это растворение политической и социальной тем в экзистенциальной, лирической стихии фильмов Кенриджа, похоже, имеет своей причиной не только характер его дарования. Для любого карикатуриста или политического сатирика объект, которому адресованы инвективы, всегда вовне. Для Кенриджа политический гротеск неразрывно связан с внутренним разломом, мучительным чувством вины. Не случайно его альтер эго явилось в парочке — Сохо и Феликсе, заставляющих вспомнить любовь к двойникам европейских романтиков. Но надрыв, боль и растерянность, беспомощность и давящее чувство вины — еще и оборотная сторона «бремени белого человека», воспетого Киплингем. Это бремя не столько цивилизации, сколько колонизации, в том числе и Африки.

Для Кенриджа эта историческая драма уходит корнями в эпоху Просвещения. В проекте «Волшебная флейта», возникшем как ответвление-развитие постановки оперы Моцарта для Королевского оперного театра Ла Монне в Брюсселе, эти связи отчетливы. Путешествие к мудрости и желание принести свет цивилизации на Черный континент оборачивается то и дело кровавой бойней. Три части проекта, представленные в одном случае проекцией на черную школьную доску, в другом — театром марионеток, в третьем — «черным ящиком», фактически отсылают к трем медиа цивилизации. Письму-образованию, театру-развлечению, фотоаппарату-кинокамере... А «Черный ящик» напоминает о колониальной войне 1904 года, почти полностью уничтожившей племя гереро в Намибии. Черепа поверженных врагов отправлялись

цивилизованным ученым в Германию — для подтверждения теории расового превосходства. Циркуль в роли героя, Моцарт, оркестрованный в стиле немецких маршей, становятся апофеозом трагедии.

Но проблема не исчерпывается памятью о прошлом. Не только апартеид, дитя колонизации, обнаруживает предков в век Просвещения, но и борьба с ним, надежда на устройство общества на разумных гуманных началах. Иначе говоря, для Кендриджа вся культура позднего модернизма, в том числе авангарда начала XX века, который для Запада неразрывно связан с политикой и утопией преобразования мира, окрашена трагическим светом. При этом искусство авангарда ему явно близко. Например, Марк Розенталь упоминает скульптуру «Четыре бумажные головы», на которой написаны строки Маяковского. А семье Кендриджа не чужды были «утопические», левые взгляды. Отец его был знаменитым в ЮАР адвокатом, прославившимся защитой борцов с апартеидом. Понятно, что для еврейской семьи, предки которой были родом из Литвы и Германии (в одном из интервью упоминается также и Россия), тема защиты от преследований не была пустым звуком. Уже этого было достаточно, чтобы ощутить себя «другим» в мире белых в ЮАР. Вдобавок он и его близкие были иудеями в сообществе, большая часть которого называла себя христианским. С таким бэкграундом он не мог не интересоваться политикой. Поразительно не это. Впечатляет, что этический императив «служения» настолько для него важен, что он заявляет в 1981 году: «Я не имею права быть художником».

Deññí íé é ñíáà Ì ñòàòà «Áíëóáííäý òëáéòà». 2004-2005 ñíáù. Ñíáàáí éá òóáííæí èèà. Courtesy Marian Goodman Gallery, Í úþ-Éíðé; Goodman Gallery, Éíòáí í áñíóðá

Í ÁÁÄÈÍ Á Ñ «Í Í ÑÍ Í »

По сути, это тот же вопрос, что прозвучал у Теодора Адорно, спрашивавшего, о какой поэзии можно говорить после Освенцима. Надо сказать, что Кендридж честно пытался «бежать» и поэзии, и живописи. Тем более что с последней возникли проблемы. Он рисовал всю сознательную жизнь, но все ожидали от него перехода к живописи. Ну, не картин маслом, но «настоящего» произведения. Дядюшка на бар мицву подарил ему масляные краски. Уильям старательно написал несколько натюрмортов, но в целом был обескуражен. Краски мало что говорили его душе. Они были чужим инструментом. В результате, все взвесив, он решил отказаться от карьеры художника. И — поступил на отделение политических наук и африканистики в университет Йоханнесбурга. Он слушал курсы несколько лет, попутно сотрудничая с театральной труппой, работавшей в стилистике Брехта и сосредоточившей внимание на абсурде апартеида. Дело кончилось тем, что он решил стать актером. И отправился в Париж в театральную школу Жана Лекока.

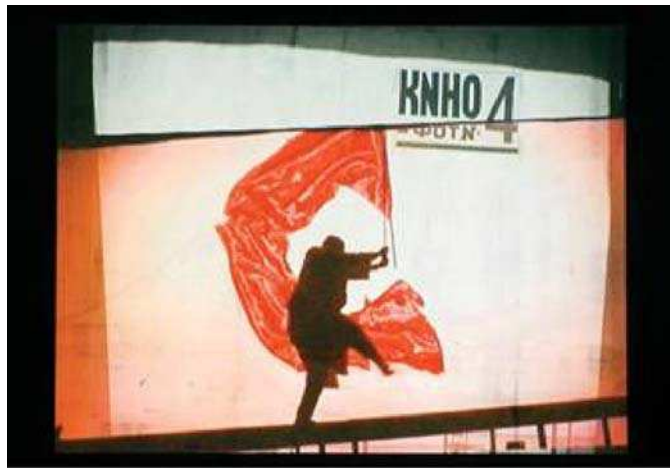
Позже Кендридж полушутя скажет, что его путь был чередой неудач и у него просто не осталось иного пути, кроме как заняться графикой. Но каждая его неудача впоследствии пригодилась ему. Когда он, наконец, сооружает себе мастерскую, то вешает огромные листы бумаги на стену и вспоминает об угле, которым рисовал в детстве. Позже появляется камера, чтобы зафиксировать изменения в рисунке. Он рисует, снимает, стирает, рисует и вновь снимает... В четыре секунды фильма может вместиться сотня

изменений. Кенридж говорит, что это «хождение» между листом и камерой очень пригождается: «Новые идеи и образы предлагают сами себя».

В отличие от кинематографистов, которые рисуют «ленту» движений персонажей, Кенридж вносит изменения в тот же лист. Фактически художник видит всегда только один кадр, но никогда не знает, какой фильм у него получится. Неизвестность целого сродни неведомому будущему, в котором «расписание приливов и отливов» не отменяет появления цунами.

*Άν Άαεε: ανο αν Ι ιν Οδαα αι ο ει πο αεεγυοεε «Β ί α γ, ε ελθααυ ί α ι γυ». 2008 αν
Νι αδαί εα οοαί αεί εεα. Courtesy Marian Goodman Gallery, Ι ιψ-Εί δε; Goodman Gallery, Εί οαί ί αιν οοα*

*Ádàí yí óṣẹ̀ṣẹ̀ à Òdàáí àí ò èí nò àṣẹ̀yòèè «B íá y, è èí ṣááú í á í y». 2008 à à
 Ñí ádàí èá ṣááí à èí èèá. Courtesy Marian Goodman Gallery, Í íṣ-Èí òè; Goodman Gallery,
 Èí ṣááí í ááááá*

От этого движения внутри студии — шаг до перформанса, который возникает вначале как часть фильма, а затем как отдельная работа. В Москве он показал перформанс «Я не я, и лошадь не моя», возникший в ходе постановки оперы «Нос» Шостаковича в Метрополитен-опера (2010). Кенридж умудрился объединить повесть Гоголя и оперу со стенограммой пленума ВКП (б) от 26 февраля 1937 года, на котором Николай Бухарин пытался объяснить с бывшими товарищами по партии. Документальные кадры 1930-х годов — с театром теней и анимацией, где использованы супрематические и конструктивистские образы. В повести «Нос» Кенридж находит ключ если не к советской истории, то, по крайней мере, к истории партии. Два сюжетных мотива: отделение части от целого (носа от лица) и иерархия бюрократии, которая заставляет майора Ковалева робеть и мяться перед собственным Носом, потому что тот оказался в генеральском чине, — выделены Кенриджем с изумительным изяществом и структуралистской четкостью. Как заметит художник, «только абсурд, кажется, может описать эту реальность».

Впрочем, само по себе сближение прозы Гоголя (Кафки, Беккета) с былью, тем более нашего, отечественного розлива, мало кого удивит. Но Кенридж смог увидеть в коллежском асессоре Ковалеве не просто «маленького человека», а... собрата по несчастью. Он использовал гоголевскую прозу как шанс для исповеди. В исполнении Кенриджа она обретает лирическую пронзительность, которую он корректирует комическими деталями перформанса. Его alter ego (возникающее как проекция на экране) ожесточенно разбрасывает листы приготовленной речи, которую лектор на сцене рачительно подбирает. Он ворочается в постели, в четыре часа ночи обдумывая будущую лекцию (ту самую, с которой автор выступает). Перформанс как бы расширяет временные и пространственные рамки, он норовит из публичного пространства соскользнуть в приватное, колеблется между строгой структурой мысли и сопутствующими переживаниями, желаниями, идеями. Важный герой-лектор того и гляди обернется клоуном.

Но ошибется тот, кто примет текст растерянного лектора-клоуна за «чепуху». Кенридж связывает сюжет «Носа» со схожим мотивом в романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама

Шенди», перевод на русский которого появился незадолго до написания Гоголем «Носа». А Стерн, по убеждению Кендриджа, черпал вдохновение в одном из эпизодов «Дон Кихота». Сюжет «бродячего» носа сам оказывается бродячим. Но главное — для Кендриджа важно обозначить «предел понимания» как точку встречи внутреннего «я» и мира. И как отправную точку для появления искусства.

ВЕРНИСАЖИ, ВЫСТАВКИ, МУЗЕИ

ΕΙΣΕΛΘΕΤΕ ΕΙΣ ΤΟ ΜΟΥΣΕΟΝ ΤΟΥ ΕΙΣΑΓΩΓΕΤΕ ΤΑ ΕΡΓΑ ΤΩΝ

Εισεῖτε εἰς τὸ μουσεῖον. Ὑδρὸς ἐὸς αὐτῆς τῆς οὐραίας 1841 ἡ ἡ

ἡ οὐραία Ἀσπὴν οὐραία ἡ εἰσελθετε εἰς τὸ μουσεῖον

Собственно, это не специальная выставка, но из числа тех, что в западных музеях называются «в фокусе внимания». Незадолго до смерти галерист Джастин Танхаузер (1892–1976) передал музею Гуггенхайма свою коллекцию — ту, что собирал сам и что осталась от галереи его отца, известного пропагандиста модерна. Выходец из знаменитой в XVII–XIX веках еврейской общины в швабском местечке Мёнхсдегинген, Генрих Танхаузер (1859–1934) учился на портного, но в итоге стал одним из крупнейших арт-деятели эпохи. Свою первую галерею, открытую в Мюнхене в 1904 году, он так и назвал: «Moderne Galerie». Танхаузер-старший показывал итальянских футуристов, дружил с членами основанной в Мюнхене Кандинским и Явленским экспрессионистской группы «Синий всадник», был близок с семьей Ван Гога, организовал первую по-настоящему важную выставку Пикассо. После прихода к власти нацистов все запасы его галереи были конфискованы, а сам Танхаузер, пытавшийся бежать из страны, умер на немецко-швейцарской границе. Его сын открыл в Париже новую галерею, но после оккупации Франции ее постигла та же участь. И лишь в Нью-Йорке дела Танхаузера-младшего стабилизировались и окончательно пошли на лад.

В итоге Гуггенхайму досталось немало сокровищ, от Сезанна и Моне до Ренуара и Гогена. Дару Танхаузера выделен специальный зал, переданные им работы будут доступны для публики всегда.

***ÑÀÒÀ ÁÀÈÈÖÈÈÈ. ÄÄÐÄÄÄÍÄÐ ÛÈÄ
×ÄÈÈÍÄÑÈÈÈ, ÈÄÐÒÈÍ ÍÄÐ ÁÄÈÄÐÄÐ, äì 31.12.2011ä***

ÑÀÒÀ ÁÀÈÈÖÈÈÈ. ÍÄÍ ÿÒÈ ÑÈÐÄÄÄÄ. 2010 ää

Руководимый Маратом Гельманом Пермский музей современного искусства проводит выставки не только в собственном здании Речного вокзала в Перми, но и за пределами губернской столицы. Одна из них открыта в городе Чайковском, расположенном на границе Пермского края с Удмуртией и Башкирией. Местная картинная галерея, основанная на даре коллекционера А. С. Жигалко, знаменита своим собранием, в котором есть и Тропинин, и Айвазовский, и Осип Браз.

Идея выставки уехавшего в 1990 году в Израиль Саши Галицкого состоит из пронзительных записей из дневника, видео, инсталляций и живописи. Она возникла из занятий резьбой по дереву, которые художник ведет в восьми домах престарелых в Израиле. Его ученикам от 80 до 98 лет. На занятиях он много разговаривает со стариками. В качестве пресс-релиза к выставке в Интернете выложен следующий текст Галицкого (его невозможно не процитировать): «Сами работы моих деревенеющих стариков не представляют ценности. Все или почти все старики перед смертью начинают “творить”. <...> Переворот происходит, когда ты видишь деревяшку, поскребанную человеком, о котором тебе известно:

- что ему за девяносто;
  - что он перенес два инсульта и все равно приходит к тебе и иногда на своих ногах;
  - что он не знает, как вернуться в свою квартиру обратно после занятий, и поэтому его забирает жена;
  - что у его отца в Польше была столярка, он с детства помнит запах сосновой стружки и поэтому вообще пришел к тебе на урок;
  - что, когда он был в турецкой армии, еще до второй мировой, его товарищи по оружию совокуплялись с ослицами, а может, и он сам, но молчит;
  - что, когда он решил убежать в Палестину в 1936-м или 1937-м, его мама сказала: “Теперь у меня нет сына”, а потом их всех сожгли в Польше в концлагерях;
  - что он сам прошел через лагеря смерти и у него с детства вытатуирован порядковый номер на руке;
  - что он был контужен во время своего первого боя на Синае в 1956 году и у него отнялись руки;
  - что он полжизни провел на операционных столах, а сейчас приходит ко мне на занятия, скребет по деревяшке и рассказывает одни и те же анекдоты по десять раз;
  - что после операции по удалению раковой опухоли он спросил врача, сможет ли он продолжать стучать по деревяшке;
  - что сейчас он не помнит, даже какой месяц на дворе — август или ноябрь;
  - что я смеюсь над ним и вместе с ним на занятиях.
- И тогда все увиденное приобретает совсем другой смысл.
И вся эта правда, как я ее вижу, когда смотрю на них и когда я живу их жизнью, становится искусством».

Одновременно в Музее Израиля в Иерусалиме до конца декабря проходит выставка «Опыт страны чудес: Саша Галицкий после Геннадия Калиновского», посвященная творчеству двух художников (ушедший пять лет назад Калиновский известен своими многочисленными иллюстрациями к сказкам Кэрролла, а также опубликованными в 2001 году иллюстрациями к «Мастеру и Маргарите»).

«ÀÐÒ-Ì ÀÍÁÆ»
Ì ÎÑÊÁÀ, Ì ÀÍÁÆ, ñ1 ìî 4.12.2011ã

Ààðõõ Ñàéõõãã Ààõõõ 2008 ãã

Ààéããã STG ART Ààðõõ Ñàéõõãã

Àíãã. 2010 ãã Ààéããã STG ART

Одна из крупнейших в России ярмарок современного искусства собрала в этом году 60 галерей. Среди выставленных авторов — Оскар Рабин и Эрнст Неизвестный, художники петербургской школы Владимира Стерлигова. Отдельно стоит упомянуть и мастеров наивного искусства — Леонида Пурьгина и Михаила Лобанова. Сразу в двух проектах участвует молодой, но уже знаменитый Миша Левин — его картины представлены на центральной выставке «Арт-Манеж», «Конфигурация Человека», их показывает и коллекционер Михаил Алшибая. Среди зарубежных участников — болгары и итальянцы, а также галерея из Израиля «STG ART», уже не в первый раз приезжающая в Москву. На нынешней ярмарке она покажет, в частности, работы скульптора Баруха Сакциера.

ΝΟΤΙΒ ΔΑΔΙ ΕΡ ΟΕΡ. ΝΙ ΑΑ ΟΝΕΙΑ ΕΝΕΟΝΝΟΑΙ Ε ΑΔΩΕΟΑΕΟΟΔΑ, 1915-1935
ΕΙ ΤΑΙ Τ, ΕΙ ΔΙ ΕΑΝΕΑΒ ΑΕΑΑΑΙ ΕΒ ΕΝΕΟΝΝΟΑ, αι 22.01.2012

Ατι Ι αειεεεεα. Οαηα Εε εεεεεεε Ι. Α. Εεεεεεε 1931 αι Ι αεεε εεεεεεε εε. Υεεεεεε

Изначально выставка задумывалась как ретроспектива Эля Лисицкого на фоне его эпохи, но в итоге получился панорамный рассказ о мастерах архитектуры и художниках-визионерах, много надежд связывавших с революционным будущим в России. Причем героями проекта стали не только соотечественники Лисицкого Казимир Малевич и Любовь Попова, Владимир Татлин и Моисей Гинзбург, но и иностранцы, чье влияние на европейскую архитектурно-утопическую мысль было решающим: Ле Корбюзье и Эрих Мендельсон (1887–1953). Последний известен, в частности, своими проектами для ленинградской трикотажной фабрики «Красное знамя» (1925) московского Дворца Советов (1932). После эмиграции из Германии Мендельсон в 1934–1939 годах жил и работал в Эрец-Исраэль, строил в Иерусалиме и Реховоте, после чего уехал в Америку.

Выставка организована совместно с коллекцией Костаки, хранящейся в Тессалониках, в ее подготовке участвовал и Московский музей архитектуры имени Щусева.

Αεεεεεε Ι εεεεεεε

скорости. А у Марка была отличная «Волга»: мотор собирали специально для него. И вот на Садовом кольце его караулила машина ГАИ. Его остановили, заявили, что со скоростью 100 километров в час ездить нельзя. Он их послал. И, кажется, в «Комсомолке» появился фельетон.

ЕА Была же еще статья композитора Свиридова «Искоренять пошлость в музыке».

АД А в то время статья в центральной прессе — это сигнал, за которым следуют оргвыводы. После этого Бернеса почти не выпускали на эстраду и года полтора-два вычеркивали из всех правительственных концертов..

ЕА Марку Наумовичу вредило его еврейское происхождение?

АД Начальство всегда помнило who is who. Но в кино Бернес играл героев, снялся в фильме «Два бойца», спел «Шаланды, полные кефали» и «Темную ночь» Богословского, которые страна полюбила именно в его исполнении, — что тут можно было сделать. При этом еврейство его было очень заметно. Меня, например, Марк называл «фарцеватор». Я был молодой, у меня было много концертов, я делал аранжировки, времени не хватало. И как-то Марк говорит, что надо ехать, скажем, во Львов. А я вычисляю, какие дни у меня свободны. Сейчас все артисты так живут, концерты расписаны на годы вперед, но в СССР так не было.

ЕА Известно, что Марк Наумович и сам был вполне деловым человеком.

АД Конечно. Не знаю, хорошо ли сейчас об этом вспоминать, но, участвуя в больших концертах, особенно если их устраивали какие-то райкомовские люди, он всегда требовал, чтобы деньги за выступление ему давали перед началом в конверте.

ЕА Не вижу в этом ничего зазорного. Нам навязывают мифы о советской эпохе, когда якобы все прилично зарабатывали. Мы-то помним, как все было.

АД Совсем немного платили. За концерт от силы две-три ставки, а у Марка ставка была, наверное, рублей 16. И надо было ждать, пока оформят документы и бухгалтерия перечислит. А он не любил ходить и просить. И на его условия обычно шли. Была такая история... Звонит мне как-то приятельница по имени Розетта и просит уговорить Бернеса выступить на концерте в Клубе МВД. Концерт для ЦК ВЛКСМ, и они очень хотят его видеть. Я звоню ему. Он отвечает: «Эти комсомольцы все жулики и фашисты, они потом не заплатят. Скажи, что я хочу выступить первым номером и чтобы заплатили перед началом...» Они согласились. А перед концертом — заседание, как полагается. Стоит большой стол, сидят начальники, кто-то из космонавтов. Розетта говорит: «Минут через 15 закончится заседание, и сразу концерт». «Вы не забыли о моем условии?» — спрашивает Марк. «Нет, — оправдывается Розетта, — но деньги у того, кто сидит во главе стола». — «Если денег не будет, на сцену не выйду». И Розетта поползла под столом к начальнику — под скатертью ее было не видно. Забрала конверт, поползла обратно и на ступеньках не удержалась, свалилась и повредила руку. Поднялся страшный крик, стали искать врача... А концерт все равно должен начаться, и Марк говорит мне: «Я сейчас уеду». А конверт сжимает в руке Розетта, которая в жуткой панике, хотя, как оказалось, ничего страшного с ней не случилось. И мне пришлось к ней подойти — она разжала руку...

ЕА История могла бы показаться некрасивой, если бы речь не шла о ЦК ВЛКСМ.

АД Именно. При этом он пел и на бесплатных концертах, и было множество шефских концертов, за которые никто не получал ни копейки.

ЕА Он был симпатичным человеком в общении?

АД Очень. Остроумный, веселый. Незадолго до нашего знакомства умерла его жена, и Марк страшно горевал. Но прошло несколько лет, он познакомился с Лилей... Был такой французский журналист Люсьен — работал, похоже, на все мировые разведки. И у него была красавица жена Лилия. Марк ее отбил.

ЕА Марк Бернес пел советские песни и в каком-то смысле олицетворял этот строй. Как он относился к нему?

АВ Всегда в ироническом ключе. Мог рассказать любой анекдот. Он действительно пел советские песни, пел их очень хорошо и очень внимательно относился к словам. Песен на плохие стихи не пел. Дружил со многими поэтами, и какие-то песни возникали по его инициативе. Например, «Журавли» Яна Френкеля. Это было последнее, что Марк записал. Когда он уже лежал в больнице и знал, что жить осталось несколько дней, мне позвонил Янчик (композитор Ян Френкель. — И. М.). У меня дома был студийный магнитофон, он сказал: «Я был у Бернеса. Думаю, я с ним попрощался. Он просил, чтобы на похоронах сыграли “Журавлей”. А у меня только на пластинке — надо переписать».

ЕАС Бернесом было комфортно на сцене?

АВ С ним было приятно в жизни. Он никогда не вел себя как звезда, не принято было. Неприлично. Как-то мы с ним ехали во Львов в двухместном купе, всю ночь он рассказывал какие-то смешные истории. А на сцене с ним было не очень комфортно — это была не совсем моя музыка. И потом, аккомпанируя, я не люблю дублировать мелодию, а Марк настаивал. Ему нужна была мелодическая поддержка, чтобы «мотивчик был сзади», и обязательно на фортепиано. Я ему: «Маркуша, вам сегодня кларнет сыграет». А он: «Нет, фортепиано, я его чувствую». Бернес же не был певцом, он был артистом. Поющим артистом. На сцене вел себя просто, ему и не надо было ничего делать — публика его знала и любила. И каждое спетое им слово было как золото.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРКЕСТР, КОТОРЫЙ СТАРШЕ СТРАНЫ

Āēāēī ēđ Ī āē

Ŋōīēēōā Ēđāēēŷ ĩāāāēēēēī çā òđē òūŷ!-ē, ā āŷāāđŊō āō ĩāāāī ĩ ūōī ā-āēē 60 ēāō. Ī ĩ-ōē āŷā āŷāđōđēōōđī ŷōāđēā ŷōđāī ŷ. «Ŋōīōōō» 82 āāā, òāāōđō «Āāēēī ā» — 83, āāōĳāūŷĳē òēđī ā «ŷāā» — 78.. Ī đēāŷōđō Ēđāēēūŷĳē òēēāđī ĩ ēē ā āēāāāā ēŷĳĳēĳāđŷŷ 75.

К моменту провозглашения Давидом Бен-Гурионом Декларации независимости государство де-факто существовало. Было и два симфонических оркестра — Иерусалимский и Тель-авивский. Иерусалимский возник на базе английской радиостанции «Voice of Jerusalem» и влачил жалкое существование. Тель-авивский по-английски называли Палестинским оркестром, на иврите — Оркестром Земли Израиля. Этот оркестр был основан великим скрипачом Брониславом Губерманом, первый концерт сыграл в декабре 1936-го и отмечает на днях юбилей.

14 мая 1948 года, в день провозглашения Декларации независимости, оркестр исполнял «А-Тикву» — гимн родившейся заново страны, а 20 ноября того же года в Беэр-Шеве Леонард Бернстайн дирижировал оркестром, уже названным Израильской филармонией. Пять тысяч солдат в пустыне слушали свой оркестр. Ленни (так Бернстайна звали здесь многие) еще за год до создания Израиля стал постоянным приглашенным дирижером и пробыл на этом посту до смерти в 1990-м. В 1970–1980-х, когда уже знаменитого Ленни буквально разрывали лучшие оркестры мира, он ежегодно и помногу дирижировал в Израиле, не беря ни шекеля гонорара! Вернее, как раз шекель и брал. Ленни давали чек и один шекель. Шекель он клал в карман, а чек возвращал на нужды оркестра.

С оркестром выступали достойнейшие, от подающих надежды до живых легенд — Рубинштейна, Шеринга... На пальцах одной руки перечислю тех, кто не выступал: Караян, Кемпф, Шварцкопф, еще пара нацистских имен... Не играли Рихтер, Гилельс, Светланов — до разрыва отношений СССР с Израилем в 1967-м не успели... Подробную историю оркестра можно взять из справочников. Живые свидетельства гораздо интереснее. Сегодня первопроходцев Израильской филармонии не осталось, но 60-летний юбилей оркестра отмечался еще в присутствии нескольких участников первого состава. С одним из них мне удалось тогда пообщаться. Шломо Бор: родился в 1910 году в Петербурге, с 1922 года в Тель-Авиве, ученик Моше Гапенко, который, в свою очередь, учился у Ауэра. («Учась у Гапенко, — говорил Бор, — я все время работал и получал “школу жизни”. Где только не приходилось играть, даже на арабской свадьбе в Яффо, где были ноты, написанные справа налево!») С 16 лет — руководитель оркестра в кинотеатре. («А когда пришло звуковое кино, все мы остались без работы и вышли на демонстрацию. Во главе шла деятельница профсоюзов Роза Коэн по прозвищу Красная Роза — мать Ицхака Рабина...») С 1930-го по 1933-й — студент Пражской академии, сокурсник будущего великого дирижера Кубелика. («На выпускном концерте я играл концерт Брамса, а он — Паганини. Когда он потом приезжал сюда, то я всегда был для

него лучшим другом...») В 1932 году в Праге Бор пришел на концерт Губермана — отсюда начался путь в будущий оркестр.

Бронислав Губерман (1882–1947) учился в Берлине, где и жил до 1933-го. С приходом Гитлера покинул страну, позже опубликовав «Открытое письмо к немецкой интеллигенции», где объяснял не только евреям, что такое нацизм. В это время он уже создавал оркестр в Тель-Авиве.

— Губерман, — рассказывает Бор, — приехал в Палестину впервые в 1929 году. Здесь уже была музыкальная жизнь. В 1925 году приезжал Хейфиц, в 1927-м — Рубинштейн. В 1932-м Губерман приехал вторично и говорил, что публике нужен хороший оркестр. В следующий приезд, в 1934-м, он уже играл с местным оркестром. А потом его пригласили в Берлин выступить с Фуртвенглером. Он отказался и решил основать оркестр международного класса в Палестине. Тогда же, в 1932-м, в Праге, я зашел к Губерману после репетиции. Макс Брод, тогда корреспондент «Прагер тагеблат» (писатель, с 1939 года до смерти в 1968-м живший в Тель-Авиве. — В. М.), представил меня и сказал, что я из Палестины. Губерман сказал: «Нам нужны будут скрипачи». Он еще не предвидел трудностей, которые ему придется преодолеть. Оркестр был создан буквально им одним. Губерман объехал много стран, собирая деньги и мороча всем голову. Хотел доказать миру, что из евреев, выброшенных нацистами, он создаст великолепный оркестр. Этим он спасал жизнь многим людям. Потом он устроил прослушивания сотен музыкантов. Конкурс был огромный. Местный оркестр был практически разрушен. Роза Коэн пробовала возразить: сначала надо трудоустроить местных, а потом уже этих, из Европы (в Тель-Авиве 1930-х годов не до конца понимали, что творится в Германии), но Губерман сказал: «В электричестве специалист Рутенберг, а в музыке — я» (Пинхас Рутенберг — основатель «Электрической компании»). Губерман дал понять Красной Розе: не вмешивайся не в свои дела. — В. М.). Он привез в Палестину 60 музыкантов из Германии, Австрии, Польши, Франции, Венгрии, Югославии. А из местных взял 12 лучших, остальные «пошли спать». Губерман боролся с англичанами за сертификаты на въезд — англичане в 1930-х годах ежегодно уменьшали квоту на въезд в Палестину. Начали строить зал, у моря. Старый выставочный сарай переделывали под концертный зал на 3000 мест. Губермана волновало все: чтобы не скрипели стулья, какой будет буфет. Он выяснял, где будут жить оркестранты и сколько это жилье стоит. Нужно было, чтобы они не переругались между собой, ведь это были ведущие музыканты лучших оркестров, и Губерман сделал в оркестре пять концертмейстеров. Нужно было составить программу на год и привезти Тосканини для первых концертов — это было важно для успеха. Подумайте, в Палестине жило всего полмиллиона человек, из них в Тель-Авиве 100 тысяч, и для них создать один из лучших в мире оркестров! Жизнь усложнялась тем, что со всех сторон стреляли арабы, что привело к переносу первого концерта с октября на декабрь.

Когда прошел слух о Тосканини, раскупили всё. Репетировал с оркестром Вильгельм Штайнберг (1899–1978; первый постоянный дирижер оркестра. — В. М.), условия были ужасные: по ночам зал достраивали, пошли дожди, протекала крыша. Настроение у большинства оркестрантов было кошмарное, ведь их выгнали из их оркестров и стран, они не были идейными сионистами. В один из дней Штайнберг собрал оркестр, сказал, что мы не можем подвести Губермана, потратившего столько сил на создание оркестра... Мы, несмотря на разные языки, сговорились и сыгрались.

Передо мной программка первого концерта — подарок Шломо Бора. В списке оркестра против каждого имени — прежнее место работы. Концертмейстеры оркестров Вены, Гамбурга, Варшавы, Будапешта, Лейпцига, участники квартетов, оркестранты из Парижа, Берлина, Праги, Гааги, Рима... На обложке — факсимиле автографов Губермана и Тосканини. А мой собеседник репетировал с Тосканини и играл с ним.

I' oradai i ea i'adai' et' i'adai' i'adai' da

E'p'adai' i'adai' i'adai' i'adai'

— О Тосканини ходило много разных слухов: он разбивает часы, бросает в головы оркестрантам партитуры. Страшно было подумать, что он будет репетировать в сарае, около которого рабочие строили катера и громыхали молотками. Секретарь оркестра попросил их делать перерывы во время репетиций с Тосканини. Они согласились, но спросили: «А билеты?» В 1930-х годах в Тель-Авиве рабочие хотели слушать музыку! Был составлен список, по которому они с женами и детьми получили билеты. Это была наша публика. В зале был и Верховный комиссар Палестины Уокоп, помогавший Губерману с получением сертификатов, был профессор Вейцман, будущий президент Израиля, было много иностранцев... 26 декабря никогда не забуду. Во время концерта вдруг раздался грохот на крыше. Через много лет, на концерте в кибуце Эйн-Гев, один местный житель мне напомнил это и сказал, что они с друзьями забрались на крышу и слушали музыку.

— Что играли на первом концерте?

— Увертюры к «Шелковой лестнице» Россини и «Оберону» Вебера, «Неоконченную симфонию» Шуберта, фрагменты из «Сна в летнюю ночь» Мендельсона, вставленные в программу специально, поскольку Мендельсон был запрещен в Германии, и Вторую симфонию Брамса — здесь я вернусь к первой репетиции с Тосканини. Маэстро поселили в домике у моря. За ним приехала машина, но его не обнаружили. Машина опоздала на две минуты, и Тосканини пошел пешком. Автомобиль ехал за ним, дирижер не хотел садиться, говоря, что не желает иметь дела с непунктуальными людьми. Потом, в кабинете директора, он сорвал его шляпу с вешалки, бросил ее на пол и сказал: «Под этой шляпой нет головы!»

— На каком языке говорил Тосканини?

— На смеси итальянского, английского и немецкого, но ругался только по-итальянски. Когда он вышел на сцену, было сказано всего три слова: «Bon giorno. Brams». Мы три месяца репетировали со Штайнбергом, но тут было что-то невероятное. Тосканини все время держал левую руку у сердца, поскольку он бывший виолончелист, как бы делал вибрато на виолончели и шептал: «Cantare!» («Петь!») А я думаю: где скандал? Закончили первую часть, и он сказал только два слова: «Molto bene» («Очень хорошо»). Мы были хорошо готовы, а после первой репетиции с Тосканини поняли, что оркестр живет. На репетиции скандалов не было, не только потому, что хорошо играли, — думаю, маэстро был к нам снисходителен. Но разве Тосканини может без скандала? И он случился, на втором концерте, в Хайфе. В начале четвертой части симфонии Брамса есть одна нота у трубы, которая в третьей части отдыхает. Трубоч Цви Фельдман взял эту ноту в третьей части. Несколько секунд, причем не мешавших гармонии, — но Тосканини остолбенел и до конца симфонии, как автомат, только отбивал такт. Мы так собрались, что играли не хуже, чем когда он дирижировал. После окончания Тосканини ушел за кулисы, откуда мы услышали: «Miseria!» («Несчастье!») Не вышел на поклон и заперся в комнате. Публика, ничего не

заметившая, аплодировала, друзья говорили: «Какой гений, никаких движений, а как звучало!» А трубач заболел. И Тосканини, представьте, пришел к нему домой. После того концерта он сказал: если без моего дирижирования оркестр так играл, у него большое будущее. Популярность Тосканини в Палестине была огромной, помню, у кого-то родились девочки-близнецы, которых назвали Тоска и Нини.

— А Губерман играл с оркестром?

— Он счел неудобным делать это при открытии, желая почет оставить для Тосканини, и должен был играть с нами только во втором сезоне. Но, повредив руку, выступил впервые с нами лишь в 1938-м — с концертом Бетховена. Еще раз Губерман играл с нами в Египте в 1940 году, на концертах в фонд пострадавших от землетрясения в Турции. Тогда он сказал: «Я горд, что еврейский оркестр на египетской земле играет в фонд пострадавших в Турции!» Губерман мечтал об объединении стран, написал еще в 1925 году книгу «Мой путь к пан-Европе»...

— И создал панъевропейский еврейский оркестр в Израиле.

Аббад Орфей ет е

— Он не был сионистом, просто предвидел судьбы евреев Европы и чувствовал, что здесь можно воплотить свои идеи с людьми, которые после работы в поле шли на концерты в кибуцах с нотами в руках. Он поверил в этих людей и сделал то, что сионисты сделать не смогли.

Оркестр, созданный великим скрипачом и открытй великим дирижером, мог кануть в Лету, если бы его не поддержали другие большие музыканты. Одним из частых гостей оркестра был дирижер Исайя Добровейн, в СССР известный тем, что играл Ленину «Аппассионату». В Палестине он впервые продирижировал Шостаковичем. Вайнгартнер, Кусевицкий. Митропулос, Малько, Челибидаке... До 1967 года — советские музыканты, первым из них был Яков Флиер, последним, накануне Шестидневной войны, — Дмитрий Башкиров, приезжающий по сей день. Главного дирижера в ИФ долго не было. В начале 1960-х впервые за дирижерский пульт встал молодой индус Зубин Мета. В 1969-м его пригласили музыкальным консультантом оркестра, а в 1977-м избрали главным дирижером. Первая любовь оказалась вечной: в 1981 году маэстро был избран пожизненным руководителем коллектива. Мета — ровесник оркестра. И в этом году юбилей празднует не только Израильская филармония, но и ее главный дирижер. По еврейской традиции обоим можно пожелать жить до 120 лет. Когда речь идет о жизни человека, такое пожелание — скорее мечта, но для оркестра — вполне реальный срок.

НАШЕ КИНО:

УЙТИ И ВЕРНУТЬСЯ В 1943 ГОД

ÈËÎÄ ÈÄËÓØ Î ÈÀÒÄÑÒÐÎ ÔÄ, Ä ÈÎÒÎÐÎË ÓÖÄËÄË ÑÄÎ

ÈÐËÎÄ Î ÄË

ÓËÒÈ, ÄÄÐÎ ÓÓÛÑß

Ðæèññäð ÈËÎÄ ÈÄËÓØ

ÔÐÄÎ ÕËß, 1985

Èäüð èç óèëüü ä «Óëòè, ääðÎ óóÛñß». Ðæèññäð ÈËÎÄ ÈÄËÓØ. ÔÐÄÎ ÕËÿ, 1985 ää

Фильм «Уйти, вернуться» («Partir, revenir»), снятый в 1985-м, не шел в советском прокате. Несмотря на участие в нем главных звезд французского кино, его ни за что бы не купили в прежние времена. Но в перестройку фильм показали на отечественном телеэкране. И это было такое же потрясение, как увиденное несколькими годами раньше «Последнее метро» Франсуа Трюффо. То же время, та же страна и личная заинтересованность режиссера в происходящем — что у Лелуша, что у Трюффо. Оба во время войны были мальчиками. Катастрофа произошла на их глазах и могла обоих уничтожить. Чудо, что этого не произошло.

— Я еврей, — признавался Клод Лелуш в интервью, опубликованном несколько лет назад в журнале «Караван историй». — Родился в 1937 году. Моя мама Эжени — католичка. Ради любви к моему отцу Симону она приняла иудаизм, причем в самый что ни на есть неподходящий и опасный период истории.

История семьи Лелуш настолько увлекательна, что грех ее не рассказать, тем более что так или иначе события жизни Клода Лелуша нашли отражение в кино. Во всех биографиях режиссера сказано, что отец его Симон Лелуш был алжирский еврей. Это не совсем так. Его прадед обосновался в Алжире после того, как, в числе других беженцев из Восточной Европы, перебравшихся в Землю обетованную, указом 1882 года был изгнан турками из Эрец-Исраэль. И жили бы Лелуши до поры до времени в Африке, не вздумай мама будущего режиссера в 1942 (!) году перебраться в Ниццу, где вот-вот должны были случиться

роды у ее сестры. Отец умолял ее остаться, но та не послушалась и, мало того, взяла пятилетнего Клода с собой.

Когда в ноябре 1942-го их корабль причалил в Ницце, оказалось, что граница еще недавно свободной зоны на замке и покинуть ее нельзя ни на поезде, ни морем. Некий провокатор, родственник семьи, дал испуганной женщине адрес в Париже, где им якобы смогут помочь. По указанному адресу оказался агент гестапо, которому Эжени Лелуш простодушно рассказала о себе все. К счастью, быстро осознав ужас содеянного, она воспользовалась возможностью улизнуть из ловушки и три года вместе с сыном бегала от страшной судьбы. И убежала. Они переезжали с квартиры на квартиру, будущий режиссер вспоминал, как мать прятала его в кинотеатрах, с утра сдавая сына на попечение билетерш, а вечером забирая его (Лелуш утверждает, что именно тогда, глядя по нескольку раз один и тот же фильм, он пристрастился к кинематографу). Только в апреле 1945-го, когда отец Клода, вместе с армией генерала де Тассиньи, ступившей на землю Франции одновременно с американцами, оказался в Марселе, семья воссоединилась. Бесконечный поцелуй своих родителей на марсельском вокзале Лелуш попытался воспроизвести через 20 лет в своей самой знаменитой картине «Мужчина и женщина».

Но не только поцелуй режиссер воспроизвел в кино. Предательства, свидетелем которых (хорошо, что не жертвой) он стал в детстве, тоже нашли отражение в его фильмах. Не только в «Уйти, вернуться». Еще в 1981-м Лелуш снял картину «Одни и другие» — эпическую драму о пятидесяти годах XX века, с 1930-х по 1980-е: в ней тоже затронута тема коллаборационизма во Франции и трагедии местных евреев, погибших не столько от рук нацистов, сколько от предательства тех, с кем жили бок о бок много лет. Будучи лицом заинтересованным, режиссер умудрился коснуться Холокоста даже в экранизации «Отверженных», перенес действие главного романа Виктора Гюго в XX век и добавив в узнаваемый сюжет парочку героев-евреев.

Но в фильме «Уйти, вернуться» он высказался об этом красноречивее, чем где-либо еще, вписав в сюжет систему кодов, понятных ему одному. Одного из главных героев, психиатра Симона Лернера (его играет Мишель Пикколи) он назвал именем отца. У Симона красавица жена Сара (Франсуаза Фабиан) и двое детей — юная Саломея и Соломон, многообещающий пианист. Не случайно имена всех членов семьи начинаются на «с» — как и имена всех детей Клода Лелуша (в честь отца), как имя его дочери Саломеи, которую родила режиссеру его подруга Эвелин Буи. Буи, в свою очередь, сыграла в «Уйти, вернуться» Саломею. Здесь играли самые близкие Клоду Лелушу друзья-актеры, которые для него — та же семья.

Врача Ролана Ривьера, друга Симона, играет любимый актер Лелуша Жан-Луи Трентиньян, его жену Элен — Анни Жирардо, роман с которой у Лелуша к моменту съемок давно закончился, их сына Венсана — один из постоянных его артистов Ришар Анконина. В самом начале мы видим сцену в курортном ресторане, накануне вступления немцев во Францию. Две пары сидят за столиком и рассуждают о том, что творится в мире:

— Войны не будет.

— Война уже идет.

— Это не война, просто кончается лето. Зачем же нам воевать?

Спокойный, ни к чему не обязывающий треп уверенных в себе людей. Пройдет совсем немного времени, и Лернеры вынуждены будут бежать из Парижа — сын консьержки сообщит Саломее, что мать донесла на них в полицию и ночью за ними должны прийти. И мы понимаем: не то чтобы консьержка была таким уж врагом, просто она как все. Помните в «Последнем метро» Трюффо: «В день полиция получает до полутора тысяч анонимных доносов на евреев». Таковы были нормы жизни.

Лернеров приютили в своем замке в деревне друзья Ривьеры. До поры до времени высокие стены древнего замка укроют беглецов и от соседей, и от фашистов. Выдаст их кто-то из своих. Тот, кто знал. Донос немцы покажут Лернерам в машине, которая будет их увозить. Мы не услышим ни слова: диалоги в этой сцене заглушает музыка, которая красноречивее слов.

Весь фильм идет под Рахманинова. Звучит одна из прелюдий, но главное — весь Второй концерт, который без конца репетирует Соломон (его роль играет пианист Эрик Бершо).

— Ты играешь Рахманинова весь день, — замечает Соломону сестра.

— Он вчера умер.

Значит, уже 29 марта 1943 года. Текста здесь вообще мало, музыка с успехом заменяет его, лишь изредка перескакивая с Рахманинова на Мишеля Лёграна. Недаром Лелуш придумал своему фильму подзаголовок: «Романтическая история для фортепиано с оркестром и кинокамерой». Позже Эрик Бершо появляется в облике себя самого, как реинкарнация погибшего в концлагере Соломона. Его узнает Саломея — единственная, кто выжил из семьи. Весь фильм мы перескакиваем из одной эпохи в другую — 1940-е, потом 1960-е, Саломея стала писательницей и опубликовала книгу о происшедшем в годы войны. По книге собираются снимать кино. Режиссер словно играет в этот фильм в фильме, он сказал об этом сам в своей книге:

«Уйти, вернуться» — в большей степени, чем любой другой мой фильм, о моей страсти к кино, — пишет Клод Лелуш. — А концерт № 2 Рахманинова был краеугольным камнем, его душой, невидимой звездой. Некоторые, иронизируя, спрашивают, почему я выбрал именно этот концерт, который в музыке занимает то же место, что «Мона Лиза» в живописи? Отвечаю: потому что этот концерт, написанный Рахманиновым после нервного срыва, в некотором смысле олицетворяет собой коллективный нервный срыв на все времена. В «Уйти, вернуться» я старался как музыкант, как романист объединить прошлое, настоящее и будущее в устойчивый поток эмоций.

Эмоции действительно бьют через край, но режиссеру удалось их обуздать. Ближе к финалу мы снова видим Саломею, вернувшуюся в замок после войны. Она вернулась с единственной целью — найти того, кто их сдал. Обещает награду, если кто-то наведет ее на след или признается в содеянном. Саломея не собирается мстить, она хочет лишь знать. И в этом месте драма превращается в детектив: доносчиком мог оказаться любой, потому что многие вовсе не считали подобный донос преступлением. В этом все дело. В большинстве стран такие обвинения со стороны знаменитого режиссера, признанного национальной гордостью, представить себе нельзя. Только не во Франции, где было немало коллаборационистов, но и героев хватало и никто никому не смеет заткнуть рот. Лелуш жесток с соотечественниками. Но он завоевал право открыть им глаза.

АВТОРЫ НОМЕРА

אַאִי עֵאִי עֵי אַאִי יַעֲרִיאַ (א. 1967):

филолог, переводчик, сотрудник Иерусалимского университета;

עֵאִי יֵאֵ אֵאֵנֶעֱוֹאַאַ:

арт-критик, обозреватель журнала «Итоги». Сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Персона»;

אַעֲעֵאַעֲוֹ אַאַעֲעֵי (א. 1939):

журналист, прозаик и переводчик литературы на иврите и идише. Его перевод «Тевье-молочника», признанный в 1987 году классическим, лег в основу бродвейского мюзикла «Скрипач на крыше». Автор книг: «Йеуда Галеви», «Пересекая священную реку», «Письма к американскому еврейскому другу». Ведет колонку в «Forward»;

עֵוֹאַעֲבֵב אֵעֲנִיַאֲבֵ (א. 1961):

раввин, пропагандист традиционной еврейской мысли, автор книг и статей, ведущий научный сотрудник Института изучения иудаизма в СНГ, заведующий кафедрой иудаики Международного института «XXI век».

МИХАИЛ ГОЛЬД (р. 1972)

журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель»;

עֲעֵי יֵדֵאִי דֵאֵעֲעֵ:

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов;

יֵ עֵוֹאַעֲעֵ אֵיֵדֵאֵעֲעֵ (א. 1946):

эссеист, публицист, литературный критик;

אַאַעֲאַעֲעֵ אֵוִי עֵעֵוֹ (א. 1959):

антрополог, этнограф, литературовед, переводчик с английского, немецкого, идиша. Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг», творческого союза «Мастера литературного перевода»;

אַאַעֲעֵי אֵ סֵאַעֲאֵי עֵי אֵ:

историк, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, доцент РГГУ, шеф-редактор портала Booknik.ru;

אַעֲאַעֲנֵאֵי אֵדֵעֲעֵ אֵאַנֶעֱעֵ (א. 1970):

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

אַיֵ יֵאֵ עֵנֵאַעֲיֵאַ:

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!)). Литературный обозреватель газеты «А-Арц»;

אַעֲאֵי אֵ עֵאַעֲאַוֵי עֵעֲיֵאַ:

журналист, филолог, автор книги «По-русски с любовью. Беседы с переводчиками»;

אַדֵעֲאֵי עֵאַדֵעֲאַ (א. 1963):

писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик»;

יֵ יֵוֹאַ עֵאֵי עֵאַוֹאַעֲיֵ (א. 1947):

социолог, автор и редактор книг «Лексикон русской алии», «Русское лицо Израиля: черты социального портрета», «Золото галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле»;

סֵיבֵ עֵיֵיֵאַעֲוִי אֵי:

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израила;

יֵ אֵעֲדֵעֲאַעֲיֵ יֵאַ (א. 1959):

преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина»;

אַעֲאַעֲעֵי עֵדֵי אֵעֲ (א. 1955):

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод;

ИРИНА МАК;

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.;

ÀÒÀÌ ÀÑÈÈ Ì ÀÌ ÀÁÌÁ (à 1960):

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010);

ÀÈÀÈÑÀÈ Ì ÌÈÐÌ ÕÑÌÁ (à 1965):

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий»;

ÀÐÀÈÑÌ ÀÈÈÈ (1922-2007):

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед;

ÀÐÙÁ ÀÌÈÛÌ ÀÌ (à 1969):

гебраист, библиист, переводчик еврейских классических текстов. Сотрудник педагогической ассоциации «Новая еврейская школа», Института Штейнзальца, Центра Чейза. Автор публикаций по филологии, библеистике и культурологии;

ÀÁÌÈÈÈ ÐÌÌ ÀÌ ÌÀÑÈÈÈ (à 1952):

специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

ÐÐÈÈ ÕÀÀÀÈ (à 1955):

историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»);

ÐÌÈ ÕÁÌ (à 1980):

израильский писатель, драматург и переводчик. Заведующий литературной частью театра «Гешер»;

Ì ÈÕÀÈÈ ÝÀÀÈÛÕÒÀÈÌ (à 1972):

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.;

Ì ÀÌ ÀÕÀÌ ÐÀÈÌÌ (à 1964):

переводчик, редактор и издатель еврейских классических текстов. Автор публикаций по еврейской истории, культуре, философии и мистике.